

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 2 (67) 2022

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор

д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.

Заместитель главного редактора

к.ю.н. Милов П.О.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» – ПН574

Подписку можно произвести на сайте агентства.

Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:

АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:

109029, Москва, Нижегородская ул., д. 32, стр. 16, каб. 1010

Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56

<http://ideka.ru>

e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
Трибуна молодого ученого**

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Вестник Академии права и управления» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии ООО «Сам Полиграфист»,

тел. 8 (495) 545-37-10

Подписано в печать 25.06.2022. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 20,23.

Печать цифровая. Заказ № 67 от 25.06.2022 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Лебедев Никита Андреевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, заведующий кафедрой экономики и цифровых технологий в аграрно-промышленном комплексе Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Макаров Иван Николаевич, доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор кафедры менеджмент и общегуманитарные дисциплины Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), профессор кафедры экономика и финансы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал);

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Волков Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры Государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, член Российской академии естественных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ткачев Валентин Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, почетный работник образования города Москвы, заслуженный юрист Российской Федерации;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (город Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж), руководитель исторического факультета Кембриджского университета;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Кембриджского университета;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, город Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Информационная безопасность Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Авдеев Данила Алексеевич, Гиндулина Александра Денисовна, Филимонова Анастасия Игоревна,
ОБОРОТ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Danila A. Avdeev, Alexandra D. Gindulina, Anastasia I. Filimonova,
TURNOVER OF «BIG DATA»: RISKS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION.....7

Бажанов Станислав Васильевич,
ЭКОНОМИКА УГОЛОВНО-СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИКИ ОРГАНИЗАЦИЙ
(УЧРЕЖДЕНИЙ), ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РЕЖИМЕ СМЕТНО-БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Stanislav V. Bazhanov,
ECONOMICS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE STRUCTURE OF THE ECONOMY OF AN ORGANIZATIONS
(INSTITUTIONS) OPERATING IN THE MODE OF BUDGETARY FINANCING..... 11

Воржев Иван Сергеевич,
ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

Ivan S. Vorzhev,
THE PROBLEM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF INVIOABILITY OF HOUSING..... 16

Глазкова Лилия Владимировна, Бунина Аксана Федоровна,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Lilia V. Glazkova, Aksana F. Bunina,
LEGISLATION ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN FOREIGN COUNTRIES
OF CONTINENTAL EUROPE..... 20

Джималиев Залимхан Зубайраевич, Жирнов Юрий Николаевич,
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ

Zalimkhan Z. Dzhimaliev, Yurii N. Zhirnov,
MODERN TRENDS IN THE MANIFESTATION OF EXTREMISM AND THEIR IMPACT
ON THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN RUSSIA..... 24

Епифанов Олег Станиславович,
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Oleg S. Epifanov,
ON THE QUESTION OF THE FORMS OF CRIMINAL LEGAL INFLUENCE..... 29

Кошелев Роман Игоревич,
СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА В ОТНОШЕНИИ СЛУЧАЕВ НАНЕСЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ
СПОРТСМЕНАМ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Roman I. Koshelev,
MODERN LEGAL DOCTRINE IN RESPECT OF INCIDENTS TO HEALTH
OF ATHLETES DURING VARIOUS COMPETITIONS 33

Литвинова Юлия Евгеньевна,
КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ

Yulia E. Litvinova,
CONFISCATION OF PROPERTY AS A FORM OF STATE COERCION: CONCEPT AND FORMS 37

Рахманин Намиг Таирович, Милов Павел Олегович,
КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Namig T. Rahmanin, Pavel O. Milov, CORPORATE RELATIONS IN CIVIL LAW	41
Пасько Никита Эдуардович, ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
Nikita E. Pasko, LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TERRITORIAL BODIES OF MILITARY POLICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	48
Петрова Роза Есеновна, Проценко Виолетта Вячеславовна, ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Rosa E. Petrova, Violetta V. Protsenko, DIGITALIZATION OF HUMAN ACTIVITY: LEGAL REALITY, PROBLEMS AND PROSPECTS	52
Румянцев Михаил Борисович, НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК ЭТАП ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Mikhail B. Rumyantsev, RULEMAKING AS A STAGE OF LAW-MAKING ACTIVITY	57
Тарасов Евгений Александрович, УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОГО НАНЕСЕНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ НА АВТОМОБИЛЕ МЕТОДАМИ ТРАНСПОРТНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ И АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	
Evgenii A. Tarasov, ESTABLISHMENT OF SIGNS OF INTENTIONAL DAMAGE TO THE CAR BY METHODS OF TRANSPORT-TRACOLOGICAL AND AUTO-TECHNICAL EXPERTISE	63
Тарасова Юлия Анатольевна, Авясов Максим Александрович, Шафиева Мария Анатольевна, К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ	
Yuliya A. Tarasova, Maxim A. Avyasov, Mariya A. Shafieva, TO THE QUESTION OF CYBERCRIME LAW REGULATION IN RUSSIA	67
Фадеев Илья Александрович, ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОЗНАНИЕ ВО ФРАНЦИИ	
Ilya A. Fadeev, POLICE INQUIRY IN FRANCE	73
Филимонова Анастасия Игоревна, Крючков Матвей Алексеевич, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
Anastasia I. Filimonova, Matvey A. Kryuchkov, THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT: POTENTIAL AND PROSPECTS	81
Чернявский Александр Геннадьевич, ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ПОЛИТИКИ ПРАВА В ГОСУДАРСТВЕ	
Alexander G. Chernyavsky, DOES THE CULTURE OF THE STATE DETERMINE THE TASKS OF THE PHILOSOPHY OF LAW AND THE POLITICS OF LAW IN THE STATE	84

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Бурцев Юрий Алексеевич, ПРИМЕНЕНИЕ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ЕАЭС	
--	--

Yury A. Burtsev, APPLICATION OF CUSTOMS AND TARIFF REGULATION OF FOREIGN TRADE TO ENSURE EAEU ECONOMIC STABILITY	91
Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Лавров Сергей Сергеевич, ОТБОР ГРАЖДАН НА СЛУЖБУ В ОВД РФ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, Sergey S. Lavrov, SELECTION OF CITIZENS FOR SERVICE IN THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL AND MANAGERIAL REPRESENTATION.....	97
Гостев Александр Николаевич, Кокшаров Сергей Викторович, Демченко Татьяна Сергеевна, СИСТЕМА РОССИЙСКИХ МАССОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Alexander N. Gostev, Sergey V. Koksharov, Tatyana S. Demchenko, SYSTEM OF RUSSIAN MASS INFORMATION COMMUNICATIONS: REGULATION BY INTERNAL AFFAIRS BODIES	107
Дадажанова Екатерина Евгеньевна, Татаринцев Станислав Геннадьевич, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ Ekaterina E. Dadazhanova, Stanislav G. Tatarintsev, METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFICIENCY OF PUBLIC PROCUREMENTS IN THE HEALTH CARE SYSTEM	120
Дорошенко Кирилл Олегович, ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ИЗДЕЖЕК ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ ИЗ ЯПОНИИ В РФ Kirill O. Doroshenko, WAYS TO OPTIMIZE LOGISTICS COSTS DURING THE TRANSPORTATION OF GOODS FROM JAPAN TO THE RUSSIAN FEDERATION	125
Козлов Василий Дорофеевич, Палицына Дарья Владимировна, АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМКИ НА МАКРО И МИКРОУРОВНЯХ Vasiliy D. Kozlov, Darya V. Palitsyna, ANALYSIS OF THE STATE OF THE REGIONAL ECONOMY AT MACRO AND MICRO LEVELS.....	132
Овчинников Владислав Сергеевич, Яковлева Лариса Анатольевна, Зобова Елена Валерьевна, Гладышева Алла Викторовна, РОЛЬ ХРАНЕНИЯ И СКЛАДИРОВАНИЯ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Vladislav S. Ovchinnikov, Larisa A. Yakovleva, Elena V. Zobova, Alla V. Gladysheva, THE ROLE OF STORAGE AND WAREHOUSING IN THE LOGISTICS SYSTEM	136
Романович Михаил Алексеевич, ТИПЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И КРИТЕРИИ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ Mikhail A. Romanovich, TYPES OF INVESTMENT STRATEGY OF MACHINE-BUILDING ENTERPRISES AND CRITERIA FOR THEIR IDENTIFICATION.....	140
Торгашова Наталья Александровна, Марусова Ирина Юрьевна, МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОВМЕСТНЫЕ ЗАКУПКИ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Natalia A. Torgashova, Irina Yu. Marusova, INTER-REGIONAL JOINT PURCHASES: ISSUES OF REGULATION AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT	148

Третьякова Лариса Александровна, Лисова Екатерина Валерьевна, СМЕЩЕНИЕ ВЕКТОРА ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СТОРОНУ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ Larisa A. Tretyakova, Ekaterina V. Lisova, THE SHIFT OF THE REGIONAL DEVELOPMENT ASSESSMENT VECTOR TOWARDS THE SOCIAL COMPONENT	154
---	-----

Трибуна молодого ученого

Луковенко Екатерина Дмитриевна, Толстоброва Виктория Юрьевна, Яшкина Ольга Романовна, Глазунова Елена Зулфаровна, ВЕДЕНИЕ БИЗНЕСА С ВНЕДРЕНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Ekaterina D. Lukovenko, Victoria Yu. Tolstobrova, Olga R. Yashkina, Elena Z. Glazunova, DOING BUSINESS WITH THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES.....	159
Якимов Роман Васильевич, АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ Roman V. Yakimov, ANTHROPOCENTRICITY AS A DRIVING FORCE OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION	164

Авдеев Данила Алексеевич,

студент магистратуры юридического института, Владимирский государственный университет
имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир,
danilavdeev@yandex.ru

Гиндулина Александра Денисовна,

Студент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир,
alexandra.gindulina@yandex.ru

Филимонова Анастасия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права юридического института,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир,
filimonova_ai508@mail.ru

ОБОРОТ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривается вопрос правовой регламентации оборота «больших данных». Описываются риски их коммерциализации. Приводятся примеры из зарубежной практики. Авторы провели технико-юридический анализ конструкции договора об оказании услуг по предоставлению информации и предложили изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: большие данные, информация, данные, риски.

Danila A. Avdeev,

Master's student of the Law Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir,
danilavdeev@yandex.ru

Alexandra D. Gindulina,

student of the Law Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir,
alexandra.gindulina@yandex.ru

Anastasia I. Filimonova,

Ph.D. of juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Law
Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir, Vladimir,
filimonova_ai508@mail.ru

TURNOVER OF «BIG DATA»: RISKS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Abstract. The article deals with the issue of legal regulation of the turnover of «big data». The risks of their commercialization are described. Examples from foreign practice are given. The authors conducted a technical and legal analysis of the design of the contract for the provision of information services. Amendments to the current legislation are proposed.

Keywords: big data, information, data, risks.

Цифровизация – это сложный и многогранный процесс, предусматривающий, среди прочего, внедрение цифровых технологий, повышающих эффективность деятельности и качество жизни, во все сферы деятельности человека. «Локомотивами» цифровой трансформации являются технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, нейросетевые технологии, «Интернет вещей», «Большие данные», распределенный реестр, виртуальная и дополненная реальность. Особую ценность в цифровой экономике

представляют «большие данные», образно называемые некоторыми авторами «новой нефтью» [1].

Термин «большие данные» довольно регулярно и часто используется в научной литературе, в средствах массовой информации, однако его общепринятого определения не существует. Еще в 1990 годы были описаны характеристики «больших данных» как данных, которые не могут быть обработаны традиционными инструментами управления. В общем, «большие данные» могут быть определены как

данные, которые генерируются постоянно, автоматически и быстро [2].

В настоящее время объёмы информации, используемые как гражданами, так и юридическими лицами, многократно возросли, причем часть информации собирается и анализируется автоматически, в том числе на основе технологий искусственного интеллекта [3]. Даже в тех правовых порядках, где главенствует подход о приоритете защиты права индивида на частную жизнь, присутствуют практики использования бизнесом персональных данных в целях увеличения прибыли. Это объяснимо тем, что в условиях повсеместной цифровизации классическая формула капитала «деньги-товар-деньги» трансформировалась в «деньги-услуга-данные-деньги».

Чаще всего пользователи не платят за предоставление доступа к сервису или услуге в Интернете (например, за общение в социальных сетях или по электронной почте), однако эти услуги бесплатны лишь условно: пользователи расплачиваются за них своими данными, которые компании затем превращают в деньги. В этой связи уместно отметить, что судебная практика уже признает файлы «cookies» в качестве персональных данных, что существенно затрудняет их использование бизнес-экосистемами [4].

«Big Data» («большие данные») являются одним из ключевых факторов развития сервисов на основе искусственного интеллекта, который активно используют цифровые платформы для оказания услуг своим клиентам. Например, обработка больших данных цифровыми сервисами позволяет им делать намного более качественные продуктовые предложения своим пользователям (за счет лучшего понимания их потребностей, что обеспечивается анализом больших данных), снижать стоимость оказываемых услуг. В результате коммерческого использования персональных данных появился новый рынок с соответствующими участниками: биржами данных, информационными брокерами, которые на профессиональной основе собирают данные о физлицах и предоставляют их заинтересованным компаниям. Так, вопрос об обработке персональных данных вышел за пределы дискуссий о соблюдении основополагающих прав человека и стал инвестиционным инструментом, обеспечивающим экономический рост [5].

Проблема заключается в том, что широкие возможности коммерциализации персональных данных привели к рискам их утраты: данные можно украсть или продать третьим лицам. Например, в марте 2022 года в сети были опубликованы персональные данные пользователей сервиса доставки «Яндекс-Еда». Данные были визуализированы в виде карты и включали в себя имя пользователя, адрес доставки, электронную почту, номер телефона и сумму заказов [6]. Впоследствии, в Замоскворецкий районный суд го-

рода Москвы был подан коллективный иск к «Яндекс.Еде», к которому присоединилось 33 пострадавших клиента сервиса. Истцы требуют компенсацию морального вреда в размере 100 тысяч рублей за утечку данных каждого пользователя в связи с нарушением п. 2 ст. 17 закона «О персональных данных» [7].

С точки зрения законодательства о персональных данных, которое устанавливает публично-правовой режим их защиты, такие данные не могут быть признаны оборотоспособными, то есть не могут отчуждаться [8]. Вопрос относимости данных к объектам гражданских прав до сих пор является дискуссионным [9]. Так, гражданское законодательство не позволяет рассматривать информацию, а следовательно, и персональные данные, в качестве самостоятельного объекта гражданских прав (в том числе и обязательственных правоотношений). При этом, фактически данные собираются, приобретаются, обмениваются в результате гражданско-правовых сделок. Данные отношения требуется урегулировать и первые попытки этого уже предприняты. В 2019 году в тексте Гражданского кодекса РФ была закреплена конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации (ст. 783.1 ГК РФ) (ранее он именован не был). По заявлению разработчиков нормы, этот вид обязательств должен использоваться в целях сбора и оборота информации при формировании больших данных (big data) [10]. Нельзя назвать безупречным в технико-юридическом отношении дефиницию данного договора (в тексте нормы он понимается как «договор, в силу которого исполнитель обязуется совершить действия по предоставлению определённой информации заказчику»). На наш взгляд, данная формулировка может быть интерпретирована достаточно широко. Например, договор, опосредующий отношения репетитора и ученика, тоже можно квалифицировать как услугу по предоставлению информации. В то же время и до принятия данной новеллы подобные отношения регулировались гражданским законодательством, в таком случае цель принятия данной поправки неочевидна.

Однако излишне широкая формулировка – не единственная проблема избранного российским законодателем подхода. Представляется, что существенным дефектом является не совсем точное отражение сути отношений по коммерциализации данных в законе. Дело в том, что сводить все многообразие этих обязательств к отношениям по оказанию информационных услуг некорректно. Закон не учитывает, что ценность имеет не сам процесс обработки больших данных, а данные как товар, самостоятельный объект гражданского оборота. Корректнее регулировать не процесс передачи данных (что предполагает правовая природа услуги как таковой), а результат [11].

Обратимся к зарубежному опыту правового регулирования данных отношений. В Германии, к примеру, к данным отношениям некоторые правоведы считают допустимым применять нормы о подряде. В соответствии со ст. 950 Германского гражданского уложения лицо приобретает право собственности на результаты работы, в процессе которой материал был преобразован в другой объект, за исключением случаев, когда стоимость преобразования значительно меньше стоимости изначального материала. Согласно данному подходу, данные могут рассматриваться как материал, а обработанные данные – как результат преобразования [12]. Первые подступы к регулированию сделаны в США. В штате Вермонт (США) о регулировании информационных брокеров (Act. 171 of 2018 Data Broker Regulation) [13]. В соответствии с положениями закона информационный брокер определяется как компания, одно или несколько подразделений компании, которые открыто собирают, продают или предоставляют лицензии третьим сторонам на личную информацию потребителя, с которым компания не имеет прямых отношений. Публично-правовым ограничением использования данных, таким образом, являются нормы законодательства о персональных данных [12]. Представляется, что введение подобных норм, регламентирующих (хотя бы в общем порядке) оборот персональных данных позволяет вывести его из тени.

Для упорядочивания оборота больших данных логичным видится предложенное в литературе создание новой правовой конструкции, аналогичной, но не тождественной исключительному праву на информацию, составляющую секрет производства. Правовой режим данной конструкции будет близок «ноу-хау»: отличие состоит в том, что в ряде случаев собранные

массивы данных не будут обладать свойством «интеллектуального» участия человека [11].

Таким образом, регулирование оборота данных (в том числе больших) ввиду их экономической ценности неизбежно. Можно отметить, что общего подхода нет: в российском законодательстве предполагается использовать договорную конструкцию возмездного оказания услуг, в немецком – подряда, в США предусмотрено специальное регулирование. Прежде чем регулировать оборот целесообразным видится определить их правовую природу.

Потенциальная коммерциализация персональных данных вызывает вопросы. Во-первых, видится невозможной с этической точки зрения коммерциализация всей информации, относимой к персональным данным. Во-вторых, возникают риски, связанные с легитимацией недобросовестных практик обработки данных и дискриминацией физических лиц на основе их персональных данных.

В любом случае, в российском правовом порядке должно быть предусмотрено публично-правовое ограничение оборота персональных данных, которое обусловлено необходимостью защиты личности и недопустимостью произвольного неконтролируемого коммерческого оборота персональных данных. Кроме того, должны быть созданы технические механизмы защиты данных от утечки и атак злоумышленников. Представляется, что такой подход обеспечит восполнение отдельных пробелов правового регулирования оборота персональных данных, устранил барьеры в построении цифровой экономики, сформирует у физлиц ответственное отношение к распоряжению своими персональными данными, и выведет практику коммерциализации из «серой зоны».

Список литературы

1. Данные – новая нефть // VC. <https://vc.ru/offline/157053-dannye-eto-novaya-neft> (дата обращения: 10.12.2021).
2. *Dumbill Edd*, Making Sense of Big Data // Big Data 1, no. 1 (February 2013).
3. *Кириллова Е.А.* Правовой статус и принципы использования технологии больших данных (Big Data) // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 68 – 69.
4. Определение Московского городского суда от 10.11.2016 по делу №33-38783/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» – злободневные вопросы IT-сферы // ГАРАНТ. РУ URL: <https://www.garant.ru/article/1229761/> (дата обращения: 02.05.2022).
6. Служба безопасности Яндекс Еды сообщила об утечке информации // Яндекс URL: https://yandex.ru/company/services_news/2022/01-03-2022 (дата обращения: 02.05.2022).
7. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152 // Российская газета. – Ст. 17 с изм. и доп. в ред. от 02.07.2021.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 128.
9. *Стрижова Т.* Персональные данные – «новая нефть» // Адвокатская газета. – 2022 – 16.01-31.01. – Ст. № 2 (355).
10. В Гражданском кодексе появятся цифровые права и смарт-контракты // PRAVO.RU. URL: <https://pravo.ru/news/209250/>.
11. *Савельев А.И.* На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4. С. 174-195.

12. Магомедова О.С., Коваль А.А., Левашенко А.Д. Торговля данными: разные подходы, одна реальность // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-dannymi-raznye-podhody-odna-realnost> (дата обращения: 19.12.2021).
13. Vermont's Act 171 of 2018 Data Broker Regulation 9 V.S.A. §§ 2430, 2433, 2446 and 2447, available at: <https://legislature.vermont.gov/bill/status/2018/H.764> (Accessed 15 April 2020).

References

1. Data – new oil // VC. <https://vc.ru/offline/157053-dannye-eto-novaya-neft> (date of application: 10.12.2021).
2. Dumbill Edd, Making Sense of Big Data // Big Data 1, № 1 (February 2013).
3. Kirillova E.A. The legal status and principles of using big Data technology (Big Data) // Russian Justice. 2021. № 2. pp. 68-69.
4. Ruling of the Moscow City Court of 10.11.2016 in case № 33-38783/2013 // SPS "ConsultantPlus".
5. Commercialization of personal data and the concept of "big date" – topical issues of the IT sphere // GARANT.RU URL: <https://www.garant.ru/article/1229761/> (date of appeal: 02.05.2022).
6. The Yandex Food Security Service reported a leak of information // Yandex URL: https://yandex.ru/company/services_news/2022/01-03-2022 (date of application: 02.05.2022).
7. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 № 152 // Rossiyskaya Gazeta. – Article 17 with amendments and additions. in ed. from 02.07.2021.
8. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 25.02.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. – № 32. – Article 128.9.
9. Strizhova T. Personal data – "new oil" // Advocate newspaper. – 2022. – 16.01-31.01. – Article № 2 (355).
10. Digital rights and smart contracts will appear in the Civil Code // PRAVO.RU . URL: <https://pravo.ru/news/209250/>.
11. Savelyev A.I. On the way to the concept of data regulation in the digital economy // Law. 2019. № 4. pp. 174-195.
12. Magomedova O.S., Koval A.A., Levashenko A.D. Data trading: different approaches, one reality // Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovlya-dannymi-raznye-podhody-odna-realnost> (accessed: 12/19/2021).
13. Vermont State Law № 171 of 2018 on Data Broker, Regulation 9 V.S.A. §§ 2430, 2433, 2446 and 2447, available at: <https://legislature.vermont.gov/bill/status/2018/H.764> (Accessed April 15, 2020).

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, Москва,
svb-1956@mail.ru

ЭКОНОМИКА УГОЛОВНО-СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИКИ ОРГАНИЗАЦИЙ (УЧРЕЖДЕНИЙ), ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В РЕЖИМЕ СМЕТНО-БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с уголовно-процессуальной политикой, экономикой и правом, которые являются неотъемлемыми компонентами государственно-правовой политики Российской Федерации. Автор утверждает, что политика, как общая, так и уголовно-процессуальная, оказывает влияние на отраслевое право опосредовано, то есть через экономику организаций и учреждений, функционирующих в режиме сметно-бюджетного финансирования.

Ключевые слова: государственно-правовая политика борьбы с преступностью, уголовно-процессуальная политика, экономика и право, экономика уголовно-судебного производства, уголовный процесс, государство, право, конкретно-социологические исследования.

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences,
retired colonel of justice, Moscow,
svb-1956@mail.ru

ECONOMICS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE STRUCTURE OF THE ECONOMY OF AN ORGANIZATIONS (INSTITUTIONS) OPERATING IN THE MODE OF BUDGETARY FINANCING

Abstract. The article deals with issues related to criminal procedure policy, economics and law, which are integral components of the state legal policy of the Russian Federation. The author argues that politics, both general and criminal procedural, has an indirect impact on the sectoral law, that is, through the economy of organizations and institutions operating in the mode of budgetary financing.

Keywords: state-legal policy of combating crime, criminal procedure policy, economics and law, economics of criminal proceedings, criminal process, state, law, specific sociological research.

Предваряя рассмотрение темы, вынесенной в заголовок настоящей статьи, хотелось бы сделать небольшое отступление технико-редакционного свойства, касающееся понятийного аппарата, используемого в её названии. Речь идет о словосочетании «уголовно-судебное производство»¹, которое в пункте 56 статьи 5 УПК РФ истолковывается как досудебное и судебное производство по уголовному делу.

Подобную интерпретацию следует воспринимать как грубую ошибку законодателя, поскольку с позиций семантики выражение «УСП» означает буквально уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся исключительно в суде [12, с. 233].

Вызывает неприятие и формулировка «судебное производство», которую можно трактовать неоднозначно, несмотря на то, что в упомянутой выше норме (п. 56 ст. 5 УПК РФ) под ней, по всей видимости, подразумевается уголовно-процессуальная деятельность судьи (суда) в стадии судебного разбирательства.

В любом случае рассматривать понятия «УСП» и «уголовный процесс» как синонимы недопустимо, так как уголовно-процессуальные правоотношения начинаются с момента поступления² сообщения о преступлении в органы внутренних дел³; по крайней мере, так декларируется в части 1 статьи 144 УПК РФ.

² Здесь и далее курсив автора.

³ Другого правоохранительного ведомства; далее – ОВД. – прим. авт.

¹ Далее – УСП. – прим. авт.

Хотя, и подобное прочтение «буквы закона» не идеально, ибо начало уголовного процесса логичнее связывать с датой *регистрации* сообщения о преступлении в КУСП⁴ дежурной части ОВД.

Используя названный термин в данном конкретном случае, автор настоящей публикации делает акцент на его экономическую природу, выигрышно подчеркивающую адекватную ей подоплёку уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов досудебного производства, о чём, собственно, и пойдёт повествование по ходу дальнейшего изложения материала.

В многочисленных научных трудах по политологии уже не единожды отмечалось, что политика по отношению к праву имеет превалирующее значение. Подобное представление не возбраняется распространить и на уголовно-процессуальную политику, воздействующую на отраслевое право опосредованно, через экономику УСП. Добросовестное освоение указанной парадигмы чрезвычайно важно в виду известного отношения мира своекорыстия к властвующим над ним законам, хитроумный обход которых составляет его главное искусство. Самоё движение этого мира в рамках этих законов (по К. Марксу) неизбежно является постоянным их упразднением.

Как известно, в природе существует всеобщая связь, наблюдаемая и в общественных отношениях, тотально пронизывающих государство и право. Одна из важнейших задач конкретно-социологических исследований на сей предмет как раз и заключается в её подробном объяснении. При этом особую ценность приобретает многофакторный анализ степени влияния политических, экономических и прочих факторов на социальную обусловленность юридических норм, эффективность предопределяемой ими правоохранительной практики. Получаемые результаты позволяют выделить главные акценты, оказывающие прямое либо косвенное воздействие на механизм формирования законодательства, порядок реализации присущих ему институтов, обуславливающих, в конечном итоге, общественную значимость правовой надстройки в целом [10, с. 155, 156].

Междисциплинарное уяснение обозначенной проблемы в канве государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью призвано включать в себя комплекс мероприятий, ориентированных, среди прочего, на разумную экономию квалифицированного и всякого прочего чиновничьего труда. В условиях бюджетной экономики, то есть экономики организаций и учреждений, функционирующих в режиме сметно-бюджетного финансирования, включая органы уголовной юстиции, она (указанная экономия) не должна ухуд-

шать условий достижения назначения УСП, но только зримо улучшать их [11, с. 159].

Парадоксальность обсуждаемой доктрины проявляется в том, что искусственное разобщение решаемых при этом задач принципиально недопустимо при исследовании сложных социологических объектов, к которым относятся и правоохранительные ведомства. Игнорирование поименованного фактора приводит к невосполнимым потерям имеющихся ресурсов при внешнем и внутреннем управлении ими впоследствии.

Так или иначе, но необходимо остерегаться избыточного преувеличения возможностей естественных и технических наук, механистического заимствования свойственных им средств, методов и инструментария гуманитарной сферой в целях обоснования выдвигаемых и отстаиваемых в её рамках и в её интересах воззрений.

В любой отрасли российской правовой системы должна наличествовать обособленная категория меры, пригодная для определения пределов разумного, экономически оправданного, а стало быть, обоснованного нормативного правового регулирования специфических взаимосвязей субъектов (в нашем случае – уголовно-процессуальных – **С.Б.**) правовых отношений. Потребность в этом проистекает из тенденций, наблюдаемых в ходе совершенствования российской правоохранительной системы, свидетельствующих о бесцеремонном вторжении в область их традиционного влияния норм международного и конституционного права, неконтролируемо расширяющих спектр всевозможных гуманистических гарантий, существенно удорожающих УСП.

Еще И. Кант утверждал, что «в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в нём математики» [7, с. 58].

Не менее радикально общенаучный статус последней обозначил К. Маркс, считавший, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удаётся пользоваться математикой [8, с. 67].

Сказанное предполагает необходимость более вдумчивого отношения специалистов в области государственно-правовой политологии борьбы с преступностью к таким неотъемлемым её составляющим как уголовно-процессуальная политика, экономика и право. Без означенных компонентов немыслимо сопоставлять материальные траты, возникающие в связи с реализацией законодательных установлений в ходе выявления и расследования преступлений, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, с той пользой, которая образуется при достижении ожидаемого от их употребления результата [13, с. 136].

Для осуществления различных видов деятельности люди вынуждены использовать самые разноо-

⁴ Книга учета сообщений о преступлениях. – прим. авт.

бразные ресурсы, в том числе, денежные, а также запасы и ценности, совокупный потенциал которых, как правило, исчерпаем. Человек вообще живет в мире ограниченных возможностей, поскольку небеспрельными оказываются, прежде всего, его интеллектуальные и физические способности.

В области государственно-правовой политики борьбы с преступностью вообще, и уголовно-процессуальной политики, права и экономики, в частности и особенно, строго лимитировано также время (процессуальные сроки), которое следовательно, прокурор или судья могут уделить своему профессиональному занятию. Ограничены правовые средства, спускаемые законодателем для достижения ими намеченных целей [9, с. 14, 15] в условиях хронического дефицита бюджетного финансирования, насущных кадровых, материально-технических и прочих проблем.

В этом смысле экономика УСП выступает в роли науки о способах рационального использования социумом имеющихся в его распоряжении ресурсов для производства различных продуктов (товаров), оказания услуг (носителей стоимостей), а также для разработки механизма их перераспределения между потенциальными потребителями. В ней постулируется, что УСП всегда предполагает взаимодействие ряда базовых элементов: предметов и средств (труда), а также рабочей силы, задействованных в соответствующем технологическом процессе.

Сопряженная с ними уголовно-процессуальная деятельность властных субъектов расходует, прежде всего, умственную и физическую энергию служащего персонала (чиновников, сотрудников, работников) в масштабах, предопределяемых потребностями расширенного общественного воспроизводства, и уже потому *a-priori* она должна быть рациональной по используемым средствам и методам [3, с. 10].

Продуктивность (производительность) труда обуславливается затратами времени (процессуальных сроков), к экономии которого, по версии К. Маркса, в конечном счете, сводится вся экономия [4, с. 119].

Предметы труда – это то, что сотрудник стремится преобразовать, что составляет материальную основу будущего продукта (товара ли, услуги ли). Те из них, которые обнаруживаются в природе, принято именовать первичными. Претерпевшие же воздействие человека (его усилий) и предназначенные для дальнейшей переработки (использования) называются сырым материалом или сырьём.

В современных условиях в экономике УСП подавляющее большинство предметов труда представляют собой продукты предшествовавшего («прошлого») труда; к ним можно причислить: бумагу, бланки процессуальных документов, различные канцелярские принадлежности, короче всё то, что, в конечном итоге, материализуется в форму конкретного уголов-

ного дела – конечного «продукта», формализующего собой обобщенные стоимостные характеристики оказанной юридической услуги.

Так, в уголовном деле по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 318 УК РФ, имелось сообщение председателя суда осужденному о взимании с него государственной пошлины в размере 1,0 % от МРОТ⁵ за каждую страницу документа [14].

Средства труда – это то, с помощью чего чиновник воздействует на предметы труда: помещение, мебель, машины, оборудование, научно-технические средства (ЭВМ, приборы) и др.

Результат, получающийся под окончание УСП, объективирует собой факт выполнения, но не всегда удовлетворения, запрошенной юридической услуги. Его ценность в сопоставлении назначения УСП, определяемого ожиданиями клиента (пострадавшего) с затраченными средствами (в широком смысле), детерминируется добросовестностью субъекта, применявшего нормы права, и рядом других специфических моментов. Она проявляется в качестве выполненных следственных действий, розыскных мер и оперативно-розыскных мероприятий, не связанных напрямую с соотношением спроса и предложения на рынке соответствующих услуг. Данный показатель воспринимается и оценивается субъективно и лишь постольку, поскольку это в состоянии сделать заинтересованное лицо (заявитель).

По своей юридической природе уголовно-процессуальная деятельность условно может быть уподоблена договорным отношениям (обязательствам) по оказанию услуг, общими признаками которых являются:

- особенность объекта обязательства – услуги нематериального характера;
- специфика связи услуги с личностью услугодателя.

В гражданском праве Российской Федерации (ст. 779 ГК РФ) обычно говорят о возмездном оказании услуг, оформляемом договором (иным документом). В соответствии с ним исполнитель по заданию заказчика обязуется совершить определенные действия, а тот – оплатить их [6, с. 1-4].

В уголовном процессе потенциальный заказчик, которым в силу непредсказуемых обстоятельств может оказаться любой гражданин Российской Федерации, как правило, заранее оплачивает потенциально не исключаемые для него в будущем услуги оперативно-розыскного и уголовно-процессуального толка (в виде налогов). При этом договор, в котором можно было бы предусмотреть ответственность сторон, в том числе, сотрудников правоохранительных

⁵ Минимальный размер оплаты труда. – прим. авт.

органов, в случае не достижения ими «назначения УСП» (ст. 6 УПК РФ), не заключается.

Пострадавший, конечно же, вправе пользоваться услугами частных детективов, функционирующих согласно Закону Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [1], но это уже другая тема.

Что касается предметов труда и средств труда, то они, объединенные вместе, составляют в органах уголовной юстиции средства УСП, монопольным владельцем которых выступает государство, а вместе с ними – производительные силы.

В процессе производства (распределения, обмена и потребления) благ люди неизбежно вступают между собой в общественные отношения, именуемые в УСП уголовно-процессуальными. Научно-теоретическая доктрина экономики УСП исходит из признания того, что возникающие при выявлении, расследовании и раскрытии преступлений, судебном разбирательстве и разрешении уголовных дел, рассмотрении процессуальных вопросов, спорадически возникающих в стадии исполнения приговора «судопроизводственные отношения», преломляются в едином алгоритме с отношениями экономическими (финансовыми). Таковые наличествуют во всех организациях и учреждениях сметно-бюджетного режима финансирования, то есть не имеющих собственного материального производства.

Так или иначе, но следственно-судебную деятельность как таковую вряд ли справедливо почитать исключительно иждивенческой, питающейся за счет средств государственного «денежного мешка» (бюджета). Дело в том, что в случае успешного завершения уголовного процесса, провозглашения судьей (судом), главным образом, обвинительного приговора, её властные субъекты восстанавливают равновесие в общественных отношениях, существовавших до совершения уголовно-наказуемого деяния. Тем самым, посредством УСП номинально возмещаются (компенсируются) потери социума, которые оно претерпело, в том числе (не исключено), и в технологическом процессе «вещного производства».

Сущностную основу экономических отношений, совпадающих с (частными) уголовно-процессуальными правоотношениями, составляет финансовая дисциплина сторон. Посредством неё объективно очерчиваются лимиты денежных средств, спускаемых органами законодательной и исполнительной власти субъектам, непосредственно применяющим нормы права. Рачительное расходование ими казённых отчислений должно гармонизировать с их же правовыми, функциональными и гуманитарными фантазиями, если, конечно, они заинтересованы в скорейшем завершении так называемого уголовного преследования.

В силу сказанного, себестоимость (частных) уголовно-процессуальных правоотношений, определяемая структурой регламентирующих их отраслевых норм, должна просчитываться загодя, хотя бы в самом общем виде. В обоснование подобной «арифметики» следует брать методические рекомендации по планированию, учету и калькуляции затрат, произрастающих из нормативов, закладываемых в финансовый план соответствующего правоохранительного (судебного) ведомства. Ныне он именуется иначе: лимиты бюджетных обязательств, устанавливаемые, в том числе для МВД Российской Федерации, согласно порядку распределения расходов по предметным статьям и подстатьям экономической классификации расходов бюджетов страны (приказ Минфина России от 28.01.2008 № 16н [2]).

Представляется, что обозначенная в данном контексте стратегия в состоянии потворствовать становлению у современных сочинителей отечественного уголовно-процессуального законодательства обостренного чувства меры в безудержном «совершенствовании» его норм и институтов, зацикленных на правах, свободах и законных интересах человека, гражданина и личности, декларируемых более чем пространно и защищаемых более чем наивно.

Классическая структура уголовно-процессуальных норм обязана пробуждать у парламентариев, следователей, прокуроров и судей склонность к упреждающему экономическому анализу наиболее выгодного (для них и для системы) варианта «трудоуговного участия» в законотворческих и правоприменительных процедурах. Гипотеза статей, как известно, указывает на условия, в режиме которых субъекту уголовно-процессуальных правоотношений надлежит поступать предначертанным способом, диспозиция – само правило поведения, а санкция, там, где она есть, – отрицательные последствия неисполнения (ненадлежащего исполнения) императивных повелений законодателя [5, с. 262-266].

В ходе многочисленных исследований, проводившихся в разное время учеными, в том числе, автором настоящей статьи, некоторые респонденты в порядке ведомственного нормативного правового регулирования предлагали рекомендовать следователям системы Следственного комитета Российской Федерации⁶ и Следственного департамента МВД Российской Федерации⁷ составлять сметы предполагаемых расходов по уголовным делам на этапе разработки планов расследования.

Думается, что подобные пожелания избыточны, поскольку калькуляцию (расчет) затрат целесообразно делать на момент предрасположения сторон

⁶ Далее – СК России. – прим. авт.

⁷ Далее – СД МВД России. – прим. авт.

к мирному урегулированию уголовно-правового спора, то есть тогда, когда их можно реально просчитать и оценить с учетом выгод (интересов) сторон.

В этом смысле занимательная ситуация была обнаружена автором настоящей статьи при анкетировании архивного уголовного дела, возбужденного одним из горрайорганов внутренних дел города Владимира по заявлению представителя ООО «Р-М» и АОЗТ (Т) о нарушении продавцом Д. авторских прав на компьютерную продукцию. В материалах имелось документальное подтверждение факта заключения в стадии предварительного расследования «мирового соглашения», которое свелось к «урегулированию взаимоотношений с правообладателями в досудебном порядке» в виду того, что «уголовный ответчик»: а) признал

права; б) восстановил положение, существовавшее до их нарушения, прекратив преступные действия; и в) возместил убытки, включая упущенную выгоду [15].

Было бы неплохо, если бы нормативные правовые акты СК России и СД МВД России содержали исчерпывающие методические рекомендации по калькуляции затрат, претерпеваемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность при выполнении (соответственно) оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и розыскных мер. Их возмещение можно было бы класть в обоснование итоговых процессуальных решений, принимаемых властными участниками досудебных стадий уголовного процесса по окончании предварительного расследования.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888.
2. Приказ Минфина России от 28.01.2008 № 16н // СПС Консультант Плюс.
3. Амиров Ю.Д. Научно-техническая подготовка производства. М., 1989. С. 10.
4. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IV. С. 119.
5. Бажанов С.В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: монография. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2003. С. 262-266.
6. Гражданское право: учебник. 2-ое изд. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2000. В 2-х томах. Т. 2. Полутом 2. С. 1-4.
7. Кант И. Соч. В 6-и томах. М., 1996. Т. 6. С. 58.
8. Лафарг П. Воспоминания о Марксе // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 67.
9. Лебедев О.Т., Филиппова Т.Ю., Каньковская А.Р. Основы экономики: учебное пособие / под ред. О.Т. Лебедева. 2-ое изд., доп. СПб, 1997. С. 14, 15.
10. Правовая информатика и кибернетика: учебник / под ред. Н.С. Полевого. М., 1993. С. 155, 156
11. Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.В. Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. В.Т. Томина. Пятигорск, 2000. С. 159.
12. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М.: Юридическая литература, 1976. С. 233.
13. Явич Л.С. Право и общественные отношения. М., 1971. С. 136.
14. Архив Владимирского областного суда; уголовное дело № 2-51/98.
15. Архив Ленинского районного суда г. Владимира; уголовное дело № 1-84/2000.

References

1. Law of the Russian Federation of March 11, 1992 № 2487-1 "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Bulletin of the SND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation. 1992. № 17. Art. 888.
2. Order of the Ministry of Finance of Russia dated January 28, 2008 № 16n // ATP Consultant Plus.
3. Amirov Yu.D. Scientific and technical preparation of production. M., 1989. S. 10.
4. Archive of K. Marx and F. Engels. T. IV. S. 119.
5. Bazhanov S.V. Criminal procedure policy, economics and law: monograph. Vladimir: VYul of the Ministry of Justice of Russia, 2003. S. 262-266.
6. Civil law: textbook. 2nd ed. / resp. ed. E.A. Sukhanov. M., 2000. In 2 volumes. T. 2. Polutom 2. S. 1-4.
7. Kant I. Op. In 6 volumes. M., 1996. T. 6. S. 58.
8. Lafargue P. Memories of Marx // Memories of Marx and Engels. M., 1956. S. 67.
9. Lebedev O.T., Filippova T.Yu., Kankovskaya A.R. Fundamentals of Economics: textbook / ed. FROM. Lebedev. 2nd ed., add. St. Petersburg, 1997. S. 14, 15.
10. Legal informatics and cybernetics: textbook / ed. N.S. Field. M., 1993. S. 155, 156
11. Tomin V.T., Polyakov M.P., Popov A.V. Essays on the theory of effective criminal procedure / ed. V.T. Tomina. Pyatigorsk, 2000. S. 159.
12. Legal procedural form: theory and practice. M.: Legal Literature, 1976. S. 233.
13. Yavich L.S. Law and public relations. M., 1971. S. 136.
14. Archive of the Vladimir Regional Court; criminal case № 2-51/98.
15. Archive of the Leninsky District Court of Vladimir; criminal case no. 1-84/2000.

Воржев Иван Сергеевич,

аспирант кафедры Уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, город Казань,
ivan-vorjev@rambler.ru

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

Аннотация. Проанализировано значение юридического определения «неприкосновенность жилища» в качестве одной из категорий, определяющих состав преступления по ст. 139 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Данная статья определяет наказание за совершение преступлений, связанных с незаконным проникновением в жилище. неприкосновенность частной собственности, в том числе жилой собственности, охраняется законом. В частности, недопустимо вмешательство в личную жизнь гражданина в его жилище со стороны официальных государственных лиц, а также частных лиц, если отсутствуют для этого законные основания.

Ключевые слова: жилище, уголовная ответственность, незаконное проникновение, уголовное право.

Ivan S. Vorzhev,

Postgraduate at the Department of Criminal law, Kazan Federal University, Kazan,
ivan-vorjev@rambler.ru

THE PROBLEM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF INVIOABILITY OF HOUSING

Abstract. In the presented work, the significance of the legal definition of "inviolability of the home" is analyzed as one of the categories that determine the corpus delicti under Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation. This article defines the punishment for committing crimes related to illegal entry into a home. The inviolability of private property, including residential property, is protected by law. In particular, it is unacceptable to interfere in the private life of a citizen in his home by state officials, as well as private individuals, if there are no legal grounds for this.

Keywords: housing, criminal liability, illegal entry, criminal law.

Стоит отметить, что вопросы, связанные с незаконным проникновением в жилище граждан, в настоящее время стоят достаточно остро. И нужно признать, что обеспечение неприкосновенности жилища от неправомерных посягательств окончательным образом пока не реализовано. Одной из причин является тот факт, что право граждан на неприкосновенность частной жизни, в том числе право на неприкосновенность жилища, декларируемое Конституцией нашей страны, недостаточным образом изучено с практической точки зрения. До недавнего времени считалось, что данная проблема не носит актуальный характер, и ее изучали с узкой точки зрения, ограничиваясь комментариями, связанными с правоприменением статьи 139 Уголовного Кодекса [1]. По факту данное преступление имеет латентный характер, поскольку большинство таких деяний совершаются должностными лицами при исполнении ими служебных обязанностей. Соответственно, факты совершения таких преступлений нигде не фиксиру-

ются и не попадают в статистику. Это говорит о том, что проблема существует, она актуальна для современного общества и требует решения. Очевидно, что необходимо разрабатывать более действенные юридические механизмы, связанные с защитой жилья от несанкционированного проникновения.

Как отмечалось выше, за незаконное проникновение в жилище граждан предусмотрено уголовное наказание. Его рамки установлены статьей 139 УК РФ [1]. Предпримем попытку провести расширенный юридический анализ рассматриваемого деяния и наступающей за него ответственности.

До сих пор между правоведами идут дискуссии, что считать объектом преступления, предусмотренного статьей 139 УК РФ [1]. При этом большинство юристов склоняются к мнению, что это общественные отношения, в рамках которых любому гражданину государство гарантирует неприкосновенность его жилища от проникновения кого-либо. Человек использует свое жилье для удовлетворения широкого спек-

тра насущных потребностей. Эти потребности человек реализует, исходя из личных желаний и предпочтений. При этом сам термин «неприкосновенность жилища» до сих пор не имеет официально закрепленного определения.

С точки зрения логики и здравого смысла следует различать такие понятия, как незаконное проникновение и проникновение против желания хозяина. В первом случае это проникновение при отсутствии правовых оснований, во втором случае это проникновение вопреки воле хозяина жилища.

Данные вопросы в своих научных трудах подробно изучает Н.Ю. Аникина. Она приходит к выводу, что незаконное проникновение является абсолютной и полной противоположностью проникновению на законных основаниях. При этом перечень законных оснований имеется в Конституции Российской Федерации и в ряде Федеральных Законов, и он не подлежит расширенному толкованию. Все другие основания для проникновения в жилище априори считаются противоречащими действующему законодательству и попадающими под юрисдикцию статьи 139 Уголовного Кодекса РФ. Н.Ю. Аникина также дает комментарий по смысловой нагрузке термина «воля». По воле хозяина жилища означает тот факт, что хозяин выражает свое согласие на пропуск в его жилище кого-либо. Данное согласие может быть выражено в любой форме, но должно иметь совершенную ясность и недвусмысленное толкование [2].

Выражаясь более простым языком, под неприкосновенностью жилья нужно трактовать право заходить в это жилье исключительно с согласия граждан, которым оно принадлежит или которые в нем живут. Исключениями можно считать особо оговоренные в законодательстве случаи и основания, например, наличие судебного постановления. Автор особо отмечает, что согласие на допуск в жилье должно иметь абсолютно недвусмысленный характер без возможности толковать его как-то иначе. Если хозяин жилья ничего не говорит, то его молчание не может служить основанием для проникновения в жилище.

Разумеется, имеются и определенные спорные моменты. Например, остается дискуссионным вопрос, можно ли проникнуть в жилье, если проживающий там человек находится без сознания, либо реагирует неадекватно. Теоретически, любое проникновение, если нет на то законных оснований, может считаться несанкционированным со всеми вытекающими последствиями юридического порядка.

В современном законодательстве имеется исчерпывающий перечень причин, являющихся законным основанием для нарушения права неприкосновенности жилища. Перечень данных причин не подлежит расширенному толкованию. Например, это может быть проведение оперативно-следственных

мероприятий в рамках уголовного дела, если имеется постановление, позволяющее такие мероприятия проводить в жилище. Можно проникать в жилище без согласия владельца в целях обеспечения личной или общественной безопасности, если имеют место массовые беспорядки, либо объявлено о чрезвычайной ситуации, а также для поиска и задержания граждан, подозреваемых в противозаконной деятельности, за которую предусмотрена уголовная ответственность.

Некоторые специалисты в области юриспруденции считают, что предметом преступления, за которое предусмотрена ответственность по статье 139 Уголовного Кодекса РФ [1], выступает само жилище. Но большинство ученых с таким утверждением не согласны. В правоохранительной практике так сложилось, что предметом противоправного деяния обычно выступают некие предметные ценности материального плана, а само противоправное деяние ставит целью завладение этими предметами. Предмет всегда выступает факультативным признаком, и по этой причине он не должен обязательно присутствовать во всех без исключения преступлениях. Он в них присутствует только в том случае, если преступление является формой определенного воздействия на нечто материальное, имеющееся в наличии во внешнем мире. Можно считать, что преступление, предусмотренное статьей 139 УК РФ [1], является беспредметным.

При этом в действующем законодательстве совершенно ясно трактуется лицо, которое можно считать пострадавшим от совершения рассматриваемого нами преступления. И в данном случае не имеет значения тот факт, принадлежит ли потерпевшему жилье или не принадлежит. Главенствующим является факт проживания потерпевшего в данном жилье, потому что по закону пройти в жилье можно при наличии прямого и недвусмысленного разрешения лица, которое в нем проживает.

Другим предметом дискуссий становится вопрос, кого именно можно считать проживающим в данном жилье. Часть специалистов в области юриспруденции считают, что факт проживания должен быть оформлен соответствующим образом. В этой точке зрения имеется рациональное зерно, но следует помнить, что законность проживания не в любом случае может быть документально подтверждена. Например, гражданин может проживать в квартире, которая перешла к нему по наследству, но право собственности на которую он по разным причинам пока не оформил. Не следует забывать, что содержание права включает и те законные возможности, которые имеются у правообладателя. По этой причине можно обладать правом, даже если оно законодательно не оформлено надлежащим образом.

Л.Г. Мачковский в одной из своих научных работ утверждает, что диспозиция о проникновении

против воли является избыточной, и ее нужно убрать из формулировки данной статьи. Причина заключается в том, что большая часть несанкционированных проникновений происходит, когда проживающего нет в жилище, и он может находиться где угодно. Но не все правоведы разделяют такую точку зрения. Даже если проживающий отсутствует, он в любом случае не дает свое согласие на проникновение в жилище тем лицам, которых он там не хочет видеть, и сам факт проникновения осуществляется таким образом вопреки воле проживающего [3].

С объективной точки зрения способом совершения данного противоправного деяния является действие, которое выражается в незаконном доступе в жилье при отсутствии на то разрешения проживающего там гражданина.

Само понятие о незаконном проникновении стало использоваться в отечественном законодательстве с 1982 года, когда вступили в силу дополнения в некоторые статьи действовавшего тогда уголовного кодекса [4]. Но даже сейчас, через 40 лет, нет четкого с юридической точки зрения определения, что можно считать проникновением. С логической точки зрения проникновение это попадание куда-либо, либо достижение чего-либо. Поэтому проникновением в жилище можно считать попадание в него. И если это попадание произведено без согласия лица, проживающего там, то данное деяние подпадает под действие статьи 139 Уголовного Кодекса РФ [1]. Нужно отметить тот факт, что проникновение путем обмана не подпадает под действие данной статьи, поскольку в этом случае подразумевается, что имелось разрешение (согласие) проживающего в данном жилище гражданина, хотя он и дал такое согласие под воздействием обмана.

Состав рассматриваемого нами преступного деяния можно считать формальным, так как состав преступления образует уже сам факт незаконного проникновения, а дальнейшие последствия, к которым может привести проникновение, не играют в этом случае роли. Преступление можно считать оконченным в тот момент, когда незаконное проникновение фактически произошло.

Для состава преступления также не важно, каким образом было совершено проникновение. Не важно, совершалось оно втайне, либо открыто в присутствии других лиц. При этом применение насилия, либо просто угроза насилия, сопряженные с незаконным проникновением, будут считатьсяотягчающим обстоятельством и квалифицироваться по второй части 139-й статьи Уголовного Кодекса РФ [1]. Практика по данному виду делам свидетельствует, что способ проникновения чаще всего не рассматривается, просто обозначается, что имеет место данный факт. На самом деле таких способов много. Это может

быть вскрытие замка, слом замка, выбивание окна и так далее.

Если же незаконное проникновение было сопряжено с совершением других противоправных деяний, например, проникновение с целью кражи, то данное деяние уже квалифицируется как кража, и в самостоятельной отдельной квалификации как незаконное проникновение не нуждается. Незаконное проникновение будет считаться отягчающим вину обстоятельством и рассматриваться по части третьей статьи 158 Уголовного Кодекса РФ [1], по которой предусмотрено более суровое наказание.

Но в том случае, если изначально незаконное проникновение не планировалось с целью что-то украсть, а решение украсть было принято только после свершившегося факта проникновения, то данное преступное деяние следует рассматривать по двум статьям, 139 и 158 УК РФ [1].

Вторая часть ст. 139 Уголовного Кодекса РФ [1] может вменяться при наличии определенных квалифицирующих признаков. К таким признакам относятся насилие либо угроза его применения, что существенно увеличивает общественную опасность рассматриваемого нами деяния.

Но при вменении второй части указанной статьи необходимо принимать во внимание способ совершения данного преступления, то есть, способ несанкционированного проникновения в жилище. Применение насилия подразумевает наличие боли и мучений у потерпевшего, а угроза применения подразумевает, что потерпевший реально опасался, что насилие в отношении него будет применено. При этом угроза должна носить реальный характер, а тот, кто угрожает, должен иметь реальную возможность реализовать эту угрозу.

Третья часть статьи 139 Уголовного Кодекса РФ [1] вменяется при наличии особой квалификации. В данном случае речь идет о совершении преступления с использованием должностного положения. При этом наличие должностного и служебного положения подразумевает применение таких способов несанкционированного проникновения в жилище, которые данное положение предоставляет, исходя из особенностей службы или работы. Чаще всего фигурантами таких дел выступают сотрудники правоохранительных и силовых органов, работники коммунальной сферы и даже почтовые служащие.

Следует рассмотреть еще один момент. Необходимо отделять несанкционированное проникновение в жилище как самостоятельное преступление от хулиганства, которое тоже может быть связано с несанкционированным проникновением. При этом трудно говорить о факте хулиганства, если данное деяние совершается в жилом помещении, поскольку в этом случае речь обычно не идет о нарушении общественного порядка. Но если зафиксирован факт на-

силы в общественной среде, то нужно разобраться, является ли это обычным актом хулиганства, либо мы имеем факт применения насилия с целью несанкционированно проникнуть в жилище.

Данные тонкости необходимы для правильной квалификации преступного деяния. С другой стороны совершенно очевидно, что проникновение в жилище без согласия на то проживающих там и без наличия определенных законом оснований, по сути, является

незаконным, но далеко не всегда несет общественную опасность.

На основании этого было бы логичным деяния, за которые наступает ответственность по первой части статьи 139 УК РФ, вывести из действия уголовного кодекса, предусмотрев за их совершение административную ответственность. При этом, разумеется, полностью оставить без изменений нормы второй и третьей части рассматриваемой статьи.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища / Сургутский государственный университет Ханты Мансийского автономного округа – Югры. – 2008 г. – С.3- 20.
3. Мачковский Л.Г. Уголовная ответственность за незаконное проникновение в жилище / Л.Г. Мачковский // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 57–59.
4. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / ред. В.Л. Кудрявцев [и др.]. – Санкт-Петербург : Изд-во проф. Малинина, 2016. – Т. 16 : Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. – 952 с.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 06.13.1996 № 63-FZ (as amended on 03.25.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.17.1996, № 25, art. 2954.
2. Akinina N.Yu. Criminal-legal characteristic of violation of the inviolability of the home / Surgut State University of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. – 2008 – P.3-20.
3. Machkovsky L.G. Criminal liability for illegal entry into a dwelling / L.G. Machkovsky // Russian justice. – 2003. – № 7. – P. 57-59.
4. Encyclopedia of criminal law: in 35 volumes / ed. V.L. Kudryavtsev [i dr.]. – St. Petersburg: Publishing house prof. Malinina, 2016. – Vol. 16: Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen. – 952 p.

Глазкова Лилия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь,
glazkova_lily@mail.ru

Булнина Аксана Федоровна,

кандидат социологических наук, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь,
aksana.bunina.1978@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Рассматриваются положения уголовного закона некоторых европейских государств, касающиеся освобождения от уголовной ответственности, основания освобождения и порядок применения норм об освобождении от уголовной ответственности. Анализируются нормы уголовного закона Германии, Франции, Испании, Польши для того, чтобы на основе анализа международных правовых норм получить представление о том, как происходит освобождение от уголовной ответственности в зарубежных странах и тем самым иметь возможность предложить меры по совершенствованию института освобождения от уголовной ответственности в действующем уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовный закон, уголовная ответственность, уголовное право зарубежных стран.

Lilia V. Glazkova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, North Caucasus Federal University, Stavropol,
glazkova_lily@mail.ru

Aksana F. Bunina,

Ph.D. of Sociological Sciences, North Caucasus Federal University, Stavropol,
aksana.bunina.1978@mail.ru

LEGISLATION ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN FOREIGN COUNTRIES OF CONTINENTAL EUROPE

Abstract. The article discusses the provisions of the criminal law of some European states concerning exemption from criminal liability, the grounds for exemption and the procedure for applying the rules on exemption from criminal liability. The norms of the criminal law of Germany, France, Spain, Poland are analyzed in order to get an idea of how exemption from criminal liability occurs in foreign countries based on the analysis of international legal norms and thereby be able to propose measures to improve the institution of exemption from criminal liability in the current criminal legislation of Russia.

Keywords: exemption from criminal liability, criminal law, criminal liability, criminal law of foreign countries

Отечественное законодательство об освобождении от уголовной ответственности прошло долгий путь становления. В том виде, в котором оно существует сейчас, многие исследователи видят достаточное количество пробелов, поэтому развитие этого института продолжается. Для того, чтобы действующее законодательство отвечало современным требованиям, которые присущи развитым демократическим государствам, важно анализировать и зарубежный опыт формирования оснований освобождения

от уголовной ответственности, для чего рассмотрим законодательные положения некоторых стран континентальной Европы.

К источникам уголовного права ФРГ относятся: Конституция ФРГ 1949 года; Конституции земель (16 субъектов федерации); акты уголовно-правового содержания; Международный уголовный кодекс, принятый в связи с ратификацией Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года.

В Общей части УК ФРГ имеется раздел, содержащий нормы об обстоятельствах, исключающих наказуемость деяния. Параграф 23 УК регулирует порядок освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе от доведения преступления до конца.

В параграфе 31 предусмотрены ситуации отказа от покушения при соучастии, например:

1) лицо отказывается от попытки склонить другое лицо к совершению преступления, а также предотвращает возможность совершения преступления другим лицом;

2) даже если лицо согласилось на совершение преступления, но затем отказалось от участия в преступном деянии;

3) если лицо принимает меры к предотвращению преступления, даже если ранее соглашалось участвовать в нем или принимало предложение другого лица об участии.

В перечисленных случаях добровольный отказ влечет освобождение от уголовной ответственности.

В случае, если преступление осталось незаконченным независимо от действий лица, отказавшегося от его завершения, а также в случае, если оно совершается независимо от его прежних действий, то освобождение от наказания возможно, но требуются добровольные и настойчивые меры, предпринятые лицом для предотвращения деяния [1].

В УК ФРГ содержится перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния: вынужденная оборона и крайняя необходимость.

В параграфе 32 под вынужденной обороной понимается защита, требующаяся для того, чтобы отразить противоправное нападение на себя или другого. В соответствии с параграфом 33 превышение пределов вынужденной обороны из-за замешательства, испуга, страха не наказуемо.

В соответствии с параграфом 34 УК в случае, если защищаемый интерес существенно превосходит нарушенный интерес, лицо действует законно (не противоправно), так как находится в правомерном вынужденном положении, в состоянии правомерной крайней необходимости. Совершение деяний в данном состоянии оправдано ввиду наличной, неотвратимой иным способом опасности для жизни, здоровья, свободы, чести, собственности или другого законного права. Правомерная крайняя необходимость признается как в случае защиты себя, так и другого лица. В законе указано условие применения данной нормы – деяние должно быть соразмерным средством предотвращения опасности.

В параграфе 35 закреплено еще одно основание освобождения лица от уголовной ответственности – оправданное вынужденное положение, которое означает, что лицо признается невиновным в случае совершения правонарушения в условиях неотвратимой

опасности для жизни, здоровья, свободы, чести, собственности или другого охраняемого блага, как своего, так и своих родственников либо близких людей [2].

В сентябре 2009 года вступили в силу положения параграфа 46в УК ФРГ, в которых сформулированы основания смягчения либо освобождения от наказания за совершение тяжких преступлений, закрытый перечень которых содержится в параграфе 100-а УК ФРГ. К этим основаниям относится добровольная помощь правоохранительным органам в раскрытии или предотвращении тяжких преступлений против государства, личности, международных уголовных преступлений и так далее.

В законе содержится открытый перечень обстоятельств, которые суд должен учитывать при принятии соответствующего решения: количество и характер сообщенных фактов, их роль и значение для раскрытия или предотвращения преступления, своевременность сообщения, тяжесть деяния, весомость оказанной помощи правоохранителям. В параграфе 46в судам предлагается учитывать принцип соразмерности, а именно соотношение между указанными обстоятельствами и виной исполнителя [3].

При наличии деятельного раскаяния суд может смягчить наказание или освободить от него за такие преступления, как «Агентурная деятельность с целью саботажа», «Продолжение деятельности партии, признанной антиконституционной» и др. В понятие деятельного раскаяния немецкий законодатель вкладывает добровольный отказ от дальнейших преступных действий, устранение или значительное сокращение созданной опасности, добровольное предотвращение завершения преступления [4].

В параграфе 60 УК Германии предусмотрено, что суд может отказаться от назначения наказания, например, в тех случаях, когда последствия деяния для правонарушителя настолько тяжелы, что назначенное ему наказание не способно наказать его сильнее, а поэтому примененное наказание не достигло бы своих целей. Такая ситуация возникает, например, в случае, когда в результате неосторожных действий виновного пострадали его же близкие, либо значительный материальный ущерб причинен ему самому или его родственникам.

А.В. Уманский, С.А. Маркунцов отмечают, что немецкое уголовное законодательство постоянно реформируется, что порождает догматические противоречия в УК ФРГ, а также до настоящего времени «отсутствует четко сконструированная концепция развития немецкого уголовного права, граница между криминализацией деяний и освобождением от уголовной ответственности размывается» [5].

Источниками уголовного права Франции являются: Декларация прав и свобод человека и гражданина от 26 августа 1789 года; Конституция Франции от 4

октября 1958 года; Международные соглашения; Уголовный кодекс Франции 1992 года; Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года; узкоотраслевые кодексы (Таможенный, Дорожный, Кодекс военной юстиции и др.); Законы; подзаконные нормативные акты.

Уголовная ответственность за приготовительные действия по уголовному законодательству Франции не предусматривается.

Основания освобождения от уголовной ответственности перечислены в разделе II УК Франции («Основания ненаступления уголовной ответственности или её смягчения»):

1. Психическое или нервно-психическое расстройство, вследствие которого лицо не способно контролировать свои действия (ст. 122-1 УК).

2. Совершение преступления под влиянием силы или принуждения, которому лицо не в состоянии противостоять (ст. 122-2 УК).

3. Доказанность того, что лицо заблуждалось, считая свои действия правомерными (ст. 122-3 УК).

4. Лицо совершило преступление по требованию законной власти (ст. 122-4 УК).

5. Совершение преступления в целях правомерной защиты себя или другого лица от необоснованного посягательства, если характер и степень посягательства соответствует используемым средствам защиты (за исключением случаев умышленного убийства) – ст.122-5 УК.

В ст. 122-5 УК раскрыто понятие «лица, действовавшего в состоянии правомерной защиты». Это:

- лицо, желавшее защитить себя и свое имущество от краж и грабежей, совершенных с применением насилия к потерпевшему;

- лицо, желавшее защититься от проникновения в его жилище путем взлома, с применением насилия или обмана [6].

Применяется во Франции институт деятельного раскаяния, который во многом схож с добровольным отказом от преступления, однако встречается лишь применительно к отдельным составам преступлений [7].

Во Франции применяется примирение с потерпевшим в соответствии с актом Комитета Министров Совета Европы «Посредничество в уголовных делах» (1999 год) [8].

Институт деятельного раскаяния содержится в Общей части уголовных кодексов многих стран Европы (Польша, Чехия и др.), а также применительно к отдельным видам преступлений, помимо Германии и Франции, в законодательстве Австрии, Испании, Италии, Швейцарии и др.). Деятельным раскаянием

считается добровольный отказ от преступления при оконченном покушении, когда все необходимые действия были совершены, но от совершения преступления отказались (например, деактивировали взрывное устройство).

Примирение с потерпевшим – еще одно распространенное основание освобождения от уголовной ответственности в странах континентальной Европы. В Уголовном кодексе Польши 1997 года имеется норма об «Условном прекращении уголовного преследования судом в случае возмещения вреда и за примирением сторон» [9].

В Уголовном кодексе Испании 1995 года содержится норма «О прекращении уголовной ответственности в случае прощения потерпевшим до начала исполнения наказания» (ст. 130) [10].

Примирение с потерпевшим, добровольное возмещение ущерба, прекращение уголовного дела за нецелесообразностью ввиду старости исполнителя, или ввиду родственных отношений между исполнителем и потерпевшим и так далее, – называют альтернативными мерами [11]. Данные меры были предметом обсуждения в ходе подготовительного семинара к VII Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками. Общее мнение участников было единодушным: деятельность системы правоохранительных органов требует слишком много материальных и кадровых ресурсов, но в то же время у неё ограниченные возможности, поэтому её использование во многих случаях нецелесообразно, особенно когда имеет место примирение с потерпевшим [12].

Изучение законодательства зарубежных стран показывает, что ряд положений иностранного права заслуживают более глубокого изучения, после чего могут быть реципированы в УК РФ. Одна из норм содержится в параграфе 60 УК Германии, где суду предоставляется право отказаться от назначения наказания в случае, если виновный своими неосторожными действиями причинил себе либо своим близким серьезные страдания, связанные с потерей родных людей или причинением значительного имущественного ущерба. Представляет интерес и норма, предусмотренная ст. 122-3 УК Франции, об освобождении от уголовной ответственности в силу добросовестного заблуждения лица, считавшего свои действия правомерными.

Несомненно, возможности применения указанных оснований отечественном законодательстве достаточно широки и могут стать важным шагом в развитии института освобождения от уголовной ответственности в России.

Список литературы

1. Аистова Л.С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 9, 17-18.
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии в редакции от 13 ноября 1998 года. [Электронный ресурс]: URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyi_Kodeks.pdf
3. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 311 с.
4. Чупрова О.Н. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности в отечественном и зарубежном уголовном праве // Юристъ-Правоведъ. 2014. №2 (63). С. 89-93.
5. Уманский А.В., Маркунцов С.А. Основные тенденции изменений уголовно-правовых запретов Особенной части Уголовного кодекса Германии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. С. 173-194.
6. Уголовный кодекс Франции /науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова; пер. с фр. И пред. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 79-81.
7. Данина В.А. Освобождение от уголовной ответственности за налоговые преступления: опыт зарубежных стран // Наука и современность. 2010. № 1(13). С. 183-186.
8. Абубекерова Д.А. Освобождение от уголовной ответственности в уголовных законодательствах зарубежных стран // Наука. Общество. Государство. 2017. Т.5 №2 (18) [Электронный ресурс]: URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/abubekeroval_da_17_2_10.pdf
9. Уголовный кодекс Республики Польша / Под общ. ред.: Кузнецова Н.Ф.; Пер.: Лукашов А.И. (Науч. ред.), Саркисова Э.А. (Науч. ред.) – Минск: Тесей, 1998. – 128 с.
10. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
11. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общей ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 386-387.
12. Флетчер Джон, Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1999.

References

1. Aistova L.S. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie / L.S. Aistova, D.Yu. Kraev. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2013. S. 9, 17-18.
2. Ugolovnyj kodeks Federativnoj Respubliki Germanii v redakcii ot 13 noyabrya 1998 goda. [Elektronnyj resurs]: URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyi_Kodeks.pdf
3. Golovnenkov P.V. Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyj kodeks) Federativnoj Respubliki Germaniya : Strafgesetzbuch (StGB) : nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – Moskva : Prospekt, 2016. – 311 s.
4. Chuprova O.N. Special'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti v otechestvennom i zarubezhnom ugolovnom prave // Yurist'-Pravoved'. 2014. № 2 (63). S. 89-93.
5. Uman'skij A.V., Markuncov S.A. Osnovnye tendencii izmenenij ugolovno-pravovyh zapretov Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa Germanii // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2013. S. 173-194.
6. Ugolovnyj kodeks Francii /nauch. red. L.V. Golovko, N.E. Krylova; per. s fr. I pred. N.E. Krylovoj. – SPb.: YUridicheskij centr Press, 2002. – S. 79-81.
7. Danina V.A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya: opyt zarubezhnyh stran // Nauka i sovremennost'. 2010. № 1(13). S. 183-186.
8. Abubekeroval D.A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v ugolovnyh zakonodatel'stvah zarubezhnyh stran // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2017. T.5 № 2 (18) [Elektronnyj resurs]: URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/abubekeroval_da_17_2_10.pdf
9. Ugolovnyj kodeks Respubliki Pol'sha / Pod obshch. red.: Kuznecova N.F.; Per.: Lukashov A.I. (Nauch. red.), Sarkisova E.A. (Nauch. red.) – Minsk: Tesej, 1998. – 128 s.
10. Ugolovnyj kodeks Ispanii / Pod red. i s predisl.: Kuznecova N.F., Reshetnikov F.M.; Per.: Zyryanova V.P., Shnajder L.G. – M.: Zercalo, 1998. – 218 s.
11. Dodonov V.N. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod obshchej red. S.P. Shcherby. – M.: Yurлитinform, 2009. S. 386-387.
12. Fletcher Dzhon, Naumov A.V. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugolovnogo prava. M., 1999.

Джималиев Залимхан Зубайраевич,
магистрант Академии Управления МВД России, Москва,
dzhimaliev83@mail.ru

Жирнов Юрий Николаевич,
полковник полиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
Управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России, Москва,
yuriyzhirnov@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции проявления экстремизма и их влияние на социально-политическую обстановку в России. На основе исследования зарубежного и отечественного материала дается определение современному экстремизму, определяется его сущность и содержание, анализируются современные виды и формы проявления. Обращается внимание на усиления экстремистских настроений среди молодежи. Проводится краткий обзор влияния мировых тенденций на обострения общественно-политической обстановки в России, через активизацию массовых протестных мероприятий, которые организуются и осуществляются с использованием экстремистских приемов. Делается акцент на защиту традиционных ценностей, в том числе от угроз, исходящих от международных экстремистских организаций деятельность которых уже давно вышла за свои пределы, оказывая свое воздействие на российские соответствующие структуры.

Ключевые слова: экстремизм, социально-политическая обстановка, молодежь, массовые мероприятия, общественный порядок.

Zalimkhan Z. Dzhimaliev,
Student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
dzhimaliev83@mail.ru

Yurii N. Zhirnov,
Police Colonel, Ph.D of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Management bodies of internal affairs
in the special conditions of the center of command-staff exercises, Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow,
yuriyzhirnov@mail.ru

MODERN TRENDS IN THE MANIFESTATION OF EXTREMISM AND THEIR IMPACT ON THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN RUSSIA

Abstract. The article examines the current trends in the manifestation of extremism and their impact on the socio-political situation in Russia. Based on the study of foreign and domestic material, a definition of modern extremism is given, its essence and content are determined, modern types and forms of manifestation are analyzed. Attention is drawn to the strengthening of extremist sentiments among young people. A brief overview of the influence of world trends on the aggravation of the socio-political situation in Russia, through the intensification of mass protest events, which are organized and carried out using extremist techniques, is carried out. Emphasis is placed on protecting traditional values, including against threats emanating from international extremist organizations whose activities have long gone beyond their limits, exerting their influence on the Russian relevant structures.

Keywords: extremism, socio-political situation, youth, mass events, public order.

События второго десятилетия XXI века («арабская весна», государственный переворот на Украине, попытка смены власти в Белоруссии, массовые выступления «недовольных» мерами, принимаемыми в связи с эпидемией COVID-19, протесты возмущенных граждан на фоне энергетического кризиса и др.) наглядно продемонстрировали, что, несмотря на огромную военную мощь и силы безопасности, отдельные государства нередко оказываются бессильными перед незначительными, но хорошо организованными и социально активными группами.

Чрезвычайно опасно, когда участники этих групп проповедуют крайне радикальное мировоззрение. При этом, как показывает практика, на вооружение этими структурами нередко берутся постулаты разработанные в теории Д. Шарпа и изложенные в его книге: «От диктатуры к демократии», где даются около двухсот рекомендаций по сравнительно «мирным» способам смены власти, среди которых насилие, экстремизм и террор [1].

Необходимо отметить, что среди прочих инструментов создания хаоса, именно экстремизм рассматривается сегодня в качестве наиболее опасного явления для личности, общества и государства. Он представляет угрозу не только совершаемыми различного рода преступлениями, но и разрушением норм права и человеческих ценностей, является активным способом разрешения возникающих социальных противоречий, которые складываются в силу ряда негативных ситуаций в различных областях общественной жизни.

Неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации принятой Указом Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 года определено, что экстремизм является одной из основных угроз общественной безопасности для Российского государства и его граждан [2]. Проявления экстремистской деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», проведение несанкционированных (протестных) акций с последующей эскалацией их в массовые беспорядки и совершение террористических актов способны дестабилизировать обстановку как в отдельных районах, городах, так и в целом в государствах. При этом особую озабоченность сегодня вызывает распространение различного рода экстремистских настроений среди молодежи, которая является основной «ударной силой» в распространении идеологии экстремизма.

Как показывает анализ современной общественно-политической обстановки в России, именно проблема экстремизма в XXI веке обретает особое значение в силу глобализации данного явления, а следовательно, и роста масштабов его угрозы. Актуаль-

ность данного социально-опасного явления касается, прежде всего, изучения корней, природы, специфики экстремизма и тенденций в его современных формах.

В наше время различные проявления экстремизма прочно вошли во многие сферы жизни общества. В современных геополитических условиях экстремизм как вид преступности – это реальная угроза государственной и общественной безопасности. Он вносит раскол в общество, ослабляет нашу страну, провоцирует рост этнонациональной конфликтности, дестабилизирует политическую, экономическую и социальную жизнь общества. Общественная опасность данного явления заключается в объединении экстремистской деятельности с другими формами организованной преступности для достижения деструктивных целей [3].

В обобщенном виде экстремизм, как социально опасное явление, достаточно полно исследовался зарубежными и отечественными учеными. В различных странах было дано существенное количество как юридических, так и научных определений «экстремизму».

В России правовое определение того, какие из противоправных действий следует относить к экстремистским, содержится в Федеральном Законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в статье 1 и в частности:

- насильственное изменение самих основ конституционного строя России и попытки нарушения ее территориальной целостности и, в частности, попытки отчуждения части территории;
- публичное оправдание террористической деятельности и, в целом, терроризма;
- возбуждение национальной расовой, религиозной или социальной розни;
- публичная пропаганда превосходства, либо исключительности человека или нарушение его прав, свобод и законных интересов, а также дискриминация людей по признакам неполноценности их социальной, национальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности, либо отношения человека к религии;
- воспрепятствование (затруднение) при осуществлении гражданами их законных избирательных прав, а кроме того, прав на принятия участия в референдумах, либо нарушение принципа тайны голосования, посредством насилия, либо угрозой его применения;
- воспрепятствование (затруднение) законной деятельности органов государственных власти, а кроме того, избирательных комиссий, законно созданных общественных и религиозных объединений проводимое с использованием насилия или с применением угроз;
- пропаганда, либо публичная демонстрация, нацистской атрибутики или символики;

- публичные призывы к участию в экстремистских действиях;
- распространение экстремистских материалов или их изготовление и хранение в целях массового распространения;
- финансирование экстремистских действий, либо другие действия по оказанию содействия в их организации;
- подготовка и осуществления обучения экстремистской деятельности, в том числе посредством предоставления полиграфической, учебной материально-технической базы, различных видов связи, оказание информационных услуг [4].

В целях реализации государственной политики в вопросах противодействия экстремизму в России, специальным Указом Президента РФ от 29 мая 2020 года № 344, утверждена «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [5].

Таким образом, как показывает исследование зарубежного и отечественного материала, «экстремизм» имеет собственное определение, сущность, содержание, виды и формы проявления.

В настоящее время существенную роль в возращении экстремизма на территории нашей страны играют те обстоятельства, которые показывают, что в регионах России еще имеет место межэтническая напряженность, которая обусловлена нерешенностью вопросов федеративного устройства и обеспечения равных прав всех субъектов Российской Федерации. При учете того, что Россия создана как по этнонациональному, также и по территориальному признаку, современный отказ от узаконенных принципов федерализма в пользу предлагаемых экстерриториальных культурно-националистических основ неминуемо приведет к всплеску экстремизма, а, более того, может спровоцировать вооруженные конфликты.

Немаловажное значение для России сегодня имеет межгосударственная составляющая. Как показали исследования, современный мир постоянно находится в состоянии трансформации. Процесс увеличения центров мирового политического и экономического развития, постоянное укрепление новых стран, претендующих на лидерские позиции, приводят к существенным изменениям самой структуры мирового порядка, постоянному формированию новой архитектуры, принципов и правил мироустройства.

Такое положение вещей не в полной мере устраивает отдельные страны Запада и США, которые пытаются всеми путями сохранить свою гегемонию, для чего осуществляют целый комплекс мер по дестабилизации обстановки в странах, которые на их взгляд являются соперниками. В этой связи мы наблюдаем усиливающуюся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений, которые, при определенных условиях, могут привести

к нарастанию межгосударственных, межнациональных, межконфессиональных противоречий посредством поиска внутренних врагов.

Рост геополитической нестабильности, расширение террористической и экстремистской деятельности активно используется политиками ряда стран в создании межгосударственных противоречий, которые, при определенных условиях, усиливают повышение угрозы использования военной силы. Увеличивается опасность по перерастанию внутренних конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав.

Достаточно взрывоопасная ситуация складывается на Ближнем Востоке, где в результате военных действий с участием США и их союзников по НАТО, создана зона нестабильности и хаоса, включающая в себя Ирак, Ливию, Сирию. Взрывоопасная обстановка складывается на Европейском континенте, где основными оппонентами России стали их бывшие союзники (страны Балтии, Грузия, Украина, Польша). Непростая ситуация, после вывода летом 2021 года войск коалиции во главе с США из Афганистана, имеет место в Среднеазиатском регионе. Создание осенью 2021 года нового военно-политического блока (США, Англия и Австралия), закрепление в стратегии Китая возможности нанесения первым ядерного удара так же не добавляет стабильности в мире [6]. Все эти события прямо либо косвенно влияют на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Во-первых, они подрывают целостную стабильность в мире и порождают всплески терроризма и экстремизма, которые при определенных обстоятельствах могут быть импортированы в нашу страну. Во-вторых, все эти события напрямую влияют на обострения межнациональных, межэтнических, межконфессиональных отношений, которые нередко импортируются в Россию извне.

Кроме того, результаты политической трансформации начала XXI века для нашей страны еще не привели к полной стабилизации экономики, что всецело отражается на социальной составляющей граждан России. Следует признать, что в настоящее время Россия по объемам ВВП все еще остается за пределами первой десятки стран мира. Введенные в 2014-2021 годах санкции против России, как ни парадоксально, позволили существенно сократить дисбаланс в промышленности и сельском хозяйстве. Однако выйти на уровень полной независимости, в частности по продуктам питания, нашей стране пока не удастся. Все это прямо отражается на уровне жизни населения России, что вызывает недовольство в обществе и активно используется различными экстремистскими организациями [7]. Становится понятным настоятельные требования Президента России, которые он неоднократно излагал в своих выступлениях, в том числе, обращаясь к новому составу парламента 12

октября 2021 года и давая поручения Правительству России по повышению уровня жизни граждан.

Немаловажное значение в социально-политическом плане стабилизации ситуации в стране имеет демографический вопрос. Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала становятся стратегическим условием выживания нации. Для достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала государство предпринимает колоссальные усилия, от увеличения размеров реальных доходов граждан и сокращения числа малообеспеченных семей до адресной поддержки и деторождаемости. Экстремисты постоянно используют различные формы и методы для воспрепятствования поступательному движению общества в данном направлении. Особая роль ими отводится в работе с молодежью.

Существенно страна откатилась назад в связи с вспышкой эпидемии COVID-19. Государство было вынуждено значительные усилия направить на обеспечение устойчивости всей системы здравоохранения и ее адаптации к новым вызовам и угрозам, на создание резервов лекарственных препаратов и медицинских изделий [8]. Все это было незамедлительно использовано экстремистскими организациями: от полного неприятия мер профилактики коронавирусной инфекции, до призывов и организации массовых выступлений по поводу ограничений и запретов, вынужденно вводимых органами государственной власти и местного самоуправления.

Следует признать, что наряду с другими угрозами и опасностями, используемыми экстремистскими организациями, сегодня одно из главных мест занимает дестабилизация на уровне общественной безопасности. Все большую тенденцию приобретает стимулирование различного рода внутренних противоречий с использованием, так называемых фейковых данных, вплоть до фальсификации событий. Так, например, имевшее место якобы отравление лидера оппозиционного блока Фонда борьбы с коррупцией А. Навального, было использовано деструктивными силами для организации массовых выступлений в январе-феврале 2021 года. Необходимо отметить, что имевшая место фальсификация с отравлением вызвала широкий резонанс в государствах Евросоюза, которые выступили с декларацией по осуждению, якобы покушения на жизнь оппозиционера. 23 и 31 января, 2 февраля 2021 года протестные акции прошли в 198 городах России и 95 городах за рубежом. Самая массовая акция состоялась в Москве. В ней по разным подсчётам приняли участие до 50 тыс. человек. Следует отметить главную особенность данных акций, а именно, подавляющим большинством его участников являлись подростки 12-16 лет [9].

Данный пример показывает, какие новые тех-

нологии используют экстремистские организации для подрыва стабильности и общественной безопасности в обществе и стране. Следует обратить внимание на возрастной состав участников протестных акций. Это в основном дети и подростки. То есть налицо использование экстремистами в своих целях подрастающего поколения, что должно в будущем обеспечить стабильный состав ректората экстремизма.

Становится понятным утверждение, сделанное в уже упоминаемой нами Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь. При этом повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, активно привлекая их членов в свои ряды, провоцируя их на совершение преступлений экстремистской направленности.

Предпринимаемые экстренные меры на государственном уровне в отношении работы с молодежью хотя и закреплены в Федеральном законе Российской Федерации «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ, однако требуют своей реализации на практике [10].

Еще одним из показателей современности является активизация различного рода вражеской деятельности иностранных эмиссаров, осуществляющих свою работу под эгидой международных организаций, которые являются экстремистскими. В Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Украине значительно расширилась целая система вовлечения, и, прежде всего, выходцев из России, новых членов в псевдорелигиозные секты и различного рода молодежные неформальные объединения, которые преследуют радикальные взгляды. Международные террористические и экстремистские структуры всецело стремятся активизировать пропагандистскую работу и вербовку российских граждан, создают на территории нашего государства законспирированные ячейки, вовлекают в экстремистскую деятельность в основном молодежь. В своих противоправных действиях при распространении информации, организации незаконных акций достаточно активно используются глобальные интернет-компании, контролируемые из-за рубежа.

Таким образом, следует признать, что экстремизм в современном виде представляет значительную опасность как для граждан, так и для государства в целом. В современных условиях на основе причинно-следственных факторов возникновения экстремизм способен быстро регенерироваться, меняя структуру, способы и тактику действий. Дифференцировать данное социальное явление от других возможно только при понимании его отличительных признаков. Объективная оценка данного явления указывает,

что он имеет устойчивую тенденцию к перерастанию к более серьезным преступлениям, а именно: терроризм, убийства, массовые беспорядки и далее к «цветным революциям». В этой связи следует совер-

шенствовать организационные и правовые вопросы использования всех государственных, общественных и иных организаций в противодействии экстремизму применительно к новым вызовам и угрозам.

Список литературы

1. *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Ультра. Культура, 2005. 224 с.
2. Указ Президента России № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
3. *Демин Г.И., Снеговой А.В., Шукин В.М., Киреев М.П., Махаков Б.Д., Балаева Д.Р., Жирнов Ю.Н.* Противодействие экстремистской деятельности, создающей чрезвычайные обстоятельства криминального характера. Курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2021. 98 с.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС Гарант.
5. Указ Президента России от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.» // СПС Консультант Плюс.
6. Китай пригрозил первым ядерным ударом по США из-за альянса AUKUS. URL: <https://mupzem-pushkino.ru/zemnews>.
7. *Бецков А.В.* Системный анализ теории безопасности. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2020. 238 с.
8. *Щелканов М.Ю., Попова А.Ю., Дедков В.Г., Акимкин В.Г., Малеев В.В.* История изучения и современная классификация коронавирусов (Nidovirales: Coronaviridae) // Инфекция и иммунитет. 2020. Т. 10. № 2. С. 221-246.
9. *Дергачев В., Шамина О., Рында А., Козлов П., Барабанов И., Фохт Е.* Выросло непуганое поколение. Ответы на главные вопросы о новой волне протестов в России. URL: <https://sova.news/2021/01/25>.
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

References

1. *Sharp J.* From dictatorship to democracy. Strategy and tactics of liberation. Moscow: Ultra. Culture, 2005. 224 p.
2. Decree of the President of Russia № 400 of July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
3. *Demin G.I., Snegovoy A.V., Shchukin V.M., Kireev M.P., Makhakov B.D., Balaeva D.R., Zhirnov Yu.N.* Countering extremist activity that creates emergency circumstances of a criminal nature. Lecture course. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 98 p.
4. Federal Law of July 25, 2002 № 114-FZ "On countering extremist activity" // SPS Garant.
5. Decree of the President of Russia dated May 29, 2020 № 344 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025" // SPS Consultant Plus.
6. China threatened the first nuclear strike on the US because of the AUKUS alliance. URL: <https://mupzem-pushkino.ru/zemnews>.
7. *Betskov A.V.* System analysis of security theory. Tutorial. Moscow: Infra-M, 2020. 238 p.
8. *Shchelkanov M.Yu., Popova A.Yu., Dedkov V.G., Akimkin V.G., Maleev V.V.* History of study and modern classification of coronaviruses (Nidovirales: Coronaviridae) // Infection and immunity. 2020. V. 10. № 2. P. 221-246.
9. *Dergachev V., Shamina O., Rynda A., Kozlov P., Barabanov I., Fokht E.* A fearless generation has grown up. Answers to the main questions about the new wave of protests in Russia. URL: <https://sova.news/2021/01/25>.
10. Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.

Епифанов Олег Станиславович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте, город Рязань,
yepifanov62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В систему и механизм уголовно-правового воздействия входят информационно-психологическая, воспитательная и социальная формы, которые производны от механизма уголовно-правового регулирования и тесно с ним взаимосвязаны. Информационно-психологическая форма уголовно-правового воздействия связана с информационным действием уголовно-правовых средств, с психологическим воздействием уголовно-правовых норм, уголовной ответственности и наказания. Воспитательная форма уголовно-правового воздействия проявляется в формировании в сознании и поведении граждан определенных представлений, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование уголовно-правовых норм и связана с предупреждением преступлений. Социальная форма уголовно-правового воздействия позволяет рассмотреть социальную среду функционирования уголовно-правовых средств, выявить взаимосвязь и зависимость уголовно-правовых норм и практики их реализации с социальными факторами.

Ключевые слова: форма, уголовно-правовое воздействие, информационно-психологическая, воспитательная, социальная, норма.

Oleg S. Epifanov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Humanities,
Branch of Witte Moscow University, Ryazan,
yepifanov62@yandex.ru

ON THE QUESTION OF THE FORMS OF CRIMINAL LEGAL INFLUENCE

Abstract. The system and mechanism of criminal legal influence includes informational, psychological, educational and social forms that are derived from the mechanism of criminal legal regulation and are closely interrelated with it. The informational and psychological form of criminal-legal impact is associated with the informational effect of criminal-legal means; with the psychological impact of criminal-legal norms, criminal responsibility and punishment. The educational form of criminal law influence manifests itself in the formation of certain ideas in the consciousness and behavior of citizens that ensure compliance, enforcement and use of criminal law norms and is associated with the prevention of crimes. The social form of criminal-legal impact allows us to consider the social environment of the functioning of criminal-legal means, to identify the relationship and dependence of criminal-legal norms and the practice of their implementation with social factors.

Keywords: form, criminal-legal impact, informational-psychological, educational, social, norm.

В теории уголовного права признано, что уголовно-правовое регулирование представляет собой системно-динамический процесс взаимодействия уголовно-правовых средств: уголовно-правовых норм, регулятивных и охранительных уголовно-правовых отношений, позитивной и ретроспективной уголовной ответственности, при помощи которых осуществляется регулирование общественных отношений и их охрана от преступных посягательств. При этом уголовно-правовое регулирование является основным элементом (юридической формой) уголовно-правового воздействия.

Помимо уголовно-правового регулирования в систему и механизм уголовно-правового воздействия, по мнению многих исследователей, которое мы поддерживаем, входят информационно-психологическая, воспитательная и социальная формы. Все эти формы производны от уголовно-правового регулирования и тесно с ним взаимосвязаны. По сути дела, это различные грани действия уголовно-правовых средств, испытывающие на себе их влияние и оказывающие обратное влияние на них.

Информационно-психологическая форма уголовно-правового воздействия связана:

1) с информационным действием уголовно-правовых средств;

2) с психологическим воздействием уголовно-правовых норм, уголовной ответственности и наказания на сознание и поведение граждан.

По мнению В.А. Петрова, понятие уголовно-правовой информации включает в себя:

1) состояние и тенденции явлений, для борьбы с которыми применяются уголовно-правовые нормы;

2) объем, интенсивность, структуру реализации правоохранительными органами уголовно-правовых норм и институтов для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, назначения им наказания или применения заменяющих мер;

3) исполнение наказания или мер, его заменяющих, и последующую адаптацию в обществе лиц, к которым наказание (заменяющие меры) были применены;

4) использование вспомогательных мер уголовно-правового характера (имущественного, медицинского и др.), уголовно-правовых мер, обеспечивающих безопасность сотрудников правоохранительных органов;

5) результаты применения уголовно-правовых мер [6, с. 3–4].

Информационный уровень механизма уголовно-правового воздействия связан с познавательной стороной и предполагает доведение содержания правил поведения, заключенных в уголовно-правовых нормах, до сознания людей. Информационная функция уголовно-правовой нормы проявляется в информировании граждан о целях, задачах, принципах уголовного права, преступлении и наказании, о том, какие деяния признаются преступлениями и какие виды наказаний могут быть применены за их совершение.

Правовая информация имеет в механизме действия уголовного права особое значение. Во-первых, не определяя сама по себе выбора варианта поведения, она является необходимой предпосылкой сознательного соблюдения норм уголовного права. Во-вторых, повышение уровня правовой информированности населения служит важной предпосылкой формирования правильного оценочного отношения к уголовному праву и практике его применения. В-третьих, знание конкретных уголовно-правовых запретов выступает как элемент общепреventивного действия права [1, с. 47–48].

В результате уголовно-правового регулирования происходит формирование и действие мотивов поведения субъектов уголовно-правовых отношений. Выделение мотивационной функции норм уголовного права позволяет видеть побудительные свойства норм, возможность их влияния на психику, формирования мотивов, стимулов поведения. Большинство норм Особенной части УК РФ формируют

мотивы воздержания от совершения преступлений, направлены на формирование отрицательного эмоционально-волевого отношения к совершению преступлений, стимулируют правопослушное поведение. Хотя уголовно-правовой запрет имеет в основном сдерживающий характер, он может оказывать и воздействие на поведение лица в целом (препятствовать возникновению различных видов поведения, ориентировать на возникновение новых, положительных видов поведения и так далее). Психологический механизм действия уголовно-правовых запретов включает в себя факторы психической жизни человека, возникающие в процессе общения. По мнению Л.И. Спиридонова источниками социально-психологического влияния на индивида являются общественное сознание и малая социальная группа (формальная и неформальная) [7, с. 175–185].

Следует отметить, что информационно-психологическое воздействие оказывают не только сами уголовно-правовые нормы, но и практика их реализации и применения. Так, большое психологическое воздействие на осужденного и иных лиц оказывает назначение и исполнение уголовных наказаний, в частности наказания в виде лишения свободы [2; 3].

Воспитательная форма уголовно-правового воздействия проявляется в формировании в сознании и поведении граждан определенных представлений, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование уголовно-правовых норм. Перед уголовно-правовым воспитанием стоят следующие задачи:

1) повышение знаний об уголовном праве и практике применения уголовно-правовых норм;

2) усвоение в сознании граждан уголовно-правовых требований;

3) формирование убеждений в социальной необходимости и обязательности норм уголовного права;

4) формирование навыков уголовно-правомерного поведения.

Цели уголовно-правового воспитания достигаются действием всех средств уголовно-правового воздействия, а также информационным, стимулирующим и принудительным аспектами такого воздействия.

Воспитательная форма уголовно-правового воздействия тесно связана с понятием предупреждения преступлений. Уголовно-правовое воспитание и предупреждение – два взаимосвязанных, но самостоятельных процесса. В криминологии предупреждение преступности рассматривается как особая область социального управления, включающая в себя широкий комплекс взаимосвязанных мероприятий и видов деятельности, направленных на устранение и нейтрализацию причин и условий, порождающих преступления, и оказание предупредительно-воспитательного воздействия на лиц, склонных к их совершению [4, с. 165]. На общесоциальном уровне пред-

упреждение преступности достигается всей совокупностью экономических, политических, социальных, правовых мероприятий, проводимых государством. В процессе решения общесоциальных задач устраняются причины и условия совершения всех преступлений. Специально-криминологический уровень предупреждения направлен на устранение причин и условий совершения конкретных преступлений, воздействие на потенциальных и реальных преступников. В отличие от общесоциальных мероприятий он осуществляется в рамках уголовной политики государства. Предупреждение преступлений является одной из наиболее важных целей наказания.

Социальная форма уголовно-правового воздействия позволяет рассмотреть социальную среду функционирования уголовно-правовых средств, выявить взаимосвязь и зависимость уголовно-правовых норм и практики их реализации с социальными факторами. Наибольший вклад в изучение социальной формы уголовно-правового воздействия внес В.М. Коган, который в качестве элементов социального механизма уголовно-правового воздействия выделяет моральное содержание уголовно-правовых норм, деятельность уголовной юстиции и неблагоприятные последствия для правонарушителей [5, с. 10, 117].

По мнению ученого, соблюдение уголовного закона в значительной мере обусловлено тем, что содержание уголовно-правовых запретов совпадает с господствующими моральными представлениями. Это придает уголовному закону нравственную мотивацию. Действие морального содержания уголовно-правовых норм усиливается либо ослабляется образом преступника в общественном сознании; принадлежностью индивидов к различно ориентированным группам; стабильностью уголовно-правовых норм [5, с. 115–143].

Деятельность уголовной юстиции (органов дознания, следствия, прокуратуры, суда; учреждений и органов, исполняющих наказания) имеет два компонента: профессиональную деятельность, направленную на достижение официально установленных задач и целей, и непрофессиональную, связанную с решением иных, неслужебных задач.

Еще одним элементом социального механизма уголовно-правового воздействия являются неблагоприятные последствия для правонарушителя (преступника) – прежде всего уголовное наказание. Предупредительное воздействие наказания осуществляется по трем направлениям:

1) оно порождает эффект устрашения, который заставляет неустойчивых граждан воздерживаться от совершения преступлений из-за страха перед уголовным наказанием;

2) наказание в состоянии подкреплять нравственные запреты и индивид может воздержаться от совершения преступления, следуя моральным нормам;

3) возможность уголовной ответственности стимулирует законопослушное поведение [7, с. 208].

Устрашающее воздействие наказания усиливается либо ослабляется вероятностью и быстротой его назначения, которое зависит от деятельности правоохранительных органов. Степень кары и устрашающий эффект наказания различаются в зависимости от условий, в которых живут граждане. Чем больше разрыв между условиями жизни населения и условиями, в которые ставит осужденного назначенное ему наказание, тем сильнее кара и устрашающий эффект наказания. Исправительное воздействие наказания усиливается либо ослабляется по мере его справедливости в глазах осужденного, что также зависит от деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. *Грошев А.В.* Уголовный закон и правосознание (теоретические проблемы уголовно-правового регулирования). – Екатеринбург: ВШ МВД России; Урал. юрид. академия, 1994. – 225 с.
2. *Елеонский В.А.* Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления и перевоспитания в местах лишения свободы: учеб. пособие. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. – 200 с.
3. *Елеонский В.А.* Воздействие наказания на осужденных: учеб. пособие. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1980. – 88 с.
4. *Карпец И.И.* Проблема преступности. – М.: Юрид. лит., 1969. – 167 с.
5. *Коган В.М.* Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – 184 с.
6. *Петров В.А.* Понятие уголовно-правовой информации, ее структура и содержание: Лекция. – М.: Академия МВД СССР, 1989. – 39 с.
7. *Спиридонов А.И.* Социология уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1986. – 236 с.

References

1. *Groshev A.V.* Uголовnyj zakon i pravosoznanie (teoreticheskie problemy uголовno-pravovogo regulirovaniya). – Ekaterinburg: VSH MVD Rossii; Ural. yurid. akademiya, 1994. – 225 s.
2. *Eleonskij V.A.* Otnoshenie osuzhdennyh k nakazaniyu i voprosy povysheniya effektivnosti ih ispravleniya i perevospitaniya v mestah lisheniya svobody: ucheb. posobie. – Ryazan': RVSH MVD SSSR, 1976. – 200 s.
3. *Eleonskij V.A.* Vozdejstvie nakazaniya na osuzhdennyh: ucheb. posobie. – Ryazan': RVSH MVD SSSR, 1980. – 88 s.

4. *Karpec I.I.* Problema prestupnosti. – M.: Yurid. lit., 1969. – 167 s.
5. *Kogan V.M.* Social'nyj mekhanizm ugovno-pravovogo vozdejstviya. – M.: Nauka, 1983. – 184 s.
6. *Petrov V.A.* Ponyatie ugovno-pravovoj informacii, ee struktura i sodержanie: Lekciya. – M.: Akademiya MVD SSSR, 1989. – 39 s.
7. *Spiridonov A.I.* Sociologiya ugovnogo prava. – M.: Yurid. lit., 1986. – 236 s.

Кошелев Роман Игоревич,

аспирант кафедры Уголовного права, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, город Казань,
rikoshelev@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА В ОТНОШЕНИИ СЛУЧАЕВ НАНЕСЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ СПОРТСМЕНАМ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Аннотация. Автор данной статьи пытается проанализировать случаи получения тяжких травм спортсменами, в том числе травм, послуживших причиной смерти, в ходе проведения различных соревнований. Анализ проводится на основе данных, имеющих в литературе и других открытых источниках. Цель авторского исследования – дать правовую трактовку подобных случаев. В настоящее время данная тема широко обсуждается в кругу специалистов, и у правоведов нет единого мнения по поводу правовой позиции по отношению к подобным случаям. В статье говорится о том, как развивается отрасль правоведения, которая занимается вопросами, связанными с нанесением вреда здоровью и смертельными исходами при проведении спортивных соревнований в разных видах спорта.

Ключевые слова: спортсмен, здоровье, вред, правовая квалификация.

Roman I. Koshelev,

Postgraduate at the Department of Criminal Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan,
rikoshelev@yandex.ru

MODERN LEGAL DOCTRINE IN RESPECT OF INCIDENTS TO HEALTH OF ATHLETES DURING VARIOUS COMPETITIONS

Abstract. The author of this article tries to analyze cases of serious injuries by athletes, including injuries that caused death, during various competitions. The analysis is based on data available in the literature and other open sources. The purpose of the author's research is to give a legal interpretation of such cases. Currently, this topic is widely discussed among specialists, and lawyers do not have a common opinion about the legal position in relation to such cases. The article talks about how the branch of jurisprudence is developing, which deals with issues related to harm to health and deaths during sports competitions in various sports.

Keywords: athlete, health, harm, legal qualification.

В правоведении неоднократно поднимался вопрос, каким образом следует квалифицировать случаи тяжких травм спортсменов и их смерти, если это случилось непосредственно в ходе спортивного выступления, а также при проведении различных шоу и представлений, в ходе которых участники имеют непосредственный силовой физический контакт. Если взять текущую жизнь практически любого человека, проживающего в современном цивилизованном обществе, то в ней найдется немало случаев, когда риск нанесения вреда здоровью превышает любой разумный уровень. Такой риск имеет уровень выше среднего во многих видах спорта, особенно, если речь идет о выступлениях профессиональных спортсменов. Ежегодно имеют место несчастные слу-

чаи, после которых спортсмены получают серьезные увечья или даже погибают. Общественность в курсе подобного положения дел, потому что такие инциденты широко освещаются средствами массовой информации. Наибольший процент подобного рода случаев приходится на контактные единоборства (бокс, восточные единоборства, реслинг). Спортсмены получают серьезные травмы не только в ходе соревнований, но и на тренировках.

Стоит сразу обратить внимание на тот факт, что правоведов интересуют случаи получения увечий и наступления смерти далеко не во всех видах спорта. Юридическая наука обращает внимание на случаи, которые имели место при непосредственном контакте спортсменов, и когда к несчастному случаю приве-

ли непосредственные действия одного из участников спарринга, пусть даже данный участник и не имел преступного умысла.

Сейчас специалисты выделяют несколько основных вариантов правовой квалификации подобных происшествий. Основная цель научных изысканий в данной области заключается в выработке единой концепции, позволяющей безошибочно определить правовой статус события, если при проведении соревнований или в ходе тренировки спортсмену был нанесен вред здоровью либо он погиб.

Если обратиться к открытым источникам, то можно найти большое количество исследований разных авторов по данной тематике. При этом каждый автор обычно придерживается своей точки зрения, которая отличается от мнения других исследователей. При этом хочется обратить внимание на работы А.Н. Красикова [3, с. 110], в которых изучаются обстоятельства, которые могут служить основанием для отказа в уголовном преследовании спортсмена, если его действия на тренировке или в ходе проведения соревнований нанесли другому спортсмену тяжкий вред здоровью и даже смерть. Одним из оснований для отказа в уголовном преследовании А.Н. Красиков считает согласие спортсмена на участие в соревнованиях с полным осознанием для себя возможных рисков и опасностей, что является одним из оснований для квалификации с правовой точки зрения подобных несчастных случаев [3, с. 69]. Факт согласия чаще всего приводит к исключению подобного деяния из категории преступных, если не имелось других фактов, которые могли бы свидетельствовать об умысле виновника случившегося. Правоведы неоднократно предлагали утвердить норму, которая приводила бы к уголовному преследованию, если при умышленном нарушении правил проведения спортивных состязаний, либо при отступлении от этих правил наступали тяжкие или особо тяжкие последствия, выразившиеся в причинении среднего, либо тяжкого вреда здоровью, или наступал летальный исход. Сторонники данной нормы считали, что она будет способствовать повышению уровня дисциплины спортсменов, резко снизит количество несчастных случаев в спорте.

Точку зрения А.Н. Красикова разделяют и другие ученые. Аналогичных взглядов придерживается известный отечественный правовед В.И. Михайлов [5, с. 67]. Он утверждает, что само по себе занятие спортом, имеющим повышенный риск травмирования, и выступление на подобных соревнованиях является самостоятельным обстоятельством с юридической точки зрения, которое приводит к тому, что деяние, которое по всем признакам является преступным, перестает таким быть. В.И. Михайлов апеллирует к тому факту, что спортсмен, когда соглашается принять участие в соревнованиях, отдает себе отчет, какие для

него могут наступить неблагоприятные последствия, и не только изъявляет желание, чтобы они не наступили, но принимает все действия для их недопущения [5, с. 68].

Но если изучить мнение современных правоведов, специализирующихся в данном вопросе, становится ясно, что они не согласны с мнением А.Н. Красикова, что данное спортсменом согласие в случае наступления тяжких последствий должно оградить от уголовного преследования того, чьи действия привели к наступлению данных последствий.

Интересной является точка зрения В.В. Орехова по поводу степени ответственности одного спортсмена за причинение вреда здоровью или за причинение смерти другому спортсмену, когда данный несчастный случай произошел в ходе проведения спортивных состязаний [6, с. 164]. В.В. Орехов считает, что спортсмен не должен привлекаться к уголовной ответственности, если спортивный поединок проводился с разрешения всех необходимых инстанций, и виновный в наступлении тяжких или особо тяжких последствий не выходил за рамки установленных для данного вида спорта правил. Автор предлагал данную норму отразить в действующем уголовном кодексе. Он считал, что она имела бы большое значение для профилактики случаев отступления от правил на тренировках и при проведении соревнований, а также для профилактики случаев неспортивного поведения.

Другой точки зрения придерживается известный правовед А.В. Савинов. Он считает, что если вред здоровью или смерть были причинены по причине нарушения правил или игнорирования команд судьи, то виновник должен нести уголовную ответственность в зависимости от реально наступивших последствий [8, с. 3].

Правоведение не стоит на месте, оно активно развивается. Ученые стремятся урегулировать имеющиеся правовые проблемы и недоработки, особенно в тех случаях, когда они могут оказать влияние на нашу повседневную жизнь. Вопросы, связанные с наступлением ответственности за причинение тяжкого или особо тяжкого вреда здоровью в спортивной среде, тоже находятся на острие правового внимания. Свой вариант квалификации подобного рода деяний предложил известный отечественный правовед М.Д. Шаргородский, который еще в 1948 году опубликовал свой труд, посвященный вопросам, связанным с преступлениями против здоровья и жизни граждан [9, с.370]. Автор работы считает, что если спортсмен стал виновником несчастного случая, произошедшего в ходе тренировок или на соревнованиях, его нельзя привлекать к ответственности в рамках уголовного права.

Нужно признать, что и в настоящее время федеральный законодатель не выразил свое четкое мнение по данному вопросу. Отсутствуют строгие

рамки по квалификации деяния, если имел место факт согласия спортсменов, и это привело к тому, что отсутствует единообразное правоприменение. И главный вопрос, который встает перед официальными лицами, проводящими расследование несчастного случая, это фактические границы согласия, данного спортсменами. То есть, какой уровень нанесенного вреда соответствует согласию, а какой явно выходит за его рамки. От решения данного вопроса во многом зависят и последующие правовые последствия.

П.С. Дагель в своих работах пытается нащупать золотую середину между правами спортсмена как гражданина и общественными интересами. Он говорит, что наше общество следует рассматривать как совокупность субъектов, осуществляющих между собой определенного рода коммуникацию. При этом, если один из субъектов получает отрицательный заряд, то негативное воздействие распространяется по цепочке и на другие субъекты, которые с ним связаны. По этой причине вред, нанесенный одному члену общества, в любом случае нужно рассматривать как вред, нанесенный всему обществу, и с этой точки зрения такой вред является преступным [2, с. 26].

Б.В. Сидоров тоже уделял много времени изучению данного вопроса. У него сложилась несколько отличная точка зрения. Он предлагает внести изменения в статью 76 Уголовного Кодекса России [1] и законодательно закрепить положение, по которому уполномоченный на то орган получает право на свое усмотрение освобождать от уголовной ответственности лиц, которые на тренировке или в ходе соревнования нанесли своему сопернику или партнеру вред здоровью небольшой или средней тяжести. А освобождение от ответственности при наступлении более тяжких последствий должно осуществляться с согласия потерпевшего.

Несколько отличную точку зрения высказывал и известный отечественный правовед В.Н. Винокуров. Он рассматривал ситуации нанесения вреда спортсменам. Очевидно, что во всех этих случаях вред наносится с согласия спортсмена. Лицо, которому был нанесен вред, предложено именовать пострадавшим, а основная задача при разборе подобных случаев заключается в поиске критериев, согласно которым причинившее вред лицо будет считаться виновным или невиновным. На самом деле это очень трудная задача. Даже если у причинившего вред имелся на то умысел, это очень трудно доказать, поскольку действия спортсменов в единоборствах часто являются неочевидными. На основании данного утверждения можно считать, что и согласие спортсмена на нанесение ему вреда партнером тоже имеет неочевидный характер. Подобные выводы в первую очередь относятся к таким играм как хоккей, футбол, регби. Эти виды спорта носят очевидный силовой характер, но

по ходу игры непосредственное проведение по отношению к сопернику силовых приемов не является обязательным согласно правилам.

Изучение современной литературы, посвященной данной проблеме, позволяет сделать вывод, что в настоящее время имеется несколько подходов к квалификации действий спортсменов, которые стали причиной причинения вреда здоровью. Более четкими стали и границы согласия спортсменов на нанесение им вреда в ходе тренировок и спортивных соревнований.

Один из часто применяемых подходов основан на принципе ценности оберегаемого законом права. В подобных случаях границы допустимости применения вреда всегда определяются исходя из конкретной ситуации. В первую очередь всегда определяют уровень вреда, нанесенного охраняемому законом здоровью, жизни, другим объектам, в том числе имеющим моральную и духовную ценность. Другой подход во главу угла ставит разбор ситуации, при которой был нанесен вред. Существует много типов человеческой деятельности, которые являются потенциально опасными, и которые могут привести к несчастным случаям. Их предполагается классифицировать в зависимости от уровня допустимого вреда, который может быть причинен при осуществлении данной деятельности, например, в ходе проведения хирургической операции, при участии в спортивном состязании и так далее.

Но имеется и еще один вариант урегулирования данной проблемы в рамках согласия на причинение вреда. Он носит несколько формализованный характер, и суть его заключается в том, чтобы увязывать уровень согласия на причинение вреда с рамками тех обвинений, которые можно будет предъявить виновнику нанесения вреда, если рассматривать дело как частное обвинение. Как вариант, форма обвинения может быть частно-публичной.

Определенный интерес представляет труд Ю.В. Власова и О.А. Михалы [4, с. 129], касающийся юридической квалификации случаев получения спортсменами на тренировках и в ходе соревнований различной тяжести вреда здоровью из-за действий соперника. Авторы выходят с предложением ввести в Уголовный Кодекс России отдельную статью, которая будет регламентировать подобные вопросы. Это должна быть статья 42.1. [1]

Некоторые правоведы предлагают рассматривать и квалифицировать данные ситуации с точки зрения обоснованности степени риска при проведении тренировок и соревнований. Данной точки зрения придерживается Т.Ю. Орешкина [7, с. 67]. Она утверждает, что ситуацию, когда спортсмен получает травмы или даже погибает, необходимо в рамках действующего права рассматривать самостоятельно. И

если в данном случае имеются признаки преступного деяния, то оно должно иметь самостоятельный состав. Поскольку занятия многими видами спорта связаны с повышенным риском, необходимо оценивать уровень допустимого риска.

И все же хочется сказать, что правовая оценка причинения спортсменам вреда здоровью и причинения смерти практически не рассматривается с позиций оценки допустимого риска. Даже в юридической литературе очень мало материалов на данную

тему. А в реальной практике такого рода примеров нет вообще.

Обсуждение правовых вопросов, связанных с согласием спортсмена на причинение ему вреда в процессе занятий спортом протекает в сугубо научной среде, и федеральный законодатель на это никак не реагирует. Вопрос, конечно, очень важен сам по себе, и очень плохо, что сейчас нет возможности его урегулировать, выработав единый подход к квалификации подобных деяний и правоприменению.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. *Дагель П.С.* Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? / П.С. Дагель // Советская юстиция. – 1972. – № 3. – С. 26.
3. *Красиков А.Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / А.Н. Красиков. – Саратов, 1976. – 120 с.
4. *Михаль О.А.* Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях / О.А. Михаль, Ю.В. Власов // Современное право. – 2014. – № 9 – С. 128-132.
5. *Михайлов В.И.* Согласие лица как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В.И. Михайлов // Законодательство. – 2002. – № 3. – С. 66-72.
6. *Орехов В.В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб., 2003. – 217 с.
7. *Орешкина Т.Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. 2016. № 4. С. 66-76.
8. *Савинов А.В.* Понятие и правовая природа причинения вреда с согласия лица или по его просьбе» / А.В. Савинов // СПС КонсультантПлюс, 2013.
9. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М., 1948. – 511 с.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 06.13.1996 № 63-FZ (as amended on 03.25.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.17.1996, № 25, art. 2954.
2. *Dagel P.S.* Does the "consent of the victim" have a criminal law value? / P.S. Dagel // Soviet justice. – 1972. – № 3. – P. 26.
3. *Krasikov A.N.* The essence and meaning of the consent of the victim in Soviet criminal law / A.N. Krasikov. – Saratov, 1976. – 120 p.
4. *Mikhal O.A.* Criminal law regulation of causing harm to health or death during sports activities / O.A. Michal, Yu.V. Vlasov // Modern law. – 2014. – № 9 – C. 128-132.
5. *Mikhailov V.I.* Consent of a person as a circumstance excluding the criminality of the act / V.I. Mikhailov // Legislation. – 2002. – № 3. – S. 66-72.
6. *Orekhov V.V.* Necessary defense and other circumstances excluding the criminality of the act / V.V. Orekhov. – St. Petersburg, 2003. – 217 p.
7. *Oreshkina T.Yu.* Circumstances excluding the criminality of the act: debatable questions of a general nature // Criminal law. 2016. № 4. S. 66-76.
8. *Savinov A.V.* The concept and legal nature of causing harm with the consent of a person or at his request" / A.V. Savinov // SPS ConsultantPlus, 2013.
9. *Shargorodsky M.D.* Crimes against life and health / M.D. Shargorodsky. – M., 1948. – 511 p.

Литвинова Юлия Евгеньевна,

аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, город Елец,
excellennzz@gmail.com

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ

Аннотация. Конфискация имущества, в очередной раз возвращенная в отечественный уголовный кодекс в 2006 году, была законодательно отнесена к категории «иных мер» уголовно-правового характера. Понятие данных мер появилось впервые в отечественном уголовном праве в действующем уголовном кодексе в 2006 году (глава 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера», глава 151 «Конфискация имущества») и в 2016 году (глава 152 «Судебный штраф»). Согласно части 2 ст. 2 УК РФ за совершение преступления устанавливается наказание и иные меры уголовно-правового характера. Соответственно, законодателем указано, что к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наряду с наказанием, возможно применение иных мер уголовно-правового характера, отличающихся от наказания по своей правовой природе. В настоящее время в отечественном законодательстве не существует единого четкого определения «иных мер уголовно-правового характера». В отличие от наказания, данные меры не образуют единой системы, а также существенно различаются между собой как по юридической сущности, так и по основаниям применения.

Ключевые слова: конфискация имущества, уголовное наказание, принуждение, право, преступление.

Yulia E. Litvinova,

Postgraduate, Bunin Yelets State University, Yelets,
excellennzz@gmail.com

CONFISCATION OF PROPERTY AS A FORM OF STATE COERCION: CONCEPT AND FORMS

Abstract. Confiscation of property, which was once again returned to the domestic Criminal Code in 2006, was legally classified as "other measures" of a criminal nature. The concept of these measures appeared for the first time in domestic criminal law in the current Criminal Code in 2006 (Chapter 15 of the Criminal Code of the Russian Federation "Compulsory medical measures", Chapter 151 "Confiscation of property") and in 2016 (Chapter 152 "Judicial fine"). According to Part 2 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, punishment and other measures of a criminal nature are established for the commission of a crime. Accordingly, the legislator indicated that a person found guilty of committing a crime, along with punishment, may be subject to other measures of a criminal nature that differ from punishment by their legal nature. Currently, there is no single clear definition of "other measures of a criminal nature" in the domestic legislation. Unlike punishment, these measures do not form a single system, and also differ significantly from each other both in legal essence and on the grounds of application.

Keywords: confiscation of property, criminal punishment, coercion, law, crime.

Согласно имеющемуся в научной литературе доминирующему подходу, в качестве данных мер можно рассматривать меры воздействия на лицо, совершившее преступление, осуществляемые в рамках уголовного законодательства.

Не связанные с наказанием меры уголовно-правового воздействия теоретически были обоснованы в дореволюционных трудах исследователей-юристов (Н.С. Таганцева и других), связаны с необходимостью обеспечения общественной безопасности от проти-

воправных действий со стороны личности или групп лиц, представляющих собой существенную общественную опасность.

Отсюда проистекает главный критерий применения данных мер – наличие связанного с личностью или неким имуществом потенциала формирования общественной опасности.

В то же время главным критерием применения наказания является доказанный факт совершения преступления.

Ключевым различием между мерами уголовного наказания и иными мерами уголовно-правового характера является наличие или отсутствие в них карательного элемента.

При этом следует различать меры, направленные на обеспечение общественной безопасности, и меры, связанные с изменением уголовно-правового статуса личности.

Конфискацию имущества в том виде, в котором она представлена в действующем УК РФ, невозможно отнести ни к одному из указанных выше видов «иных мер уголовно-правового характера».

Нами предлагается схематичное отображение представленных классификаций и место в них конфискации имущества (см. Рисунок 1).

Неотнесение конфискации ни к одной из приведенных категорий обуславливается фактическим отсутствием ограничений прав лиц, в отношении которых она применяется. Исключение составляет только мера, связанная с конфискацией имущества, имеющее отношение к террористической деятельности (что не рассматривается в рамках данного исследования).

Институт конфискации имущества в российском законодательстве является межотраслевым – это обусловлено тем обстоятельством, что он востребован в практике уголовной, уголовно-процессуальной, в гражданской, и административной отраслей права.

Закрепленная в уголовном законе, конфискация имущества, в настоящее время наиболее тесно связана с уголовно-процессуальной конфискацией. При тождественном содержании данных видов конфискации имущества, они имеют также и свои разли-

чия: различие состоит в целях применения уголовно-правовой и уголовно-процессуальной конфискации имущества:

- уголовно-правовая конфискация имущества направлена на устранение вредных последствий преступления, предотвращение возможности совершения новых противоправных действий и восстановление социальной справедливости;
- уголовно-процессуальная конфискация имущества служит средством при уголовном судопроизводстве.

Классификация конфискации имущества в соответствии с действующим отечественным законодательством, а также мнением отечественных исследователей, проведенная автором данного исследования, представлена на Рисунке 2.

Таким образом, конфискация имущества как правовое явление имеет в современной России тройственную уголовно-правовую природу.

В качестве основных причин, формирующих данную тройственность, выступает наличие:

- 1) специальной конфискации имущества;
- 2) конфискации имущества в качестве санкции за противоправные действия;
- 3) конфискации имущества в качестве превентивной меры обеспечения общественной безопасности.

Специальная конфискация имущества предназначена, главным образом, для сбора доказательств и формирования доказательной базы совершения преступлений.

Конфискация имущества в качестве санкции за противоправные деяния в качестве меры уголов-

Рисунок 1. Классификация иных мер уголовно-правового характера в соответствии с отечественным законодательством и место в них конфискации имущества (авторская схема)

но-правового характера, имеющей своей целью восстановление правового положения, нарушенного в результате совершения преступления.

Конфискация имущества, относящаяся к мерам обеспечения общественной безопасности (наряду с принудительными мерами медицинского и воспитательного характера), имеющим своей целью достиже-

ние социальной справедливости, устранение опасности и (или) предупреждение совершения новых преступлений – данную особенность применения конфискации имущества можно отнести к новым правовым явлениям, возникновение которых обусловлено возникновением нового характерного для этого века явления международного терроризма.

Рисунок 2. Классификация конфискации имущества в соответствии с отечественным законодательства (авторский рисунок)

Список литературы

1. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения. Дис. ... к.ю.н. – Тольятти, 2007. – 200 с.
2. Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – 197 с.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005 — 800 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 4. Киев, 1905. – 712 с.
5. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права (Лекции и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права) СПб., 1910. Тип. М.М. Стасюлевича. – 680 с.
6. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права проф. П.И. Новгородцева : учения нового времени, XVI-XIX вв. – 3-е изд. – М. : Типо-лит. Н. А. Яшкина, 1914. – 234 с.
7. Баршев С.И. О мере наказаний / [соч.] Сергея Баршева. – М. : Унив. тип., 1840. – [4], 279 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. до 07.07.2003 г.). – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Долинская В.В. Ограничения права собственности: понятия и виды / В.В. Долинская // Закон. – 2003. – № 11. – С. 3-10.
10. Назаренко В.С. Экономическое развитие России и социальная справедливость в контексте делиберативной политики / В.С. Назаренко // Научные записки молодых исследователей. – 2018. – № 4. – С. 38–44.
11. Нечушкин А.Ю. Групповой эгоизм в российском обществе: социологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / А.Ю. Нечушкин. – Ростов-на-Дону, 2007. – 60 с.
12. Пайнс Р. Собственность и свобода / Р. Пайнс. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 415 с.
13. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес: Монография / Под ред. Р.М. Нуреева. – Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2006. – 512 с.
14. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 669 с.

15. Тоффлер Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, ПРОФИЗДАТ, 2008. – 569 с.
16. Углов Д.В. Дискурс социальной справедливости как фактор формирования общества делиберативной демократии: монография / Д.В. Углов; под ред. Л.П. Станкевича. – Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2011. – 179 с.
17. Уемов А.И. Системный подхода и общая теория систем / А.И. Уемов. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
18. Явлинский Г. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы / Г. Явлинский // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 4-26.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 марта 1971 года № 58 «О практике назначения судами РСФСР дополнительных мер наказания» (с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1977 года № 1).
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954.

References

1. Borchenko D.Yu. Confiscation of property as a measure of a criminal law nature: concept, nature, social purpose and procedure for application. Dees.... Ph.D. – Togliatti, 2007. – 200 s.
2. Samoiloova S.Yu. Confiscation of property in Russian criminal legislation: Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – 197 pages.
3. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the history of Russian law. M.: Publishing House «Territory of the Future», 2005-800 p.
4. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the history of Russian law. Ed. 4. Kiev, 1905. – 712 pages.
5. Sergeevich V.I. Lectures and studies on the ancient history of Russian law (Leccii and izsl'dovaniya on the ancient history of Russian law) St. Petersburg, 1910. Type. M. M. Stasyulevich. – 680 pages.
6. Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of philosophy of law prof. P.I. Novgorodtseva: teachings of the new time, XVI-XIX centuries. – 3rd ed. – M.: Tipo-lit. N.A. Yashkina, 1914. – 234 s.
7. Barshev S.I. On the measure of punishment/[op.] Sergia Barsheva. – M.: Univ. type., 1840. – [4], 279 s.
8. Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]: feder. Law of June 13, 1996 № 63-FZ (ed. Until 07.07.2003). – Access mode: URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Dolinskaya V.V. Restrictions on property rights: concepts and types/V.V. Dolinskaya//Law. – 2003. – № 11. – Page 3-10.
10. Nazarenko V.S. Economic development of Russia and social justice in the context of deliberation policy/V.S. Nazarenko//Scientific notes of young researchers. – 2018. – № 4. – Page 38-44.
11. Nechushkin A.Yu. Group selfishness in Russian society: sociological analysis: Autoreferat dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences/A.Yu. Nechushkin. – Rostov-on-Don, 2007. – 60 pages.
12. Pines R. Property and Freedom/R. Pines. – M.: Moscow School of Political Studies, 2000. – 415 pages.
13. Post-Soviet institutionalism – 2006: Power and business: Monograph/Ed. R.M. Nureeva. – Rostov-on-Don: Science-Press, 2006. – 512 pages.
14. Toffler E. Metamorphoses of power: Knowledge, wealth and strength on the threshold of the 21st century/E. Toffler. – M.: AST: AST MOSCOW, 2009. – 669 pages.
15. Toffler E. Revolutionary Wealth/E. Toffler, H. Toffler. – M.: AST, PROFIZDAT, 2008. – 569 pages.
16. Uglov D.V. Discourse of social justice as a factor in the formation of a society of deliberative democracy: monograph/ D.V. Uglov; ed. L.P. Stankevich. – Tambov-Lipetsk: Publishing House Pershina R.V., 2011. – 179 pages.
17. Uemov A.I. System Approach and General System Theory/A.I. Uemov. – M.: Thought, 1978. – 272 pages.
18. Yavlinsky G. Necessity and ways of legitimizing large private property in Russia: setting the problem/G. Yavlinsky// Economic issues. – 2007. – № 9. – Page 4-26.
19. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 23, 1971 № 58 «On the practice of appointing additional penalties by the courts of the RSFSR» (as amended by Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 30, 1977 № 1)
20. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (ed. From 01.07.2021) //Assembly of Legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. – № 25. – Article 2954.

Рахманин Намиг Таирович,

кандидат исторических наук, директор информационно-консультационного центра доступа,
Институт деловой карьеры, город Электросталь,
Elena-igupit@mail.ru

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры,
Москва, директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва,
nauka@ideka.ru

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Корпоративные права вместе с корпоративными обязанностями, представляют собой содержание корпоративных правоотношений, которые, по результатам произошедшей в 2014 году реформы гражданского законодательства, выделились в рамках отдельной категории правоотношений, отличающейся от правоотношений обязательственного и вещного типа. В статье рассматриваются понятие и виды субъектов корпоративных отношений в российском праве. Авторами анализируется содержание гражданского законодательства, приводится дефиниция субъектов корпоративных отношений. Также рассматривается ряд особенностей корпоративных отношений, позволяющих выделить их среди других видов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: гражданское законодательство, корпоративные отношения, субъекты корпоративных отношений, гражданское право.

Namig T. Rahmanin,

Ph.D. of Historical Sciences, Director of the Access Information and Consulting Center,
Institute of Business Career, Elektrostal,
Elena-igupit@mail.ru

Pavel O. Milov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career, Moscow, Director of the Editorial and Publishing house, Russian New University, Moscow,
nauka@ideka.ru

CORPORATE RELATIONS IN CIVIL LAW

Abstract. Corporate rights, together with corporate obligations, represent the content of corporate legal relations, which, according to the results of the civil law reform that took place in 2014, were singled out as a separate category of legal relations, which differs from legal relations of obligation and real type. The article discusses the concept and types of subjects of corporate relations in Russian law. The author analyzes the content of civil legislation, provides a definition of the subjects of corporate relations. Also in this paper, a number of features of corporate relations are considered, which make it possible to distinguish them from other types of civil legal relations.

Keywords: civil law, corporate relations, subjects of corporate relations, civil law.

Современные реалии 2022 года, характеризуются появлением в действительности новых явлений. В последнее время в правовую систему РФ внедряется очень большое число «новых и свежих» отраслей права, к примеру: строительное право, спортивное право, ядерное право и многие другие. Одной из таких «молодых» отраслей права является корпоративное право. В отношении последней не сложилось единого мнения по поводу её самостоятельности и отраслевой принадлеж-

ности норм, регулирующих данные правоотношения. Целью данной статьи является выявление сущности корпоративных отношений в гражданском праве.

На сегодняшний день в теории и в законодательстве не выработано единой концепции корпоративных отношений.

Система законодательного регулирования сферы корпоративного управления в России и за рубежом совершенствуется и реформируется с каждым

годом, однако некоторые спорные моменты все еще продолжают существовать.

На сегодняшний день субъектами корпоративного права является большое разнообразие юридических лиц. Под юридическим лицом нужно понимать организацию, основанную на слиянии лиц, обладающих имущественной собственностью, самостоятельной гражданско-правовой ответственностью, образующую и прекращающую свою деятельность в порядке, установленном законом.

Корпорация – это организация, созданная с согласия государства для осуществления предпринимательской (или иной) деятельности в качестве искусственного лица, которая может выступать стороной судебного разбирательства, а также (если она не является некоммерческой) может выпускать акции для привлечения средств, с помощью которых можно начать бизнес или увеличить имеющийся капитал.

Что касается корпоративного права, то на сегодняшний день это одна из молодых отраслей российского права. Оно зародилось относительно недавно и сегодня находится в стадии становления и развития. Особую дискуссию среди ученых сегодня представляют вопросы о сущности корпоративного права, об их месте в системе российского права и ряд других вопросов, что также свидетельствует об актуальности его изучения.

Мы занимаем позицию, согласно которой имеется необходимость развития корпоративного права в качестве основного регулятора деятельности корпораций. Сегодня, при увеличении количества корпораций и спектра оказываемых ими услуг, а также производимых товаров, игнорирование корпоративного нормотворчества видится недопустимым.

Однако не все ученые придерживаются данной позиции. Имеются мнения, отвергающие корпоративное право, либо ставящие под сомнение его ценность. Так, С.В. Бошно придерживается позиции, что корпоративное право, дорога которому была открыта федеральным законодателем, не может выступать в качестве органической части общего механизма правового регулирования без проведения системных преобразований общей теории нормативизма. Автор также считает, что общественная практика не настолько заинтересована в корпоративном праве, чтобы подвергнуть пересмотру доктринальные позиции общей теории права [6].

Что касается определения места корпоративного права в системе права, то здесь можно выделить два подхода. Согласно первому, корпоративное право не включается в гражданское право, согласно второму, напротив, поддерживается его гражданско-правовая природа.

Корпоративные отношения, по мнению ряда исследователей, являются целым разделом граждан-

ских правоотношений. Они состоят из прав участников хозяйственных обществ и корреспондирующих им обязанностей самих этих обществ [3]. Корпоративный закон здесь определяется в качестве самостоятельного объекта правового регулирования и сотрудничества отношений, основанных на членстве.

По мнению другой группы авторов, законодательство, регулирующее корпоративные отношения, имеет комплексный характер, в связи с чем, корпоративное право рассматривается в качестве комплексной отрасли права [4]. Другая группа авторов настаивает на комплексном характере законодательства, регулирующего корпоративные отношения, и относит корпоративное право к комплексной отрасли права [5].

Стоит отметить, что управленческие отношения – это определенная форма взаимоотношений между людьми, основанная на «власти», то есть возможность навязать свою волю другим лицам.

Рассмотрение отношений, основанных, на властном подчинении в качестве гражданско-правовых противоречит ч. 3 ст. 2 ГК РФ, согласно которой гражданское законодательство не применяется к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой.

Одной из доминирующих теорий к определению корпоративных отношений является подход о том, что корпоративное право не вписывается в систему какой-либо отрасли права, а возникающие правоотношения регулируются как частным, так и публичным правом.

О.В. Гутников под корпоративными отношениями предлагает понимать «урегулированные правом общественные отношения, связанные с управлением юридическими лицами в процессе их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации...» [9].

По его мнению, управленческим отношениям свойственна двойственная связь. С одной стороны, участники реализуют личные права на управление корпорацией. С другой стороны, в таких отношениях возможна и обратная субординационная связь, когда органы управления через локальные нормативные акты подчиняет себе волю участника. Проявление данных корпоративных отношений происходит в деятельности волеобразующих и волеизъявляющих органов.

Иной точки зрения придерживается Д.В. Ломакин, по мнению которого управление как таковое не имеет самостоятельного значения в корпоративных отношениях. Указанный автор считает, что управленческо-организационные отношения имеют вспомогательное значение, поскольку их цель в корпорации заключается в упорядочении ее деятельности, имеющей имущественный характер. Также Д.В. Ломакиным было отмечено, что применительно к корпорации зачастую невозможно провести различия между отношениями участия и управления [8].

С таким заключением не соглашается О.В. Гутников, заявляя, что именно право управлять юридическим лицом является основным корпоративным правом, а не одним из «вспомогательных» корпоративных прав и не одним из правомочий субъективного корпоративного («членского») права [10]. Основа корпоративных отношений и все что с ними связано, базируются на праве управления юридическим лицом.

Полагаем, что стоит согласиться с В.В. Тихоновым, который говорит о необходимости разделять пассивное участие посредством инвестирования собственного капитала, и участие с элементами менеджмента, когда участник активно реализует право на управления компанией [11]. Обозначенные формы участия имеют место быть на практике, и поэтому все же стоит признать именно два относительно самостоятельных вида корпоративных отношений –

участие и управление.

В настоящее время многие люди ищут способ зарабатывания денег, не требующий от человека выполнять какие-либо действия (пассивный доход). В рассматриваемом случае люди, покупая в собственность определенную долю в юридическом лице, не интересуются внутренними хозяйственными отношениями, преследуя единственную цель в таком активе – это имущественная выгода в виде пассивного дохода.

Е.Д. Тягай в своей работе обосновано отмечает, что на сегодняшний день имеется необходимость внесения изменений в действующее законодательство с целью разъяснения самих понятий «участие», «членство» и «управление», поскольку данный вопрос представляет не только научно-теоретический интерес, но и обладает правоприменительной значимостью в общественных отношениях [12].

Сущность управления организацией раскрывается через процесс воздействия субъекта на объект. Так, А.Ш. Хабибуллина под управлением юридическим лицом предлагает понимать «процесс целенаправленного воздействия органа или уполномоченного представителя юридического лица, обладающего определенными властными полномочиями (субъект управления), на внутреннее (корпоративное) и внешнее (между самим юридическим лицом и третьими лицами) состояние организации в целом (объект управления)» [13].

В этой связи представляется необходимым определение участников корпоративных отношений.

Полагаем, что без сомнения в число субъектов корпоративных отношений следует включить саму корпорацию и ее участников.

В действующей редакции Гражданского кодекса РФ в качестве участников гражданско-правовых отношений определены только граждане и юридические лица.

Данный перечень является закрытым и расширительному толкованию не подлежит. Следовательно, включение других лиц в список субъектов гражданского права представляется необоснованным.

Таким образом, исходя из цивилистических позиций, органы корпорации не являются самостоятельными субъектами корпоративных отношений. Хотя они и занимают важное место в управленческих отношениях корпорации (не являющимися правоотношениями), в гражданско-правовых отношениях органы корпорации являются неким вспомогательным элементом для реализации юридическим лицом своей правоспособности.

Заслуживает внимания предложенная В.К. Артёменковым трактовка понятия органа юридического лица в качестве правового средства, которая основывается на презумпции наличия у юридического лица собственной воли, действительным источником которой являются физические лица (учредители, участники, члены и др.) [14].

Орган юридического лица – это некий организационно оформленный абсолютно или относительно (с корпоративной точки зрения) самостоятельный элемент юридического лица с набором определенных полномочий, которыми наделены назначенные в установленном порядке лица, составляющие этот орган. Реализуя указанные правомочия в гражданско-правовых отношениях, указанные лица, в действительности, выражают свою собственную волю, которая признается законом волей органов юридического лица (ч. 1 ст. 53 ГК РФ).

Субъектами управления юридического лица, а также его представления в гражданских правоотношениях, являются не его органы, а лица, которые входят в состав данных органов – это физические и юридические лица, которые с точки зрения действующего законодательства являются субъектами гражданско-правовых отношений.

Принимая внимание то, что законодателем были выделены корпоративные отношения в предмете гражданского права, а также исходя из легального определения понятия корпоративного отношения, закрепленного в ГК РФ, можно утверждать, что корпоративное право не является ни самостоятельной, ни комплексной отраслью права. Считаем, что корпоративное право является неким комплексным правовым институтом. Корпоративные отношения являются самостоятельными, и присущие им признаки позволяют обособить их в отдельную группу общественных отношений.

Несмотря на то, что период формирования системы корпоративного права России занял меньший промежуток времени нежели период формирования аналогичного правового института большинства развитых зарубежных стран, он прошёл длительный и

сложный процесс развития и становления. Не смотря на это далеко не все законодательные проблемы данной области права на сегодняшний день решены.

Итак, основным нормативным правовым актом, регламентирующим корпорацию, как отдельную форму юридического лица со своими специфическими особенностями, как ранее было отмечено, является Гражданский кодекс Российской Федерации.

Стоит отметить, что и отраслевая принадлежность норм корпоративного права, которые установлены на законодательном уровне, многогранна. Так, эти нормы являются производными от правовых установлений гражданского права (к примеру, правила, регулирующие порядок организации и деятельности юридических лиц тех или иных организационно-правовых форм), уголовного права, трудового права. Но, безусловно, решающее значение для формирования норм корпоративного права оказывает именно гражданское право, которое, в свою очередь, относит корпоративные отношения к предмету своего регулирования [7].

Необходимо отметить, что правовая доктрина задолго до внесения поправок в ГК РФ и легального закрепления дефиниции «корпоративные отношения» предлагала различные формулировки данного понятия. В данной работе мы не ставим перед собой целью анализировать все мнения отечественных и зарубежных ученых, а представим лишь наиболее значимые.

Полностью разделяем позицию Н.А. Бутаковой о том, что «правоотношение является одной из ступеней реализации нормы объективного права, результатом правового регулирования общественных отношений. Принимая форму правоотношения, исходное общественное отношение становится фактическим юридическим отношением, не тождественным исходному отношению. Правоотношение есть инструмент достижения прогнозируемого юридического эффекта, но не сам такой эффект» [6].

Из этого следует, что корпоративное правоотношение, как и всякое иное общественное отношение, обладает формой и содержанием, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Причем, форма – это не внешняя оболочка явления, она, как и содержание, выражает его сущность. Содержание постоянно переходит в форму, а форма – в содержание.

Отсюда следует, что содержание корпоративных правовых отношений нельзя сводить исключительно к юридическим правам и обязанностям субъектов. Хотя в общей теории права превалирует именно данный подход. Как и любое другое, корпоративное правоотношение включает также реальное взаимодействие в правовой сфере, которое выступает как юридически предусмотренная и значимая деятельность. Сочетание прав и обязанностей характеризует форму правоотношения, предписанную нормой объ-

ективного права. Вид правоотношения определяется характером (содержанием) субъективных прав и юридических обязанностей его участников.

А.В. Терентьев справедливо отмечает, что «в ГК РФ важно обозначить круг участников (субъектов) корпоративных отношений. Это позволит избежать путаницы при определении того, какие отношения являются корпоративными». Говоря о субъектах анализируемых нами отношений, убеждены в том, что в их число следует включать только корпорацию, ее участников и ее органы [5].

Считаем необходимым отметить тот факт, что в зарубежной правовой доктрине так же, как, и в отечественной, не сложилось единого подхода в понимании сущности корпоративных отношений. Это связано с различными факторами, в том числе с неоднородным механизмом правового регулирования в правовых семьях, с правовыми и экономическими особенностями конкретного государства. В рамках модели англо-саксонской правовой семьи обратимся к мнению известного исследователя права США У.Э. Батлеру, который указывает на то, что «для законов о корпорациях, принимаемых на уровне отдельных штатов США, вообще нехарактерно наличие каких бы то ни было определений корпорации».

По его мнению, «американская правовая доктрина в целом не принимает определение корпорации, которое допускает предельно широкую трактовку этого понятия как любой группы отдельных лиц, объединившихся для достижения общей цели и действующих под общим названием. Это определение в равной мере подходило бы для обозначения таких форм, как партнерство, профсоюзы и даже государство». Из высказывания ученого следует, что американская корпорация – это самостоятельное инкорпорированное предпринимательское образование, выпускающее акции для формирования своего уставного капитала.

Таким образом, действующее зарубежное законодательство в большинстве своем не содержит определения понятия «корпорация», равно как и сам термин «корпорация» в законодательных актах большинства зарубежных государств не употребляется вообще.

П.В. Степанов отмечает: «Зарубежная доктрина и законодательство разделяют юридические лица на персональные объединения – объединения лиц и капитальные объединения – объединения капиталов». К первой группе следует отнести товарищества и их разновидности (полное и командитное), а также производственные кооперативы. Во вторую же группу необходимо включать акционерное общество (компанию), известное континентальному праву, в том числе и российскому; аналогом такого общества является предпринимательская корпорация в США [11].

К капитальным обществам относятся и такие разновидности акционерного общества, известные

европейскому законодательству, как коммандитные акционерные общества или коммандитные товарищества на акциях, представляющие собой своеобразное сочетание коммандитного товарищества и акционерного общества. Кроме того, в качестве капитальных обществ рассматриваются различные модификации акционерных обществ (холдинги, концерны).

Раскрывая понятие и признаки корпоративных отношений, нельзя не обратить внимание, на один весьма важный аспект. А.В. Терентьев обоснованно считает, что законодатель «неоправданно исключил из состава корпоративных отношений отношения, складывающиеся в процессе создания и прекращения деятельности корпорации» [12].

Подтверждением может служить описанная автором ситуация, при которой отношения между будущими участниками по созданию, например, общества с ограниченной ответственностью являются корпоративными в силу того, что субъекты устанавливают размер доли каждого из участников, порядок и сроки оплаты долей и другие условия.

При создании корпорации определяются направление ее деятельности, ее организационно-правовая форма, структура органов управления, компетенция органов управления и прочее, то есть уже при решении вопроса о создании корпорации закладывается структура корпоративных отношений, определяется их состав.

Следует отметить, что в отношении вопроса, считать ли отношения между субъектами до создания корпорации корпоративными, нет единства мнений в научной литературе.

Так, Д.А. Пяткин и Т.В. Андрейчук указывают: «отношения, возникающие между лицами, предшествующие возникновению создаваемого ими юридического лица, отвечающего признакам самостоятельности, имущественной обособленности и правосубъектности, должны считаться по своему духу корпоративными, поскольку их характеризует реализация гражданской правоспособности и конституционного права на объединение лиц». А по мнению М.А. Рожковой, «до создания корпорации корпоративных отношений нет и быть не может» [14].

Нам более близка позиция А.В. Терентьева, Д.А. Пяткина и Т.В. Андрейчук. Хотя необходимо подчеркнуть, что при создании корпорации корпоративными можно считать только отношения, складывающиеся между будущими участниками. Нельзя при этом относить к корпоративным отношения между участниками и иными лицами (например государственными органами) так как такие отношения не признаются частными, они по сути своей не гражданско-правовые, а, следовательно, и не корпоративные.

О.В. Гутников под корпоративными отношениями предлагает понимать «урегулированные правом

общественные отношения, связанные с управлением юридическими лицами в процессе их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации...» [13].

Мы согласны с высказыванием ученого, так как отношения, формирующиеся в процессе прекращения деятельности корпорации (ее ликвидации, реорганизации), можно считать корпоративными, потому что в результате названных процедур определяется порядок прекращения корпоративных отношений, а при реорганизации – возникновения новых.

Примером именно корпоративных отношений можно считать только отношения между участниками корпорации (по поводу принятия решения о реорганизации; при утверждении передаточного акта) и отношения между участниками и органами корпорации (при несогласии части участников с решением о реорганизации, принятым органом корпорации, который уполномочен на это уставом).

Как и в случае с созданием корпорации, нельзя считать корпоративными отношения с третьими лицами – с кредиторами, заявившими требования о включении в промежуточный ликвидационный баланс должника или отношения между участниками корпорации и уполномоченным государственным органом, обратившимся в суд с требованием о ликвидации юридического лица в принудительном порядке (п. 3 ст. 61 ГК РФ).

Р.Р. Ушницкий абсолютно прав, говоря о том, что «ликвидация корпорации, выход, исключение участника из корпорации и другие основания прекращения корпоративного правоотношения подтверждают специфику корпоративного отношения как особого гражданского правоотношения, отличного от вещного и обязательственного».

Подчеркнем, что легальное определение дефиниции «корпоративные отношения» появилось сравнительно недавно – в 2012 году. Несмотря на это в доктрине гражданского права не сложилось единого подхода в понимании сущности и правовой природы корпоративных отношений. Поскольку корпоративные отношения возникают до момента государственной регистрации юридического лица и в случае его реорганизации продолжают функционировать, предлагаем под корпоративными отношениями понимать внутренние отношения, возникающие в процессе создания, деятельности, прекращения деятельности корпорации, связанные с участием и (или) управлением ею.

Говоря о защите прав корпорации, следует отметить, что в современной юридической отечественной и зарубежной литературе выделяют набор способов и форм защиты.

Способы защиты корпоративных прав условно разделяют на материально-правовые, которые в свою очередь включают процессуальные, и пресекающие способы защиты, и штрафные способы.

Что же касается форм защиты корпоративных прав, среди них выделяют внесудебные и судебные формы защиты. В свою очередь внесудебные формы защиты включают досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров, нотариальную защиту и третейское разбирательство. Судебные формы защиты предполагают решение спорных вопросов корпоративного права в рамках Конституционного суда РФ, арбитражных судов РФ и судов общей юрисдикции.

Каждая из представленных форм защиты решает чётко обозначенный перечень спорных вопросов корпоративного права, входящих непосредственно в её компетенцию и обусловленный спецификой разбирательства между субъектами дела.

Подвергнув анализу представленные в настоящей статье научные подходы, можно сделать вывод, что корпоративным отношениям характерна гражданско-правовая природа с особым частно-управленческим характером, которому свойственно не одностороннее властное подчинение, а определенные двусторонние субординационные отношения между самим юридическим лицом и его участниками.

С одной стороны, участники воздействуют на юридическое лицо, давая обязательные указания в виде управленческих решений, с другой стороны, они сами должны следовать принятым решениям юридического лица в лице его органов, подчиняясь «воле большинства».

При этом органы хозяйственного общества не относятся к числу самостоятельных субъектов гражданских правоотношений, но они играют активную роль во внутренних управленческих отношениях корпорации. В гражданско-правовых отношениях органы хозяйственного общества являются вспомогательной правовой конструкцией, которая позволяет юридическому лицу реализовать его правоспособность.

Таким образом, проанализировав гражданское законодательство и рассмотрев основные подходы в доктрине гражданского права на понятие и сущность корпоративных отношений, мы пришли к выводу о том, что корпоративные отношения – это внутренние отношения, возникающие в процессе создания, деятельности, прекращения деятельности корпорации, связанные с участием и (или) управлением ей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.03.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об акционерных обществах» // «Российская газета», № 248, 29.12.1995.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», № 30, 17.02.1998.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СПК «КонсультантПлюс». - [Электронный ресурс]: <http://www.consultant.ru>.
6. *Пахомова Н.Н.* Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). - Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2019. – 113 с.
7. *Майстренко Г.А., Майстренко А.Г.* Правовая природа корпоративных отношений // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 91-94.
8. *Миннуллина К.А., Татарина Е.П.* Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6 (237). С. 74-79.
9. *Жуковская М. А.* Обычай как источник гражданского права / М.А. Жуковская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 116-119.
10. *Цуканова Е.Ю., Берестнев Р.Е.* Роль обычая и делового обыкновения в регулировании корпоративных отношений // МНИЖ. 2017. № 6-1 (60). С. 71-73.
11. *Татарина Е.П., Миннуллина К.А.* Эволюция института корпоративного договора в российском праве: новые модели // Современные проблемы государства и права: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), Новосибирск, 10 декабря 2020 года / Под редакцией Р.А. Прошалагыгина. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2020. С. 499-503.
12. *Андреев В.К., Лантев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017. – 352 с.
13. *Оборов А.С.* О правовой сущности корпоративного контроля // Право и экономика. – 2020. -№ 10. – С. 62-67.
14. *Гутников О.В.* К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2017. – № 3 (243). – С. 54-64.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj tekst Konstitucii RF s vnesennymi popravkami ot 14.03.2020 opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 28.03.2022.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 09.03.2021) // "Rossijskaya gazeta", № 238-239, 08.12.1994.
3. Federal'nyj zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ (red. ot 31.07.2020, s izm. ot 24.02.2021) «Ob akcionernyh obshchestvah» // «Rossijskaya gazeta», № 248, 29.12.1995.
4. Federal'nyj zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ (red. ot 31.07.2020, s izm. ot 24.02.2021) «Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu» // «Rossijskaya gazeta», № 30, 17.02.1998.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019, s izm. ot 28.04.2020) // SPK «Konsul'tantPlyus». - [Elektronnyj resurs]: <http://www.consultant.ru>.
6. *Pahomova N.N.* Osnovy teorii korporativnyh otnoshenij (pravovoj aspekt). - Ekaterinburg: Nalogi i finansovoe pravo, 2019. – 113 s.
7. *Majstrenko G.A., Majstrenko A.G.* Pravovaya priroda korporativnyh otnoshenij // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2020. – № 1. – S. 91-94.
8. *Minnullina K.A., Tatarinova E.P.* Kvizikorporativnyj dogovor kak ekstraordinarnyj sposob zashchity prav kreditorov // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2021. № 6 (237). S. 74-79.
9. *Zhukovskaya M.A.* Obychaj kak istochnik grazhdanskogo prava / M.A. Zhukovskaya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2019. № 5 (130). S. 116-119.
10. *Cukanova E.Yu., Berestnev R.E.* Rol' obychnykh i delovogo obyknoveniya v regulirovanii korporativnyh otnoshenij // MNIZH. 2017. № 6-1 (60). S. 71-73.
11. *Tatarinova E.P., Minnullina K.A.* Evolyuciya instituta korporativnogo dogovora v rossijskom prave: novye modeli // Sovremennye problemy gosudarstva i prava: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 65-letiyu Sibirskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii (SibUPK), Novosibirsk, 10 dekabrya 2020 goda / Pod redakciej R.A. Proshchalygina. Novosibirsk: Sibirskij universitet potrebitel'skoj kooperacii, 2020. S. 499-503.
12. *Andreev V.K., Laptev V.A.* Korporativnoe pravo sovremennoj Rossii: monografiya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2017. – 352 s.
13. *Oborov A.S.* O pravovoj sushchnosti korporativnogo kontrolya // Pravo i ekonomika. – 2020. – № 10. – S. 62-67.
14. *Gutnikov O.V.* K voprosu o pravovoj prirode sub'ektivnogo korporativnogo prava / O.V. Gutnikov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 3 (243). – S. 54-64

Пасько Никита Эдуардович,

начальник отделения дознания дисциплинарной и административной практики Военной комендатуры, ЗАТО Видяево, Мурманская область, слушатель Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, paskonicita@yandex.ru

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Военная полиция на уровне федерального законодательства, в частности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, является компетентным органом уголовно-процессуальной деятельности, но не может осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Единственным путем разрешения этой коллизии может стать внесение подразделений военной полиции в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, посредством внесения соответствующих изменений в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», однако, даже в таком случае два этих направления деятельности должны осуществляться различными подразделениями, поскольку в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, лицо осуществлявшее оперативно-розыскные мероприятия, не может осуществлять уголовно-процессуальное производство по тому же факту.

Ключевые слова: военная полиция, уголовно-процессуальная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, розыск военнослужащих, правоохранительные органы, Вооруженные силы Российской Федерации.

Nikita E. Pasko,

Head of the Department of Inquiry of Disciplinary and Administrative Practice Military Commandant's Office, Vidyaev, Murmansk region, student of the Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, paskonicita@yandex.ru

LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TERRITORIAL BODIES OF MILITARY POLICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The military police at the level of federal legislation, in particular the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is the competent body of criminal procedural activity, but cannot carry out operational investigative activities. The only way to resolve this conflict may be to include military police bodies in the number of bodies carrying out operational investigative activities by making appropriate amendments to the Federal Law "On Operational Investigative Activities", however, even in this case, these two areas of activity should be carried out by different units, since in accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the person who carried out operational investigative activities - investigative measures, cannot carry out criminal procedural proceedings on the same fact.

Keywords: Military police, criminal procedural activities, operational investigative activities, search for military personnel, law enforcement agencies.

Создание органов дознания военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации обусловило необходимость нормативного регламентирования их служебной деятельности. Основными нормативно-правовыми актами, осуществляющими такую регламентацию, являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, вве-

денная в действие в Вооруженных Силах Российской Федерации приказом Министра обороны Российской Федерации № 50 от 31 января 2015 года [1].

Реализация норм вышеуказанных актов влечет за собой создание и наработку правоприменительной практики территориальных органов военной полиции в уголовном процессе. В общем данная практика соответствует аналогичной у других правоохранительных органов Российской Федерации, однако, учитывая особенности служебной деятельности, име-

ет свою специфику, в частности, выражающуюся в наличии ряда коллизий, которые до настоящего момента не разрешены и требуют к себе внимания. К таким коллизиям относятся:

Коллизия № 1. Отсутствие единого нормативного правового акта, регламентирующего порядок учета и рассмотрения сообщений о преступлениях.

Для ведомств, где наличествуют органы, осуществляющие уголовно-процессуальное производство в ординарном порядке, данная коллизия отсутствует, поскольку правоотношения, складывающиеся в этой области, урегулированы совместным приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» [2], который обеспечивает функционирование государственной системы учета преступлений, единообразие и полноту отражения в формах государственного статистического наблюдения сведений о состоянии преступности, а также реализацию единых принципов государственной регистрации и учета преступлений. Ярким примером коллизий, возникающих в виду отсутствия подобного единого нормативного правового акта, регламентирующего порядок учета и рассмотрения сообщений о преступлениях, являются ситуации, когда в ходе одного уголовно-процессуального производства наличествуют несколько сообщений о преступлениях, как в случаях, когда дознавателем военной полиции составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, а позднее лицом, в чьих действиях признаки преступления были усмотрены, приносится в орган военной полиции явка с повинной. Согласно вышеуказанному единому приказу, данная ситуация разрешается в штатном порядке, путем присоединения более нового сообщения о преступлении к более раннему, поскольку оба они относятся к одному событию, времени, месту и лицу, а сами производства, таким образом, объединяются в одно. Однако, в правоприменительной практике территориальных органов военной полиции однозначного механизма по этой коллизии не выработано, а УПК РФ [3] и Инструкция данный вопрос четко не регламентирует.

Данная коллизия также имеет существенное значение в ключе создания единого подхода при ведении статистической документации, в том числе, в части того, за кем будет числиться выявленное преступление или кем разыскано лицо, в чьих действиях (бездействии) наличествуют признаки преступления.

В сложившейся ситуации видится необходимым разрешение данной коллизии либо путем присоединения Министерства обороны Российской Федерации к вышеуказанному совместному приказу, либо

издание во взаимодействии с Генеральной прокуратурой Российской Федерации соответствующего нормативно-правового акта непосредственно для Вооруженных Сил Российской Федерации [4].

Коллизия № 2. Невозможность принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела территориальными органами военной полиции (их уполномоченными должностными лицами) [5] по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Сложившаяся к настоящему моменту правоприменительная практика, коррелирующая с позицией надзорных органов, показывает, что территориальные органы военной полиции (их уполномоченные должностные лица) не вправе принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за отсутствием состава преступления в действиях (бездействии) лица. Данное обстоятельство по сути является следствием отсутствия у органов дознания военной полиции собственной посредственности, а также компромиссом, позволяющим в такой ситуации дать возможность органам дознания военной полиции (и Вооруженным Силам Российской Федерации в целом) [6] выносить процессуальные решения по существу, исключив практику передачи всех поступающих сообщений о преступлениях для принятия процессуального решения в военные следственные органы, из-за чего будет значительно увеличена нагрузка на них. Тем не менее, такая ситуация порождает коллизию, наглядным примером которой является ситуация, когда в территориальный орган военной полиции обращается лицо с заявлением о преступлении. Во-первых, с точки зрения юриспруденции, по общему правилу, если предметом процессуального разрешения становятся действия конкретного лица, то решение должно приниматься по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в то время как решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием самого события, которое в действительности могло иметь место, выглядит искусственно, и не распространено за пределами юрисдикции органов военной юстиции. Во-вторых, если по итогам рассмотрения данного сообщения о преступлении будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то в соответствии с ч. 2 ст. 148 УПК РФ, в отношении заявителя должно быть принято решение об ответственности за заведомо ложный донос, то есть по ч. 1 ст. 306 УК РФ, однако, такое решение не может быть принято по п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но только по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть по тем основаниям, по которым должностные лица территориальных органов военной полиции решения принимать не вправе. В действительности, такая коллизия означает, что все решения по сообщениям о преступлениях, где наличествует заявитель, не могут быть разрешены органами дознания воен-

ной полиции, а должны передаваться в военные следственные органы [7].

Данная коллизия может быть разрешена либо путем наделения органов военной полиции собственной подследственностью, либо допущению со стороны надзорных органов возможности разрешения органами дознания военной полиции принятия решения на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в отдельных оговоренных случаях, исходя из сложившихся обстоятельств правоприменительной практики.

Коллизия № 3. Смещение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в правоприменительной практике территориальных органов военной полиции.

Стремление к повышению эффективности служебной деятельности территориальных органов военной полиции [8], порой приводит к тому, что органы военной полиции пытаются реализовать те задачи и полномочия, которые относятся к исключительной компетенции иных государственных органов. Примером такой ситуации может явиться то, что выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших, в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [9], являются прямыми и непосредственными задачами оперативно-розыскной деятельности, а реализация таковых, в соответствии со ст. 1 указанного Федерального закона, допускается только теми органами, которые уполномочены на то ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к перечню которых органы военной полиции не отнесены. Кроме того, для реализации таковых задач компетентные органы имеют соответствующий правовой инструментарий, в том числе набор оперативно-розыскных мероприятий, правом проведения которых наделены лишь данные уполномоченные органы. Органы военной полиции зачастую вразрез с положениями федерального законодательства, на основе ведомственных нормативно-правовых актов, осуществляют по сути оперативно-розыскные мероприятия, приведенные в ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», такие как опрос, наведение справок, отождествление личности, наблюдение.

Уголовно-процессуальная деятельность – это система действий всех участников уголовного процесса в досудебном и судебном производстве пред-

усмотренная уголовно-процессуальным законом и направленная на установление истины по уголовным делам, а также выполнение задач уголовного судопроизводства. Оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Таким образом, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность различным по своим основаниям, целям, задачам и кругу субъектов. Военная полиция на уровне федерального законодательства, в частности УПК РФ, является компетентным органом уголовно-процессуальной деятельности, но не может осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Единственным путем разрешения этой коллизии может стать внесение подразделений военной полиции в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, посредством внесения соответствующих изменений в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», однако, даже в таком случае два этих направления деятельности должны осуществляться различными подразделениями, поскольку в соответствии с УПК РФ, лицо осуществлявшее оперативно-розыскные мероприятия, не может осуществлять уголовно-процессуальное производство по тому же факту.

Анализ сложившейся правоприменительной практики приводит к выводу о том, что в целом в территориальных органах военной полиции она осуществляется и формируется должным образом, позволяя адекватно и своевременно субъектам уголовно-процессуальной деятельности реагировать на возникающие вызовы при реализации стоящих перед ними задач. Тем не менее, подобная практика вскрывает ряд коллизий, которые носят системный характер, в первую очередь это касается необходимости своевременного совершенствования нормативно-правовой базы [9], в том числе в части связанной с уголовно-процессуальной деятельностью территориальных органов военной полиции. В этой связи, эффективными мерами достижения заявленной цели – совершенствования правоприменительной практики [10], а также устранения приведенных выше коллизий, является внесение соответствующих изменений в нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность органов военной полиции.

Список литературы

1. Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, введенная в действие в Вооруженных Силах Российской Федерации приказом Министра обороны Российской Федерации № 50 от 31 января 2015 года.
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (174-ФЗ).
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» от 23 октября 2014 года № 150.
5. Устав военной полиции Вооружённых Сил РФ, утверждённый Указом Президента РФ от 25.03.2016 № 161.
6. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.02.2021) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»).
7. Приказ Следственного комитета РФ «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета РФ» от 15 января 2011 года № 4.
8. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ.
9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ.
10. Конституция РФ Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.
11. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ.

References

1. Instruction on the procedural activities of the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies, put into effect in the Armed Forces of the Russian Federation by Order of the Minister of Defense of the Russian Federation № 50 of January 31, 2015.
2. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the FSB of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 "On unified accounting of crimes".
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 (174-FZ).
4. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation "On approval of the Instruction on the Procedural activities of the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies" dated October 23, 2014 № 150.
5. The Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 25.03.2016 № 161.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.11.2007 № 1495 (ed. dated 01.02.2021) "On approval of the general military Charters of the Armed Forces of the Russian Federation" (together with the "Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation", "Disciplinary Charter of the Armed Forces of the Russian Federation", "Charter of the garrison and guard services of the Armed Forces of the Russian Federation").
7. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation "On establishing the jurisdiction of specialized investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation" dated January 15, 2011 № 4.
8. Federal Law № 76-FZ of May 27, 1998 "On the Status of Military Personnel".
9. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational Investigative Activities".
10. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993.
11. Federal Law № 53-FZ of March 28, 1998 "On Military Duty and Military Service".

Петрова Роза Есеновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры КБ-12 Правовое обеспечение национальной безопасности,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
Petrova_r_e@mail.ru

Проценко Виолетта Вячеславовна,

студент Института кибербезопасности и цифровых технологий,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
protsenkoviолетта@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Рассматриваются особенности внедрения электронных технологий в некоторые сферы правовой реальности, в частности, в трудовые правоотношения. Особое внимание уделяется такому правовому явлению как смарт-контракты, электронная цифровая подпись, электронная трудовая книжка, цифровизация судопроизводства и другие. Авторы исследуют вопросы минимизации вреда от применения роботизированных систем и перспективы регулирования данной сферы.

Ключевые слова: информационное общество, цифровизация, электронные технологии, искусственный интеллект, труд, электронная цифровая подпись, смарт-контракт, электронные трудовые книжки, цифровизация судопроизводства, законодательство, блокчейн.

Rosa E. Petrova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Legal maintenance of national security,
MIREA – Russian Technological University (RTU-MIREA), Moscow,
Petrova_r_e@mail.ru

Violetta V. Protsenko,

Student of Institute Cybersecurity and Digital Technology,
MIREA – Russian Technological University (RTU-MIREA), Moscow,
protsenkoviолетта@mail.ru

DIGITALIZATION OF HUMAN ACTIVITY: LEGAL REALITY, PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. in the article, the authors consider the features of the introduction of electronic technologies in some areas of legal reality, and in particular in labor relations. Special attention is paid to such legal phenomena as smart contracts, electronic digital signature, electronic employment record, digitalization of legal proceedings, and others. The authors explore the issues of minimizing the harm from the use of robotic systems and the prospects for regulating this area.

Keywords: information society, digitalization, electronic technologies, artificial intelligence, labor, electronic digital signature, smart contract, electronic workbooks, digitalization of legal proceedings, legislation, blockchain.

«Информационное общество – общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан». Данное определение закреплено в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». Ни для кого не секрет, что сегодня цифровизация захватила все сферы общественной жизни. Роботы и автоматизированные технологии

все чаще применяются в сфере бытового обслуживания населения, а также заменяют человека на некоторых видах высококвалифицированного труда [1, с. 197].

Ввиду того, что цифровизация проникает в отношения, уже урегулированные правом, задача, следовательно, состоит в его переустройстве таким образом, чтобы цифровизация оказывала благоприятный эффект на развитие отношений и не допускала нарушения уже установленных прав и свобод человека и гражданина. Это происходит сейчас и будет

продолжаться в дальнейшем посредством принятия нормативных правовых актов, регулирующих цифровой аспект в рамках того или иного правоотношения.

Открывая перед экономическим и социальным элементом общественных отношений новые горизонты, информационные технологии одновременно сопровождаются серьезными вызовами и существенными угрозами, переломами в традиционных общественных структурах и институтах.

Право, как ключевой механизм общественного регулирования, не может оставаться в связи с этим в стороне. С формированием новой цифровой реальности и нового цифрового пространства создаются предпосылки для цифровизации самого права как регулятора цифровых общественных отношений. В 2018 году председатель Конституционного суда Российской Федерации Зорькин В.Д. отметил, что современное право находится на этапе модификации его в «право второго модерна», которое должно соответствовать современным развивающимся информационным технологиям [2]. В этой связи государство не может и не должно «закрывать глаза» на огромную роль информационных технологий в нашем государстве и обществе. Государство должно идти в ногу с развитием инноваций, право должно опережать развитие информационных технологий.

Появление новых экономических и правовых явлений, таких как «электронная сделка», «электронная цифровая подпись», «электронный документ», «электронная коммерция», свидетельствует об изменении самого типа общественного мышления [3, с. 59]. Развитие сети Интернет вносит много нового в отношения между субъектами, которые пользуются ею. Теперь появилась возможность за считанные секунды заключить договор с контрагентом из другого города или страны. Одним из таких примеров можно выделить приобретающие в последние годы невероятную актуальность вопросы правового регулирования гражданско-правовых отношений связанных с информационными технологиями. Примером таких отношений является одно из новых в наших российских реалиях понятие «смарт-контракт» или «умный контракт». Это достаточно новый и технологически сложный вид контрактов. На сегодняшний день нет единого подхода в определении данного понятия. В зарубежной правовой литературе смарт-контракт определяется как «соглашение между двумя или более сторонами, закодированное таким образом, что его правильное выполнение гарантируется блокчейном» [4, с. 129].

Можно выделить следующие положительные аспекты смарт-контрактов:

- исключение фальсификации (гарантии выполнения условий всеми сторонами договора);
- заключение с использованием электронных цифровых подписей сторон;

• анонимность всех сторон договора, при этом публичность договора благодаря технологии блокчейн;

• отсутствие посредников (относительная независимость сторон);

• уверенность в оправданности и надежности контракта;

• нахождение смарт-контракта в распределенном (между сторонами сделки) реестре в зашифрованном виде;

• невозможность изменения сторонами по своему усмотрению условий смарт-контракта.

Однако стоит отметить, что такое явление, как смарт-контракт имеет и свои минусы. «Умный контракт» является программным продуктом, что представляет сложности в его реализации, так как таковая возможна только специалистами в области техники. Количество юристов, которые бы самостоятельно смогли перевести сложные юридические соглашения в форму смарт-контракта, на сегодня критически мало.

Такой контракт пользуется популярностью в гражданско-правовых отношениях, однако крупные компании внедряют такой подход уже и в трудовые отношения.

Упомянутая электронная цифровая подпись является также новым экономическим и правовым явлением. Признание юридической силы электронных документов наравне с документами, зафиксированными на бумаге, стало возможным вследствие внедрения электронной цифровой подписи. Приобретая все большую популярность, она со временем вошла и в повседневную жизнь современного человека [5, с. 39].

На наш взгляд, можно выделить следующие преимущества электронной цифровой подписи:

• надежность: невозможность подделки электронной цифровой подписи;

• экономия времени: подача документов и заключение сделок в удаленном режиме. Электронная цифровая подпись позволяет в считанные минуты доставить документы адресату и признать их юридически значимыми;

• доступ к электронным торгам: присутствие электронной подписи – обязательное условие участия в торгах.

Однако Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ имеет некоторые недостатки, которые не дают широко применять электронную цифровую подпись в нашем государстве [6, с. 286].

Например, согласно ч.2 ст. 11 Закона № 63-ФЗ «квалифицированный сертификат действителен на момент подписания электронного документа (при наличии достоверной информации о моменте подписания электронного документа) или на день проверки действительности указанного сертификата,

если момент подписания электронного документа не определен».

Из данной формулировки, прописанной в Федеральном законе, мы можем сделать вывод о том, что электронная подпись будет считаться действительной только в том случае, если на момент подписания электронного документа она была действительной. Но даже самый непрофессиональный пользователь компьютера в случае необходимости может выкрасть электронную подпись на информационном носителе, изменить дату и время на своем устройстве, и сделать документ вновь действительным на момент действия электронной подписи, в случае ее блокировки владельцем.

Еще одним недостатком данного закона является доступность электронной цифровой подписи должностного лица. В качестве примера лиц, которые могут получить доступ к электронной цифровой подписи должностного лица, можно привести: аудиторов, сотрудников органов государственного контроля (надзора), системных инженеров, сотрудников органов правопорядка закона и иных лиц.

К сожалению, в данном законе существуют пробелы, которые никак не охватывают данную ситуацию. Работник, использующий свою электронную подпись, может не подозревать о том, что она могла быть украдена. Количество лиц, имеющих доступ к электронной подписи, практически не поддается ограничению и не зависит от воли владельца подписи.

Также, исходя из текста действующего законодательства, мы можем сделать вывод о том, что удостоверяющие центры не имеют механизмов оповещения своих клиентов о выпуске электронной подписи, как это делается, например, при готовности банковской карты или совершении незаконных действий при утере или краже карты с помощью смс-оповещений. Это означает, что злоумышленники, владеющие достаточной информацией о человеке, могут обратиться в удостоверяющий центр с целью выпуска электронной подписи для своих целей. Гражданин не будет оповещен о том, что на его имя была выпущена электронная подпись, а тем временем, мошенники смогут использовать ее в своих корыстных целях.

Данная формулировка не позволяет устранить выпуск и использование чужой электронной подписи. От данных действий страдают обычные граждане, которые никогда в жизни не выпускали электронную цифровую подпись.

Сегодня мы можем упомянуть еще один вид электронного документа, который стал новеллой для российских трудовых отношений: переход на электронные трудовые книжки.

Такой переход не стал внезапной новостью для субъектов трудовых отношений, поскольку идея о переходе возникла довольно давно. Сегодня во мно-

гих зарубежных странах бумажная трудовая книжка является устаревшей формой данного документа [7, с. 50]. Переход на электронные базы данных был осуществлен достаточно давно и полностью выполняет свой функционал. Изучив практику иностранных государств, Россия примкнула к ряду государств с электронными трудовыми книжками в начале 2020 года. Конечно, на сегодняшний день мы не отказались полностью от бумажного носителя, так как некоторые граждане, подавшие заявление до 31.12.2020 года сохранили право на бумажную трудовую книжку, но такое право не исключает ведения и электронной трудовой книжки.

Цифровые технологии внедряются повсеместно, что не обошло стороной и судебный процесс. В рамках цифровизации в судебных разбирательствах стали использоваться электронные доказательства. Доктринальные попытки определения «цифровых доказательств» предпринимались неоднократно, но нормативного закрепления понятие «электронные доказательства» так и не получило.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ содержит в себе дефиницию электронного документа как «зафиксированная на электронном носителе информация, предназначенная для передачи или обработки в информационных сетях». Данное определение хоть и не отражает всей сути понятия «электронных доказательств», но, на наш взгляд, является наиболее приближенным к нему.

Признаками «электронного документа» являются:

- форма закрепления информации, которая значительно отличается от письменного доказательства;
- сведения могут отражаться не только на бумаге, но и на технических устройствах;
- информация, содержащаяся в электронных доказательствах, может быть очень легко и бесследно уничтожена;
- компьютерная информация обезличена;
- в отличие от письменного документа электронное доказательство может быть использовано многократно [8, с. 6].

Практическое применение и активное внедрение технологий в судебный процесс, в частности, в области применения электронных доказательств, во многом опережает законодательное регулирование данного вопроса. Это создает множество проблем в сфере реализации данного права, а также оставляет открытым вопросы, связанные с допустимостью таких доказательств. Сегодня также предоставлена возможность использования алгоритмов, которые на основе огромного количества судебных решений обрабатывают данные всех доступных дел по трудовым спорам, а также нормативных правовых актов и доку-

ментальных наработок практикующих юристов – на основе таких данных создаются различные чат-боты, которые предоставляют юридические консультации онлайн.

О том, насколько скоро искусственный интеллект способен оказать влияние на модификацию права на труд каждого гражданина, в научных кругах ведутся оживленные дискуссии. Но все же факт того, что такое влияние неминуемо, неоспорим.

Применение искусственного интеллекта является еще одним явлением цифровизации. На наш взгляд, его применение могло бы массово внедряться в деятельность, которая является опасной/вредной для человека. Тогда применение искусственного интеллекта становится безусловным благом для социума.

Работа человека может быть автоматизирована в какой-то части для облегчения осуществления повседневной трудовой деятельности. Но ни в коем случае законодатели передовых государств не должны допустить того, что интеллектуальная деятельность человека была полностью и повсеместно заменена искусственным интеллектом. Деятельность человека и искусственного интеллекта должна быть взаимодополняемой, а не взаимозамещаемой в тех сферах, где требуется творческий, интеллектуальный подход.

В самом начале своего развития искусственный интеллект сферой своего применения имел замену физического труда человека. В эпоху стремительной цифровизации человеческой деятельности искусственный интеллект призван заменить и интеллектуальный труд людей. Таким образом, расширение возможностей систем искусственного интеллекта, влечет и расширение перечня профессий, в которых он способен прийти на замену человеку. И чем больше оказывается данный перечень, тем больше ставится под угрозу право каждого человека на труд. Замена человека системами искусственного интеллекта во всех сферах трудовой деятельности может привести к формированию позиции человека в производственной деятельности как «обслуживающего звена», что ставит под угрозу фундаментальную сущность и роль человека в мировом сообществе.

2015 год стал событием не только для Китая, но и для всего мира. Компания Changying Precision Technology Company открыла первый полностью роботизированный завод в Китае. Данное явление дает понять, что процесс цифровизации уже глубоко проник в различные сферы. И конечно же это ставит под угрозу труд работников. Если в будущем такие заводы обретут популярность, то мы можем столкнуться с ростом безработицы вследствие замены человеческого труда на роботизированный.

Непрерывно появляются вопросы по поводу законодательного регулирования действий искус-

ственного интеллекта и защиты основных прав человека и гражданина.

Во-первых, вызывает широкое беспокойство вопрос прозрачности принятия решений роботами с искусственным интеллектом. Особенно остро эта проблема находит свое воплощение в так называемых самообучающихся системах, где руководство человеком системой может быть фактически только внешнее.

Во-вторых, обеспечение конфиденциальности персональных данных граждан – вопрос также немаловажный при регулировании деятельности систем искусственного интеллекта. Здесь от законодателя потребуется соблюдение паритета, поскольку излишне сильная конфиденциальность может способствовать сведению эффективности и полезности применения искусственного интеллекта фактически к нулевому показателю.

В-третьих, вопрос защиты прав человека в контексте регулирования искусственного интеллекта также не должен оставаться незамеченным. В особенности, это касается таких личных прав граждан как неприкосновенность частной жизни, гарантия сохранения различного рода тайны (усыновления, семейной, личной и так далее). Не обходит стороной данный вопрос юридические лица и публичные образования. Использование искусственного интеллекта должно быть построено на недопущении нарушения режима коммерческой тайны на предприятиях, государственной, военной и других тайн.

Очень важным является сохранение приоритета человека над системой искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта должно быть сопряжено с гарантией постоянного контроля человека над функционированием системы искусственного интеллекта.

Нормативно-правовое регулирование в нашем государстве на современном этапе его развития находится еще в начальной стадии, когда только произошло осмысление необходимости и целесообразности законодательного урегулирования сферы применения цифровых технологий.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сегодня мы представляем цифровое общество, которое стремительно развивается в условиях повсеместной цифровизации. Современный этап развития общества находится в стадии четвертой промышленной революции, или, как ее заслуженно признали, «цифровой революции». Однако мы видим, что, к сожалению, законодательство не поспевает за таким развитием общества, в связи с чем в различных областях нормативного регулирования образуются большие пробелы, что не позволяют реализовывать некоторые явления цифровизации в полном объеме. Из проведенного исследования вид-

но, что многие аспекты, существующие не одно десятилетие, до сих пор никак не регламентированы в законе. На наш взгляд, первым шагом к устранению

описанных пробелов было бы нормативное закрепление базовых определений в различных нормативно-правовых актах.

Список литературы

1. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. – С. 197.
2. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. // Российская газета. Столичный выпуск № 7578 от 29.05.2018.
3. Панасенко С.В. Анализ терминологии в сфере электронной торговли // Теория, практика, инновации. 2020. – С. 59.
4. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Smart-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118– 147.
5. Толстов И.В. Электронная цифровая подпись как неотъемлемая часть функционирования электронного Государства (Сравнительно-Правовой Анализ) // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция. № 2 (19). 2013. – С. 39.
6. Черкасова М.В. Перспективы Использования Электронной Цифровой подписи // Труды Молодых Ученых Алтайского Государственного Университета, 2011, № 8. – С. 286-287.
7. Куничкин А.М., Хайрулина Л.Р. Регулирование трудовых отношений в условиях цифровизации общества // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. 2020. – С. 49-52.
8. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. кан. юридических наук: 12.00.15 – Гражданский процесс, арбитражный процесс. – Екб., 2005. – 21 с.

References

1. Zaloilo M.V., Pashencev D.A. Nacional'nyj pravoporyadok Rossii v usloviyah cifrovizacii // Vestnik SPbGU. Pravo. 2019. T. 10. Vyp. 2. – S. 197.
2. Zor'kin V.D. Pravo v cifrovom mire. Razmyshlenie na polyah Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma. // Rossijskaya gazeta. Stolichnyj vypusk № 7578 ot 29.05.2018.
3. Panasenko S.V. Analiz terminologii v sfere elektronnoj trgovli // Teoriya, praktika, innovacii. 2020. – S. 59.
4. Truncevskij Yu.V., Seval'nev V.V. Smart-kontrakt: ot opredeleniya k opredelennosti // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2020. № 1. S. 118– 147.
5. Tolstov I.V. Elektronnaya cifrovaya podpis' kak neotemlemaya chast' funkcionirovaniya elektronnoho Gosudarstva (Sravnitel'no-Pravovoj Analiz) // Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: yurisprudenciya. № 2 (19). 2013. – S. 39.
6. Cherkasova M.V. Perspektivy Ispol'zovaniya Elektronnoj Cifrovoj podpisi // Trudy Molodyh Uchenyh Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2011, № 8. – S. 286-287.
7. Kunichkin A.M., Hajrulina L.R. Regulirovanie trudovyh otnoshenij v usloviyah cifrovizacii obshchestva // Potencial rossijskoj ekonomiki i innovacionnye puti ego realizacii. 2020. – S. 49-52.
8. Gorelov M.V. Elektronnye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossii: Voprosy teorii i praktiki: Avtoref. dis. kan. yuridicheskikh nauk: 12.00.15 – Grazhdanskij process, arbitrazhnyj process. – Ekb., 2005. – 21 s.

Румянцев Михаил Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, Москва, доцент департамента Юриспруденции, Московский институт современного академического образования, Москва, mikrumjancev@rambler.ru

НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК ЭТАП ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассмотрено нормотворчество как этап правотворческой деятельности. Ряд авторов отождествляет нормотворчество и правотворчество, что неверно. В юридической науке по-прежнему актуален вопрос о сущности правотворчества, его функциях и отграничении от смежных терминов. Главное отличие правотворчества от нормотворчества заключается в том, что в ходе нормотворчества создаются нормы права, а правотворческая деятельность формирует режим функционирования общественных отношений в соответствии с целями и задачами, установленными государством. Следует подчеркнуть, что регулирование общественных отношений возможно и неправовыми нормами (традициями, обычаями). Следовательно, нормотворческий процесс имеет свои функции и пределы деятельности, тесно увязанные с задачами правового регулирования общественных отношений. Правотворчество, как регулятор общественных отношений, выходит далеко за рамки нормотворческой функции. Конечным результатом нормотворческой деятельности является выработка проекта соответствующего правового документа, пригодного для его принятия в качестве официального источника права в соответствующих процедурах.

Ключевые слова: правотворчество, нормотворчество, сущность, функция, норма права, общественные отношения, традиция, обычай, процесс, регулятор, источник права.

Mikhail B. Rumyantsev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of business career, Moscow, Associate Professor at the Department of Jurisprudence, Moscow Institute of Modern Academic Education, Moscow, mikrumjancev@rambler.ru

RULEMAKING AS A STAGE OF LAW-MAKING ACTIVITY

Abstract. There is a rule-making considered as a law-making stage in the paper. A range of authors identifies the rule-making as the law-making by itself. It is wrong. An issue about law-making nature, functions and delimitation between law-making and other neighboring terms remains actual in the legal science. The main difference between law-making and rule-making is that rule-making creates the legal norms while the law-making forms a regime for public relationships functioning in accordance to the targets and objectives posed by state. The public relationships regulation carried out via the norms other than legal (by traditions, rites etc) is necessary to be highlighted. Therefore, the rule-making process has its own functions and activity limits strictly related to the public regulation. The law-making as public regulator is far beyond the scope of rule-making. The final result of rule-making is the law plan suitable to be adopted as official source of law during usable procedures.

Keywords: law-making, rule-making, nature, function, legal norm, public relationships, tradition, habit, process, regulator, source of law.

Вторым этапом правотворческой деятельности является нормотворчество, то есть непосредственная выработка правовых предписаний по регулированию проблемных общественных отношений.

В юридической литературе нормотворчество трактуют по-разному. Например, так: «Нормотворчество – это, прежде всего, определённая форма государственной деятельности, направленная на создание, дополнение и отмену норм права, хотя нормот-

ворческие функции осуществляют органы местного самоуправления, а также различные учреждения и организации. Тем не менее главной функцией нормотворчества является создание нормативных актов» [7]. Ю.Г. Арзамасов правотворчество и нормотворчество рассматривает как тождественные понятия. При этом данный ученый подразделяет нормотворческий процесс на следующие виды: 1) законотворческий; 2) нормотворческий процесс высших органов исполнитель-

ной власти, результатом которого являются нормативные указы Президента, постановления и другие нормативные акты Правительства; 3) ведомственный нормотворческий процесс; 4) нормотворческий процесс органов государственной власти субъектов Федерации; 5) локальный нормотворческий процесс, который в свою очередь подразделяется на нормотворческий процесс местных органов власти и корпоративный нормотворческий процесс [1].

Следует признать, что многие ученые рассматривают правотворчество как нормотворчество в целом либо как ведомственное нормотворчество. К числу таких авторов относятся А.П. Коренев [5], Н.Ю. Хаманеева [14], Н.Н. Карташов [2], Н.М. Конин [4] и многие другие. Например, Н.М. Конин считает, что нормотворчество – это синоним правотворчества, «форма управления – это действия, которые проявляются в том, что предписывают субъектам права правила, нормативы, регламенты, которые рассматриваются и утверждаются в установленном порядке соответствующими звеньями государственного аппарата, вследствие чего они становятся правовыми нормами, правилами, требованиями» [4].

Здесь мы видим, что правотворчество рассматривается как нормотворчество, тем самым автор не учитывает комплексный характер правотворческой деятельности, которой присуща не только нормотворческая, но и регулятивная функция. Имеется и более путаная позиция относительно понимания сущности нормотворчества. Так, Ю.Е. Ширяев указывает, что «правотворчество подразделяется на законотворчество и нормотворчество», однако «содержательно нормотворчество должно охватывать законотворчество» [15].

Все это свидетельствует о том, что в юридической науке по-прежнему актуален вопрос о сущности правотворчества, его функциях и отличии от смежных понятий. Указанные авторы понимают правотворчество как способ образования правовых норм. Однако, как мы установили, правотворчество – это метод правового регулирования общественных отношений путем закрепления порядка их функционирования нормами права. Нормообразование не представляет собой произвольный, вне правового регулирования, процесс создания правовых норм, а есть результат возникшей по объективным причинам потребности этих отношений в их переводе на нормативный порядок действия. В результате нормотворчества образуются нормы права, а правотворческая деятельность формирует режим функционирования общественных отношений в соответствии с целями и задачами, установленными государством. При этом нормотворчество невозможно представить вне правового регулирования (то есть правотворческого процесса), тогда как регулирование общественных

отношений возможно и другими способами (используя нормы обычаев, традиций, морали и др.). Отсюда понятно, что нормотворчество является средством, с помощью которого государство устанавливает нужный ему режим функционирования общественных отношений. Очевидно, что средство не может быть тождественно процессу (в данном случае правотворчеству), в котором оно играет, хоть и важную, но все же не самостоятельную, а лишь регулятивную роль. Правотворчество направлено на регулирование общественных отношений с момента возникновения и до их отмирания, осуществляя по мере необходимости образование норм права (нормотворчество), их корректировку в соответствии с развивающимися отношениями в ходе применения норм права (правоприменительный процесс), контролируя также эффективность правового регулирования действующими нормами права (правовой мониторинг), производит постоянную отбраковку норм, их дополнение и изменение (правосовершенствование). Все это показывает, что нормотворчество как процесс – лишь этап правотворческой деятельности, который, как и предыдущий, представляет собой законченную фазу в комплексе мероприятий правового регулирования общественных отношений.

Здесь мы рассмотрим нормотворчество именно как этап правотворчества, а не как процесс образования норм права.

Нормотворчество, как и этап потребности общественных отношений в нормативном закреплении, недостаточно урегулирован законодательством РФ. Так, Ю.А. Тихомиров, участвуя в обсуждении законопроекта «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», высказал замечание о том, что стадии правотворческого процесса в нем недостаточно закреплены. Мнение о том, что главной задачей правового регулирования, по мнению учёного, является принятие нормативного правового акта, это ошибочное представление, поскольку процесс правового регулирования является длящимся, воспроизводимым и распространяется на все стадии правотворчества [11]. Аналогичную точку зрения высказала и Л.В. Андриченко [11].

Нет сомнения, что нормотворческая деятельность, регламентированная законом, резко повысит качество создаваемых норм права, обусловит эффективность правового регулирования общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности нашего государства. Как справедливо пишет С.В. Филатов: «В отсутствие установленного и строго регламентированного порядка правотворчества и его реализации в жизнь нельзя качественно создавать и совершенствовать нормативные правовые акты. Игнорирование сформировавшегося определённого порядка, последовательности стадий правотворчества незамедлительно скажется на его эффективности и законности

правотворческой деятельности» [13]. Однако данный автор правотворческий процесс разделяет на четыре стадии: 1) правотворческая инициатива; 2) обсуждение проекта нормативного правового акта; 3) принятие нормативного правового акта; 4) обнародование нормативного правового акта. Фактически все эти четыре стадии представляют, в нашем понимании, два этапа правотворчества: нормотворчество и придание проекту норм прав юридической силы. Такой подход не позволяет раскрыть сущность правотворчества и как способа правового регулирования общественных отношений, и как метода выработки и корректировки норм права с целью отражения в них постоянно меняющихся запросов этих отношений.

Нормотворческий процесс имеет свои функции и пределы деятельности, тесно увязанный с задачами правового регулирования общественных отношений. В функциональном аспекте нормотворчество осуществляет выработку норм права для регулирования конкретной группы общественных отношений. Здесь нормотворчество полностью обусловлено и ограничено требованиями (потребностями) общественных отношений. Если это условие не соблюдается при создании норм права, такие нормы нежизнеспособны и обречены на их отмену.

На этапе нормотворчества правотворческая деятельность определяется правомочиями субъекта правотворчества и не может выходить за эти пределы, иначе издаваемые им нормативные правовые акты будут признаваться как незаконные.

Здесь необходимо уточнить следующее. По мнению некоторых ученых понятие термина «нормотворчество» следует рассматривать в широком смысле, как «процесс создания и закрепления социальных (в том числе правовых) основ регулирования, правил поведения в обществе и государстве» [6]. В рамках такого подхода делается вывод, что правотворчество представляет собой «правовую составляющую нормотворчества». Но, как было нами установлено выше в данном исследовании, правотворчество по своему прямому назначению (как регулятор общественных отношений) выходит за рамки собственно нормотворческой функции (создание норм права для регулирования общественных отношений, как это подчеркивает М.А. Матвеева) и выполняет также функцию корректировки норм права в соответствии с потребностями изменяющихся (развивающихся) общественных отношений и функцию непрерывного совершенствования (дополнения, изменения, отмены) действующих норм права в соответствии с задачами правового регулирования. Таким образом, правотворчество с точки зрения своего функционального назначения, как регулятора общественных отношений, понятие более широкое, чем нормотворчество, которое даже при его широком истолковании не под-

разумевает корректировки норм права, регулирующих общественные отношения на протяжении всего периода их функционирования (с момента зарождения и до их отмирания).

Поэтому мы будем исходить из того, что нормотворчество – это обязательный этап правотворческой деятельности, связанный с выработкой нормы права, тем более, что и сама М.А. Матвеева на следующей странице своей диссертации признает, что «термин «правотворчество» по-прежнему более востребован в юриспруденции, как более точный и эвристически более надёжный» [6].

Однако, на самом деле правотворчество не может быть частью «более широкого общественного процесса – нормотворчества» [6] по той причине, что регулирование общественных отношений с помощью таких социальных норм, как обычай, традиция, мораль, ритуал и др. не связано с созданием новых норм, как это происходит в ходе правотворческого (и нормотворческого) процесса. Термин «нормотворчество» потому и получил в юридической науке признание, что он достаточно точно определяет характер деятельности субъекта правотворчества при выработке нужной нормы права для регулирования данных конкретных отношений. Когда субъект правотворчества регулирует эти отношения не на основе создания норм права, а с помощью других социальных норм, то тем самым будет создан механизм саморегулирования, и нормотворчество здесь отсутствует.

Нормотворчество как этап правотворческой деятельности также имеет присущие только ему функции, в итоге которых создается норма права для регулирования проблемных общественных отношений. Нормотворческая деятельность на данном этапе включает в себя следующие ее виды:

1. Познание сущности потребности общественных отношений в правовом регулировании, определение причин возникших проблем их функционирования, анализ действующего законодательства в исследуемой сфере отношений. Данная предпроектная деятельность должна основываться на полной и достоверной информации о предмете правового регулирования. В ходе осуществления такой деятельности, как правило, используются различные справки о федеральном и региональном законодательстве, экономические и иные расчеты, данные результатов социологических исследований, а также в обязательном порядке изучается информация об эффективности действия законов и других нормативных правовых актов, принятых по той же теме. Тексты действующих нормативных правовых актов должны анализироваться по контрольным экземплярам их официальных изданий, в которые внесены все последующие изменения и дополнения, осуществлённые уполномоченным на то органом или должностным лицом в

законном порядке. Учитывая то, что данная предпроектная деятельность слабо урегулирована законодательством, субъектам нормотворческой деятельности следует использовать научные рекомендации по ее осуществлению. Например, «Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов» [9], «Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов» [11], изданных в России. Предпроектная деятельность должна включать в себя: а) анализ собранной информации об объекте правового регулирования; б) анализ эффективности действующих нормативных правовых актов по предмету правового регулирования; в) анализ имеющихся предложений ученых по теме выработки нормативного (правового) регулирования данных общественных отношений; г) изучение практики реализации нормативных правовых актов в данной сфере общественных отношений (с учетом мнения судебных органов, постановлений Верховного Суда и Конституционного Суда РФ); д) оценку проанализированной информации и принятие решения о необходимости перевести данные отношения на режим их нормативного функционирования; е) определение способа регулирования общественных отношений и вида нормы права или нормативного правового акта.

2. Разработка проекта нормы права (нормативного правового акта) в соответствии с требованиями правил юридической техники. Порядок выработки нормативного правового акта в определённой степени урегулирован на региональном уровне [3]. Но следует учитывать, что разработка проекта нормы права (и тем более нормативного правового акта) в зависимости от его уровня (федеральный, региональный, муниципальный, локальный) имеет свои особенности, которые субъект нормотворчества должен отражать в правотворческом решении. В первую очередь необходимо правильно избрать вид будущего нормативного правового акта: закон или подзаконный акт. Закон регулирует наиболее важные и устойчивые отношения на федеральном или региональном уровне. Выработку законодательных норм осуществляют специально созданные правотворческие органы: Государственная Дума и Совет Федерации в масштабах всей страны и представительные органы субъекта Федерации – в пределах этих территориальных образований. Правотворческая деятельность указанных правотворческих органов протекает в рамках строго установленных законом процедур, отклонение от которых недопустимо. Законы издаются с целью нормативного закрепления общественных отношений на длительную перспективу, что способствует уверенному развитию всего спектра регулируемых отношений, особенно экономических, финансовых и социальных. Подзаконное нормотворчество тоже но-

сит многоуровневый характер, имеющий свою специфику, которую также необходимо строго соблюдать. Подзаконное нормотворчество необходимо для обеспечения применения закона. В подзаконных нормативных правовых актах осуществляется конкретизация предписаний закона, устанавливается порядок их реализации. Кроме того, имеется большое количество жизненных ситуаций, регулирование которых целесообразно передать на более низкий уровень в соответствии с компетенцией субъектов подзаконного правотворчества. Тем самым будет обеспечена разработка правил регулирования конкретной жизненной ситуации органом, который более квалифицированно может их выработать, так как обладает нужной компетенцией, и в более короткий срок, чем законодательный орган. Муниципальное и локальное нормотворчество – это самый нижний уровень правотворчества. Главной особенностью его является то обстоятельство, что при разработке проектов норм права данного уровня необходимо в обязательном порядке руководствоваться нормативными предписаниями как федерального и регионального, так и местного значения. Значение правового регулирования на этом уровне постоянно возрастает в связи с возрастанием роли саморегулирования нижнего, основного слоя общественных отношений. Это объясняется тем, что сфера общественных отношений, которая остается за пределами возможностей государственного регулирования, передана на самостоятельную ее регламентацию заинтересованных в ней субъектов. Но государство не выпустило из своего поля зрения данный процесс, сохранив за собой контроль за его ходом, имея возможность в случае необходимости оказать на него корректирующее воздействие. Отсюда понятно, что выработка проектов норм права на всех уровнях правотворчества имеет свои особенности, которые отражают цели правового регулирования и порядок их текстуально-формирования. Задачей органов правотворчества является устранение несоответствия принимаемых нормативных правовых актов объективным законам общественной жизни, параллелизма и дублирования правотворческой деятельности, несогласованности новых актов системе действующих нормативных правовых актов, стремлении урегулировать многие виды второстепенных отношений законами, воспроизведения одинаковых правовых принципов в различных отраслях права [10].

3. Организация общественного обсуждения проекта нормы права (нормативного правового акта) состоит в опубликовании его текста в печати, либо в привлечении заинтересованных организаций к его рецензированию, если речь идет о правовом документе, не вызывающем публичного интереса. Высказанные в результате обсуждения проекта замечания

и предложения обобщаются, оцениваются и, если они способствуют повышению качества проекта, реализуются путем доработки его текста.

4. Экспертиза подготовленного проекта нормы права (нормативного правового акта) является обязательной процедурой. Цель правовой экспертизы – оценка соответствия формы разработанного проекта правилам юридической техники, определение качества правового регулирования общественных отношений заявленным целям, выявление противоречий между нормами самого проекта, а также противоречий с нормами действующих нормативных правовых актов. Потребности проведения правовой экспертизы являются высокими, поскольку большой объем издаваемых нормативных правовых актов органов государственной власти (федеральных и региональных), а также органов местного самоуправления нуждается в различных видах экспертизы на всех уровнях правотворческой деятельности.

Этап нормотворческой деятельности завершается разработкой проекта нормы права (нормативного правового акта) и принятия решения в его передаче в правотворческий орган для закрепления в качестве официального действующего источника позитивного права.

Выводы.

1. Нормотворчество, как этап правотворческой деятельности, представляет собой законченную фазу разработки проекта нормы права (нормативного правового акта) для урегулирования действия проблемных общественных отношений. Конечным результатом нормотворческой деятельности является выработка проекта соответствующего правового документа, пригодного для его принятия в качестве официального источника права в соответствующих процедурах.

2. Существующая в юридической науке точка зрения о том, что правотворчество является составной частью нормотворчества является ошибочной, так как исходит из предположения наличия правового регулирования общественных отношений с помощью любых социальных норм (в том числе правовых). Но это не так. С помощью неправовых социальных

норм (обычаев, традиций, морали и др.) формируется процесс саморегуляции общественных отношений и только создаваемые нормы права (собственно в процессе нормотворчества) создают механизм правового регулирования, так как только эти нормы обеспечиваются принудительной силой государства.

3. отождествление правотворчества и нормотворчества тоже является ошибочным, поскольку оно базируется на оценке правовой сущности правотворчества только как метода выработки норм права (получается, что этот процесс равнозначен процессу нормообразования), тогда как главное назначение правотворчества – это регулирование общественных отношений путем перевода их функционирования на правовую основу. Правотворчество – это государственный способ придания общественным отношениям такой функциональной динамики, которая соответствует целям и задачам государственного управления обществом. Нормотворчество в такой системе государственного руководства обществом является только средством достижения поставленных целей. А средство, как известно, не может отождествляться с процессом, с помощью которого оно осуществляется.

4. Нормотворчество как этап правотворчества протекает в строго установленных рамках деятельности соответствующих субъектов: а) правообразование осуществляется исключительно в соответствии с потребностями общественных отношений в их урегулировании нормами права, иначе созданные нормы права обречены на их отмену. В этом отражается функциональная роль создаваемых норм права; б) субъекты правотворчества осуществляют образование норм права также исключительно в пределах установленных законом своих полномочий, иначе созданные ими нормы права будут признаны незаконными. Тем самым устанавливаются пределы правового регулирования; в) пределы выработки качества норм права и эффективности правового регулирования формируются в каждом конкретном случае под воздействием множества факторов как объективного, так и субъективного характера. Однако решающим из них является профессионализм субъекта правотворчества.

Список литературы

1. Арзамасов Ю.Г. Ведомственный нормотворческий процесс: структура, содержание, перспективы развития (часть 1) // Сводный реферативный сборник журнала «Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы». 2007. № 4-6. С. 14.
2. Карташов Н.Н. Технологии нормотворчества (на примере МВД России), дис. к.ю.н. М. 2004. С. 9,54.
3. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24.02.2009 № 25-03 / Режим доступа: Консультант Плюс. www.consultant.ru.
4. Конин Н.М. Административное право России. М. 2006, 447 с.
5. Корнев А.П. Административное право России. М. 2002. С. 140.
6. Матвеева М.А. Теория правотворчества: методологические и концептуальные аспекты. Дис...к.ю.н. М. 2017. С.115.

7. Нормография: теория и методология нормотворчества: научно-методическое пособие / Под ред. Ю.Г. Арзамасова. М. 2007.
8. Примерное положение о порядке подготовки проектов нормативных правовых актов, вносимых в городской Совет депутатов главой местного самоуправления (Белгород) // Консультант Плюс. www.consultant.ru.
9. Рахманина Т.Н., Баранов В.М., Тихомиров Ю.А., Сырых В.М. Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов / Под ред. В.М. Баранова. Сборник «Проблемы юридической техники». Нижний Новгород. 2000.
10. Рыбаков В.А. Правотворчество в переходный период развития права // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 654.
11. Современное правотворчество: новые возможности для общества и государства // Павлушкин П.А., Павловский А.С. // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 146.
12. Туранин В.Ю., Туранин Ю.П. Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов. Белгород. 2002, 261 с.
13. Филатов С.В. Правотворческий процесс: понятие, стадии, принципы // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 34-38.
14. Хаманеева Н.Ю. Административное право Российской Федерации / Под ред. Н.Ю. Хаманеевой. Гл. 10.
15. Ширяев Ю.Е. Современное понятие и сущность правотворчества и законодательства // Человеческий капитал. 2012. № 3 (39). С. 86.

References

1. Arzamasov Yu.G. Vedomstvennyiy normotvorcheskiyi protsess: struktura, sodержanie, perspektivy razvitiya (Chast' 1) // Svodnyiy referativnyiy sbornik zhurnala "Predstavitel'naya vlast' XXI vek: zakonodatelstvo, commentarii, problemy 2007. № 4-6. p. 14.
2. Kartashov N.N. Technologii normotvorchestva (na primere MVD Rossii), diss kand. Yuridicheskikh nauk, Moscow, 2007 pp. 9,54.
3. Kodeks o normativnykh pravovykh aktakh Chukotskogo avtonomnogo okruga ot 24.09.2009 № 25-03 / Rezhim dostupa: www.consultant.ru.
4. Konin N.M. Administrativnoye pravo Rossii, Moscow, 2006, 447 pages.
5. Korenev A.P. Administrativnoye pravo Rossii, Moscow, 2002., p.140.
6. Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva: metodologicheskiye i kontseptualnyie aspekty, M. 2017., p.115.
7. Normografiya: teoriya i metodologiya normotvorchestva: nauchno-metodicheskoye posobiye, pod red. Yu.G. Apzamasova, Moscow, 2007.
8. Primernoye polozheniye o poryadke podgotovki projektov normativnykh pravovykh aktov, vnosimyykh v gorodskoy Sovet deputatov glavoy mestnogo samoupravleniya (Belgorod) / Rezhim dostupa: www.consultant.ru.
9. Rakhmanina T.N., Baranov V.M., Tikhomirov Yu.A., Syrykh V.M. Rekomendatsii po podgotovke i oformleniyu projektov federalnykh zakonov/ pod red. V.M. Baranova. Sbornik "Problemy yuridicheskoy tekhniki, Nizhniy Novgorod., 2000.
10. Rybakov V.A. Pravotvorchestvo v perekhodnyi period razvitiya prava // Yuridicheskaya tekhnika 2015. № 9. p. 654.
11. Sovremennoye pravotvorchestvo: novyye vozmozhnosti dlya obshchestva i gosudarstva // Pavlushkin P.A., Pavlovskiy A.S.// Zhurnal rossiyskogo prava 2015. № 3. p. 146.
12. Turanin V.Yu., Turanin Yu.P. Tekhnologiya podgotovki regionalnykh (munitsipalnykh) normativnykh pravovykh aktov i informatsionnykh dokumentov, Belgorod, 2002, 261 pages.
13. Filatov S.V. Pravotvorcheskiy protsess: ponyatiye, stadia, printsipy // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravlenie 2015. № 8. pp. 34-38.
14. Khamaneeva N.Yu. Administrativnoye pravo Rossiyskoy Federatsii // pod red. N.Yu. Khamaneevoy., chapter 10.
15. Shiryayev Yu.E. Sovremennoye ponyatiye i sushchnost' pravotvorchestva i zakonotvorchestva // Chelovecheskiy capital 2012. № 3 (39). p. 86.

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ УМЫШЛЕННОГО НАНЕСЕНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ НА АВТОМОБИЛЕ МЕТОДАМИ ТРАНСПОРТНО- ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ И АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Цель исследования – раскрыть возможности комплексного автотехнического и транспортно-трассологического исследования повреждений транспортных средств для идентификации орудия и метода нанесения и дифференцирования самих повреждений по признакам соответствия описанной участниками ДТП картине в делах по ОСАГО. Приведены результаты анкетирования специалистов страховых компаний и автотехнических экспертов по вопросам применения методик комплексной экспертизы для повышения эффективности проверок фактов страхового мошенничества по ОСАГО. Установлено, что при проверках обстоятельств ДТП с признаками фальсификации следов для усугубления картины повреждений не уделяется достаточного внимания возможностям комплексной экспертизы. Делается вывод, что проведение комплексной экспертизы позволяет сформировать адекватную и достаточную для восприятия картину, позволяющую эффективно противостоять страховому мошенничеству по ОСАГО.

Ключевые слова: эксперт-техник, автотехническая экспертиза, автотехнический эксперт, ДТП, ОСАГО.

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh,
382652@mail.ru

ESTABLISHMENT OF SIGNS OF INTENTIONAL DAMAGE TO THE CAR BY METHODS OF TRANSPORT-TRACOLOGICAL AND AUTO-TECHNICAL EXPERTISE

Abstract. The purpose of the study is to reveal the possibilities of a comprehensive auto-technical and transport-tracological study of vehicle damage to identify the tool and the method of causing and differentiating the damage itself according to the signs of compliance with the picture described by the participants of the accident in the CTP cases. The results of a survey of specialists of insurance companies and auto technical experts on the application of complex examination methods to improve the effectiveness of checks of insurance fraud under CTP are presented. It is established that when checking the circumstances of an accident with signs of falsification of traces to aggravate the picture of damage, not enough attention is paid to the possibilities of a comprehensive examination. It is concluded that conducting a comprehensive examination allows you to form an adequate and sufficient picture for perception, which allows you to effectively resist insurance fraud under CTP.

Keywords: expert technician, auto technical expertise, auto technical expert, road accidents, CTP.

Попытки выдать умышленно нанесенные автомобилю повреждения за результат ДТП для получения страховых выплат имеют систематический характер. Это объясняется возможностью получить возмещение ущерба от страховщика в размерах, существенно превышающих реальный вред от ДТП и получить средства на ремонт автомобиля в значительно большем размере, чем того требует ущерб, который мог быть причинен транспортному средству

(далее – ТС) при столкновении. Искажение и фальсификация следовой картины остается наиболее распространенным методом мошенничества с ОСАГО.

Следовая картина повреждений вызывает интерес экспертов и с точки зрения сбора материалов для суда по делам, квалифицируемым по ст. 7.17 КоАП РФ при идентификации повреждений по методу и орудия нанесения. Имеет значение не только установление орудия, но и возможность дифференциро-

вать следы, возникшие в результате умышленного повреждения при посягательстве на целостность имущества, и следы повреждений, полученных ранее или нанесенных позднее для усугубления картины причиненного ущерба [1].

Проблема полноценной идентификации и дифференцирования следов возникает не столько с точки зрения определения орудия и метода, сколько с точки зрения определения компетентности эксперта и объективности методов исследования. Защита в суде обоснованно высказывает сомнения в компетентности автотехнического эксперта, когда речь идет об анализе следовой картины, и в компетентности эксперта трасолога, когда необходимо установить или опровергнуть связь между обстоятельствами ДТП по методике водитель-автомобиль-дорога-среда (далее – ВАДС) и имеющейся следовой картиной. Если на этапе проверки обстоятельств специалистом страховой компании бывает достаточно изучения следов для первичных выводов, то для суда аргументация оказывается недостаточной. В итоге страховое мошенничество с фальсификацией следов и повреждений редко доводится до суда. Страховщики понимают, что собранные доказательства будут подвергнуты сомнению, а затраты на проведение нескольких экспертиз и комплексной экспертизы с участием двух и более экспертов могут не оправдаться результатами судебного рассмотрения [2]. Избирается наиболее простой путь – провести проверку, полагаясь на результаты исследования эксперта-техника, добиться согласия на выплату с уменьшением суммы требований, чтобы избежать судебного разбирательства. В результате не более 20 % таких случаев доходит до суда, и не более 5 % из доведенных дел дают положительный эффект.

Описанная проблема периодически поднимается в специальной периодике, но не вызывает более глубокого интереса, поскольку касается прикладных вопросов. Рассмотрение процессуальных особенностей подготовки материалов к суду с теоретической точки зрения освещается специалистами других профилей, адвокатами, а практика проведения экспертизы имеет свои особенности, интересующие достаточно узкий круг специалистов.

Актуальность настоящего исследования состоит в необходимости раскрыть возможности комплексного автотехнического и транспортно-трасологического исследования повреждений ТС для идентификации орудия и метода нанесения и дифференцирования самих повреждений по признакам соответствия описанной участниками ДТП картине.

Методы исследования.

Автором исследования был проведен опрос (методом удаленного анкетирования) специалистов страховых компаний и экспертов автотехнического профиля с целью установить масштаб распростране-

ния и применения методик комплексной экспертизы и сделать выводы о мерах, необходимых для повышения эффективности проверок с привлечением нескольких экспертов.

Перед опрошенными были поставлены вопросы:

1. Привлекаются ли к проверке обстоятельств ДТП автотехнические эксперты страховыми компаниями, если имеются материалы оценки ущерба, полученные от эксперта-техника?

2. Можно ли считать исчерпывающими результаты экспертизы, проведенной для оценки ущерба, если необходимо провести анализ обстоятельств ДТП с выяснением происхождения следов?

3. Ставится ли перед специалистом страховой компании задача выявить признаки фальсификации следов и повреждений, привлечь к проверке экспертов?

4. Имеет ли специалист страховой компании полномочия, достаточные для привлечения экспертов с учетом роста затрат на проверку?

5. Обращают ли внимание представители защиты на границы компетентности экспертов, используют ли их как основание для сомнений в квалификации при рассмотрении обстоятельств ДТП, механизма развития ДТП, особенностей следовой картины?

6. Готовы ли представители защиты из числа опрошенных обосновать свои возражения недостаточностью компетенции эксперта и неполнотой результатов и методов исследования?

К опросу привлекалось 100 специалистов, получивших анкеты с просьбой дать однозначные ответы, а при необходимости оставить примечания.

Результаты исследования.

Получены ответы на поставленные вопросы.

1. Нет – 90. Да – 5. По обстоятельствам – 5. Примечания: привлекаются при субъективно высокой вероятности передачи дела в суд.

2. Нет – 87. Да – 5. По обстоятельствам – 7. Примечание: в зависимости от конкретных рассматриваемых обстоятельств.

3. Нет – 53. Да – 35. Примечание: ставится не категорично, выявление с высокой вероятностью передачи дела в суд приветствуется с ограничением затрат.

4. Нет – 68. Да – 12. Примечание: в остальных случаях согласование с приведением обоснований затрат.

5. Нет – 12. Да – 77. Примечание: в зависимости от поведения эксперта, привлеченного защитой.

6. Нет – 8. Да – 77. Примечание – в зависимости от цены иска (размера ущерба) и нарастании вероятности наказания клиента за мошенничество.

Анализ данных анкетирования показывает, что описанная выше проблема недостаточности проработки следовой картины объективными экспертными методами распространена практически повсеместно.

Причина такого положения видится в стремлении страховщиков избежать роста затрат на экспертизы и проверки, готовности не доводить дело до суда, пока не будет доказана (субъективно) высокая вероятность успеха. При этом сторона защиты охотно прибегает к ссылке на превышение границ компетентности эксперта, поскольку это может повлиять на восприятие судом общей картины ДТП и механизма возникновения повреждений [3].

Обсуждение.

Автор настоящего исследования осознанно не затрагивает тему процессуальных особенностей назначения автотехнической и транспортно-трассологической экспертизы, поскольку полагает ее относящейся более к тематике юридической, чем к исследованию вопросов границ компетентности и востребованности экспертов.

С точки зрения изучения следовой картины, собственная практика автора показывает, что результаты могут использоваться как объективные (однозначно трактуемые), при грамотной работе и налаженном взаимодействии нескольких специалистов:

- эксперт-техник изучает повреждения с точки зрения оценки нанесенного ущерба и при необходимости может оценить степень износа автомобиля;
- эксперт-автотехник располагает набором методов, инструментарием и знаниями для доказательного исследования следов по признакам происхождения, механизма возникновения, соответствия определенным видам взаимодействия ТС с предметами окружающей обстановки, другими ТС, посторонними предметами;
- автотехнический эксперт, используя выводы предыдущих экспертиз, может построить динамическую модель механизма развития ДТП и при необходимости ответить на вопросы суда о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между обстоятельствами ДТП и обнаруженными следами.

Три составляющие комплексной экспертизы в данном случае позволяют сформировать адекватную и достаточную для восприятия картину, в которой просматривается весь набор обстоятельств. При этом следует учитывать, что возражения со ссылкой на границы компетентности эксперта будут вполне оправданы, если упущена одна из составляющих [4].

Эксперт-техник изучает ТС с точки зрения оценки износа, общего состояния, влияния повреждений на состояние и определения степени этого влияния с учетом ранее возникшего износа. Он способен определить признаки утраты свойств материалами и деталями, в некоторой степени, при наличии материалов может дифференцировать повреждения по времени возникновения. Без квалификации эксперта-автотехника он не может рассматривать следы по механизму происхождения.

Эксперт-автотехник сосредоточивает внимание на механизме происхождения следов. С точки зрения объективности его выводы должны быть оформлены так, чтобы они несли признаки связи с обстоятельствами происшествия. Например, «след в виде вмятины в металле, имеющий признаки ударного воздействия твердым предметом» определенной формы. В литературе, посвященной вопросам организации экспертизы, отражено два основных подхода к объективности экспертной оценки. Один построен на приоритете незнания экспертом обстоятельств дела, второй предполагает возможность ознакомления в неких рамках [5]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что автор исследования полагает более способствующим объективности подход, при котором эксперт-автотехник изучает только следы в отрыве от всей картины предполагаемых обстоятельств, а при необходимости отвечает на вопросы и получает информацию, достаточную для предоставления ответов. Таким образом, у него не складывается собственная картина событий, которая неизбежно влияет на выводы, а это в свою очередь может привести к выходу за пределы компетентности.

Автотехнический эксперт при моделировании механизма ДТП по методике ВАДС может опираться на данные двух предыдущих экспертиз. Это более сложная аналитическая задача, которая решается современными методами, если у специалиста есть объективные данные, складывающиеся в картину событий. Именно на этой стадии можно сделать выводы о причинно-следственных связях между состоянием автомобиля, следами взаимодействия и признаками повреждений [6]. Так, при условно «прямом» ударе в боковую часть кузова, автотехнический эксперт исключит из картины повреждения в задней части, а вывод эксперта-автотехника ляжет в основу этого решения. Эксперт-техник сможет подтвердить, что это повреждение получено ранее, исходя из признаков старения.

Отдельного упоминания заслуживает возможность определения орудия нанесения повреждений при имитации следов ДТП. Например, след удара молотка по кузову будет иметь характерные очертания и примет вид вмятины, на дне которой образуется относительно ясный отпечаток ударной части инструмента. При исследовании обстоятельств даже по фото и схеме ДТП будет возможность определить, что у второго ТС нет выступающих частей, способных оставить такой след [7]. В этой ситуации будет достаточно исключить след из картины повреждений при определении ущерба, но использовать его как доказательство нанесения дополнительных повреждений, если речь идет о вероятном мошенничестве с целью получения завышенной компенсации. В приведенном общем примере просматриваются роли экспертов:

- транспортно-трасологическая экспертиза определяет механизм и вероятное орудие нанесения повреждений;
- автотехническая экспертиза (ВАДС) связывает/исключает его из картины событий;
- экспертиза ущерба указывает на признаки завышения требований по выплате.

Стоит отметить, что при умышленном нанесении вреда автомобилю посторонними предметами гораздо более важная роль отводится транспортно-трасологической экспертизе как источнику информации о воздействии определенным предметом [8]. В приведенном выше примере эксперты не выходят за пределы компетентности, а это означает, что у второй стороны в судебном процессе остается значительно меньше оснований для оспаривания результатов работы экспертов.

Заключение.

Из описания проблемы выхода экспертов за пределы компетенции следует, что при проверках об-

стоятельств ДТП с признаками фальсификации следов для усугубления картины повреждений не уделяется достаточного внимания возможностям комплексной экспертизы. Страховые компании предпочитают не нести лишних расходов на привлечение экспертов разных профилей. Суды принимают возражения защиты на основании недостаточности квалификации эксперта. В итоге подавляющее большинство случаев страхового мошенничества не доходит до суда.

Автор исследования полагает необходимым разработать методические рекомендации для страховщиков, в которых будет приведено полное описание методик экспертной проверки и моделирования механизма ДТП с привлечением групп экспертов. К сожалению, вне компетенции автора находится вопрос законодательного или нормативного закрепления такой методики в практике проверок. Полагаем, что пренебрежение вопросами компетентности экспертов со стороны страховщиков приводит к значительным экономическим потерям.

Список литературы

1. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). – 1998. – Вып. 1, ВНИИСЭ. – 100 с.
2. Сыромля Л.Б. О применении комплексной методики предварительного исследования совокупности материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия // Судебная экспертиза. 2015. № 2 (42). С. 150–159.
3. Байэтт Р., Уотс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий. – М.: Транспорт. – 1978. – 288 с.
4. Илларионов В.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебник для вузов. М.: Транспорт, 1989. 255 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 368 с.
7. Майлис Н.П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М.: Экзамен, 2003. 272 с.
8. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: РФЦСЭ, 2005. 261 с.

References

1. Transport and tracological expertise in cases of road accidents (diagnostic studies). – 1998. – Issue 1, VNIISE – – 100 p.
2. Syromlya L.B. On the application of a comprehensive method of preliminary investigation of the totality of material traces at the site of a road accident // Forensic examination. 2015. № 2 (42). pp. 150-159.
3. Byatt R., Watts R. Investigation of road accidents. – M.: Transport. – 1978. – 288 p.
4. Illarionov V.A. Examination of road accidents. Textbook for universities. Moscow: Transport, 1989. 255 p.
5. Belkin R.S. Criminalisticheskaya enciklopediya. 2nd ed., additional M.: Megatron XXI, 2000. 334 p.
6. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic expertise (forensic expert science): textbook. 2nd ed., reprint. and add. M.: Norma, 2017. 368 p.
7. Mailis N.P. Judicial tracology: textbook for law students. Moscow: Exam, 2003. 272 p.
8. Orlov Yu.K. Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. Moscow: RFTSSE, 2005. 261 p.

Тарасова Юлия Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Права, Самарский государственный экономический университет,
Сызранский филиал, город Сызрань,
sangria80@yandex.ru

Авясов Максим Александрович,

старший преподаватель кафедры Права, Самарский государственный экономический университет,
Сызранский филиал, город Сызрань,
2848@paso.ru

Шафиева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры Общетеоретических дисциплин, Самарский государственный
технический университет, Сызранский филиал, город Сызрань,
mshafieva@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Аннотация. *С развитием технологий возникают новые виды преступности. При этом киберпреступления являются наиболее открытыми для изменений и развития. Сложность предотвращения, выявления и квалификации преступлений, совершенных с использованием новых компьютерных технологий, определяют актуальность исследования. В статье рассматривается современное состояние киберпреступлений, их типы и особенности. Выделяются группы киберпреступлений в зависимости от степени использования компьютерных технологий. Выявляется необходимость сближения российского законодательства с международным правом в вопросе определения и санкций за преступления, совершенные с использованием компьютера. Обсуждаются состояние и возможные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью. Авторы предлагают дать определение киберпреступности и пересмотреть положения уголовного законодательства в отношении регулирования ответственности за некоторые виды киберпреступлений.*

Ключевые слова: киберпреступление, информация, кибертерроризм, социальная инженерия, фарминг, финансовые преступления, фишинг, Уголовный кодекс Российской Федерации

Yuliya A. Tarasova,

Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Law,
Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran,
sangria80@yandex.ru

Maxim A. Avyasov,

Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran,
2848@paso.ru

Mariya A. Shafieva,

Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of General Disciplines,
Syzran Branch of Samara State Technical University, Syzran,
mshafieva@mail.ru

TO THE QUESTION OF CYBERCRIME LAW REGULATION IN RUSSIA

Abstract. *With the development of technology, different types of crime are faced. It is observed that the crime which is the most open to change and development is cyber crimes. The article examines the relevance of cybercrime, their types and their peculiarities. The difficulty of preventing, detecting and characterizing crimes committed using new computer technologies determines the relevance of the study. The article examines the current state of cybercrime, its types and features. Cybercrime groups are distinguished depending on the degree of use of computer technology. The need to bring Russian legislation closer to international law in the matter of definition and sanctions for crimes committed using a computer is being identified. The state and possible directions for improving the criminal legislation in the sphere of combating cybercrimes are discussed. The*

authors suggest the definition of "Cybercrime" and the re-evaluating the provisions of criminal legislation in regards to the regulation of the responsibility for some types of cybercrimes.

Keywords: cybercrime, cyber-pornography, cyber-terrorism, social engineering, farming, financial crimes, phishing, Criminal Code of the Russian Federation.

Развитие современных технологий в последние десятилетия привело к появлению нового интернет-пространства. Однако, рост коммуникаций именно в этой среде имел негативные последствия в виде увеличения числа преступлений с использованием технических средств и компьютерных технологий. В странах Запада уже в конце 70-х годов XX века было сформулировано обобщенное понятие киберпреступления (преступления, связанные с использованием компьютера) [13, с.1121].

В России по данным МВД количество киберпреступлений в 2020 году выросло на 85,1 %, а удельный вес таких преступлений возрос до 21,7 % от общего числа [2]. В период ограничений, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, количество таких преступлений по всему миру будет расти, что приводит к необходимости международного сотрудничества в сфере борьбы с интернет-преступностью.

Правоохранительная практика предотвращения, расследования и наказания таких преступлений напрямую зависит от уровня законодательного регулирования данного вида деяний. Между тем, статьи, включенные в Уголовный кодекс Федеральных законом от 29.11.2012 №207-ФЗ, вводящие два специальных вида мошенничества в сфере компьютерной информации, рассматриваются некоторыми исследователями как излишние, перегружающие законодательство и препятствующие правильному толкованию компьютерных преступлений [5, с.42].

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) и других нормативно-правовых актах, регулирующих правоотношения в информационной сфере, не содержится перечня или признаков киберпреступлений. Учитывая бурный рост правонарушений с использованием компьютера и сети Интернет и необходимость синхронизации российского законодательства с международным в данной области, требуется выработка понятия киберпреступления и внесение его в законодательство Российской Федерации.

Таким образом, целью данной статьи является выработка понятия киберпреступление и отделение правонарушений, в которых компьютер является только средством преступных действий, от высокотехнологичных преступлений, сопровождающихся созданием новых незаконных компьютерных программ или иных продуктов.

Задачами исследования являются:

- описание видов киберпреступлений, выявленных на сегодняшний день правоохранительной практикой, и их признаков;
- выделение существующих в российском законодательстве понятий, близких к понятию киберпреступление;
- изучение того, как в правоприменительной практике используются статьи УК РФ, вводящие два специальных состава мошенничества в сфере компьютерной информации, для определения правомерности отнесения данных составов к киберпреступлениям.

Методами исследования выступают: описание выявленных правоохранительной практикой видов киберпреступлений и их признаков на основе изучения научной литературы, анализ существующего российского законодательства, регулирующего преступления с использованием компьютеров и общедоступной сети Интернет, и практики его применения судами в России.

В законодательстве РФ отсутствует как таковое определение киберпреступления. При анализе ряда правонарушений, которые можно к ним отнести, исследователи, например, М.А. Констенко, Е.А. Аксенова ссылаются на Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации ЕТС № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 года, вступила в силу в 2004 году) [2]. Несмотря на то, что Россия к данной Конвенции не присоединилась, этот нормативно-правовой акт остается важным источником правопонимания киберпреступности, сформировавшемся в странах Запада. Согласно Конвенции компьютерные преступления связаны с нарушением конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем [9].

В настоящий момент отсутствует общепризнанная классификация киберпреступлений [1, с. 21]. Исследователи идут по пути описания наиболее распространенных мошеннических схем. Например, исследователи из Турции, Окутан и Себи выделили 19 видов преступлений с использованием компьютеров и сети интернет [11]. Мы попытались разделить их на три основные группы.

Прежде всего, это преступления, имеющие длительную историю, но переместившиеся в интернет-пространство.

Киберпреследование. Преступники используют электронные средства связи, включая Интернет, для преследования или давления на человека или

группу людей. Сюда же можно отнести кибербуллинг или травлю в Интернете.

Детская порнография, переместившаяся в Интернет и распространяемая его средствами по всему миру.

Кибертерроризм. Анонимные угрозы в сети Интернет определенным группам, религиям, этническим группам или лицам с определенными убеждениями.

Вторая группа – преступления, связанные с кражей информации, реализация которых без технических устройств и сети Интернет была бы неосуществимой.

Вредоносное программное обеспечение, выполняющее противоправную задачу на целевом устройстве или сети, например, повреждение данных или захват системы. Одним из видов такого вредоносного программного обеспечения является троян. Это тип вредоносной программы, которая входит в целевую систему в виде похожей на одну, например, стандартную часть программного обеспечения, но затем выпускает свой вредоносный код. Еще один вид вредоносного обеспечения – черви. Это вредоносные программы, которые самовоспроизводятся на компьютерах или через компьютерные сети без ведома пользователя. Каждая последующая копия таких вредоносных программ также способна к самовоспроизводству.

Фишинг – атака на электронную почту, которая включает в себя обман получателя электронной почты, вынуждающий последнего раскрыть конфиденциальную информацию или загрузить вредоносное программное обеспечение, нажав гиперссылку в сообщении.

Атака «Человек посередине», где злоумышленник устанавливает позицию между отправителем и получателем электронных сообщений и перехватывает их, возможно, изменяя их окончательный вариант.

Захват данных клавиатуры. Это программа, которая запускается вместе с включением компьютера и в течение всего сеанса записывает каждое нажатие клавиши, сделанное владельцем, или только те, что сделаны в конкретных полях на веб-сайтах.

Захват экрана снимает скриншоты с компьютера. Захват экрана может быть инициирован на основе временных интервалов, нажатий клавиш или событий мыши.

Ботнет. Боты, или интернет-роботы, также известны как пауки, краулеры и веб-боты. Вредоносные боты используются для получения полного контроля над компьютером.

Сниффер включает в себя проверку, захват, декодирование и интерпретацию информации внутри сетевого пакета, который протекает по сети. Единственная цель, стоящая за этим, – украсть информацию (пароли, данные кредитных карт, другие данные, идентифицирующие пользователя в интернете).

Наконец, третья группа включает в себя преступления, реализация которых в виртуальном пространстве настолько упрощает задачу преступника и усложняет работу правоохранительных органов, что можно говорить о новом виде преступлений.

Кража личных данных. Это киберпреступление происходит, когда преступник получает доступ к личной информации пользователя, чтобы украсть средства, получить доступ к конфиденциальной информации или участвовать в мошенничестве с налогами или медицинским страхованием. Преступники также могут открыть телефон/учетную запись в Интернете на имя потерпевшего, использовать его данные для планирования преступной деятельности и требовать предоставления государственных льгот на чужое имя.

Кибермошенничество. Это преступление, совершенное путем введения в заблуждение при использовании информационных систем. Например сайт покупок перестает корректно работать после получения денег пользователя.

Социальная инженерия. Социальная инженерия – это термин, используемый для широкого спектра вредоносных действий, выполняемых через взаимодействие с человеком. Данный способ противоправных действий направлен на применение психологических манипуляций, чтобы заставить пользователей ошибаться в безопасности или передавать конфиденциальную информацию.

Такие преступления подрывают доверие к транзакциям в интернет пространстве и тормозят развитие интернет-торговли. Как отмечают Мэджид и Штейнмиц, они являются серьезным вызовом для правоохранительных структур всех государств, поскольку характеризуются трансграничным характером и анонимностью, которая является следствием дистанционности и использования технических средств, а также общедоступностью сети Интернет [12, с. 11]. Кроме того, отсутствие единого места преступления и усилия преступников по сокрытию интернет-следов преступления сильно осложняют работу правоохранительных органов и требуют значительных материальных затрат при расследовании [4, с.64].

Между тем, ряд исследователей отмечают неоднородность преступлений с использованием компьютера и сети Интернет. Например, Гордон и Форд выделяют два вида компьютерных преступлений. Первые – это те деяния, в которых преобладает информационный, технологический компонент, вторые – те, в которых в большей степени представлен человеческий фактор [10, с. 23]. Данную типологию также обосновывают П.Р. Крупкин и П.А. Журкова [3, с. 172]. Первые деяния чаще всего сопровождаются созданием нового компьютерного продукта, второй же вид преступлений имеет длительную историю и с возникновением компьютерных технологий преступле-

ние начинается совершаться в информационной среде, но оно не требует при этом специальных знаний, компьютер же используется в этом случае только как средство совершения преступления.

В Уголовном кодексе РФ санкции за совершение преступных действий в отношении охраняемой законом компьютерной информации содержатся в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». В примечании к статье 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» определяется термин «Компьютерная информация». Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [8], то есть, речь идет о таком виде информации, который возможно передать только с помощью технических средств или в момент, когда данная информация представлена в таком виде.

Поскольку порядок использования такой информации описывается в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предполагается логичным включение данного определения в текст закона.

Кроме неправомерного доступа к компьютерной информации, статья 28 УК РФ предусматривает санкции за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (статья 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (статья 274 УК РФ), неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (статья 274.1 УК РФ).

Понятия, используемые в последней статье, разъясняются Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», а под объектами критической информационной инфраструктуры страны подразумеваются значимые для обеспечения социальной, политической, экономической и военной жизнедеятельности автоматизированные системы. Неправомерное воздействие может происходить в виде хакерских атак, создания и использования вредоносных компьютерных программ и иными способами.

За исключением главы 28 только статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» непосредственно указывает на использование технических средств или общедоступной сети Интернет при совершении преступления [7]. Как было отмечено выше, ряд исследователей считают включение данной статьи в Уголовный кодекс излишним, поскольку непосредственный объект покушения (чужое имущество) не изменился, а введение

нового состава правонарушения усложняет судебную практику.

Рассмотрим так ли это на примере из судебной практики. В Вахитовском районном суде города Казани 29 июля 2020 года рассматривалось дело о мошенничестве, совершенном с помощью подложных сайтов по продаже авиабилетов. Савгильдин М.С., имея умысел на мошенничество в сфере компьютерной информации, вступил в преступную группу, созданную неуставленными лицами, осуществляющими хищение денежных средств путем обмана, выражающегося в мнимой продаже авиабилетов, гражданам, не осведомленным о преступных планах последних, с целью личного обогащения.

Неуставленные лица открыли в сети Интернет ряд взаимосвязанных между собой сайтов, якобы предоставляющих гражданам онлайн услуги по приобретению авиабилетов, с использованием которых стали осуществлять преступную деятельность. С целью облегчения совершения преступлений в составе преступной группы в обязанности неуставленных лиц входило с помощью компьютерной техники в сети Интернет обеспечивать работу ряда взаимосвязанных между собой сайтов, якобы предоставляющих гражданам онлайн услуги по приобретению авиабилетов, подыскание и вовлечение в преступную деятельность группы новых членов, координация действий исполнителями преступлений.

В обязанности Савгильдина М.С., вовлеченного в преступную группу, входило приискание соучастников, с целью открытия банковских карт в различных кредитных организациях и последующего осуществления безналичных переводов похищенных у обманутых граждан денежных средств на открытые банковские карты и их обналичивания Савгильдиным М.С. в банкоматах кредитных организаций.

Один гражданин, будучи введенным в заблуждение и не осознавая подложности содержащейся на сайте информации, а также в результате неоднократной переадресации с одного сайта на другие сайты, созданные неуставленными лицами преступной группы с целью сокрытия преступной деятельности, совершил оплату за якобы приобретенный онлайн авиабилет путем ввода своих анкетных данных, а также данных своей банковской карты. В результате данных действий с банковской карты потерпевшего было совершено списание и перечисление денежных средств на общую сумму 27 722 руб.

Очевидно, что в данном случае имелись признаки именно компьютерного преступления, поскольку ущерб был причинен дистанционно, а действие имело анонимный характер. Однако, в данном случае не было создано новое программное обеспечение для преступного замысла, а подложные сайты не требовали значительного уровня знаний в сфере инфор-

мационных технологий. Тем не менее, на наш взгляд, в данном деле могла быть использована статья 159 УК РФ, которая по санкции не отличается от использованной статьи 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Квалифицирующими признаками данного состава преступления является группа лиц или значительное причинение ущерба гражданину.

Другим примером преступления в сфере информационных технологий являются хищения денежных средств с банковского счета, совершенные с неправомерным использованием банковских карт. Одним из примеров такого хищения является устоявшаяся судебная практика на территории Российской Федерации. Подросток М., нашедший банковскую карту, осуществлял оплату продуктов питания в сетевых магазинах на сумму не превышающую лимита снятия денежных средств. Всего подростком были похищены денежные средства на сумму 9033 рубля, которые для потерпевшего являлись незначительным ущербом.

Однако органами предварительного следствия действия подростка были квалифицированы по п. "г" части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанное преступление является тяжким, предусматривающим наказание в виде лишения свободы сроком до 6 лет [6]. Квалифицирующим признаком данного состава преступления является хищение денежных средств с банковского счета, наряду с другими квалифицирующими признаками, такими как: кража нефтепродуктов из нефтепровода, кража в крупном размере или с проникновением в жилище, которые совершаются в основном группой лиц с применением высокотехнологичных орудий преступления.

Авторами статьи ставится вопрос о соотношении наказания за преступление – кражи с банковского счета, другим составом хищения. Например: п. "б" ч. 3 ст. 158 УК РФ – хищение из нефте-газопровода, требует предварительной подготовки и соответствующих навыков. Санкция по пункту "а", ч.3 ст. 158 УК РФ – как кража с проникновением в жилище – не зависит от размера похищенного имущества. Квалифицирующим признаком данного состава преступления является нарушение Конституционных прав на неприкосновенность жилища.

По мнению авторов наказание за хищение средств с рассматриваемым квалифицирующим признаком (хищение с банковского счета) является несоразмерным той общественной опасности, которое оно представляет, размеру причиненного ущерба и характеру нарушенных Конституционных прав.

Использование компьютерной техники при хищении, мошенничестве, преступлениях в сфере кредитования и в банковской сфере, является способом и орудием совершения преступления. Это важный квалифицирующий признак, однако, он не должен быть решающим для отнесения деяния к особо опасным для общества и для определения наказания без учета тяжести нанесенного вреда.

Представляется обоснованным введение в законодательство Российской Федерации определения киберпреступления, сформулированного на основе Будапештской Конвенции о компьютерных преступлениях. К киберпреступлениям относятся действия, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей и компьютерных данных, а также против злоупотребления такими системами, сетями и данными, имеющие признаки анонимности и дистанционности.

При этом мы считаем необоснованным и излишним введение в состав УК РФ новых статей, описывающих уже существующие виды правонарушений, перенесенные в сферу Интернет или компьютерных коммуникаций, без изменения санкций за совершение правонарушения таким более технологичным способом.

При этом требуется привести в соответствие санкции отдельных норм уголовного законодательства с тяжестью совершенного преступления, которая может определяться с учетом размера причиненного ущерба. В настоящее время наказание за некоторые виды преступлений с использованием информационных технологий (например, хищение денежных средств с банковского счета) является излишне суровым и практически не зависит от размера похищенного имущества (денежных средств) и значительно причиненного ущерба. Следует помнить, что не суровость наказания, а его неотвратимость воспитывает уважение к закону.

Список литературы

1. Диденко К.В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. № 3. С. 20–24.
2. Костенко М.А., Аксенова Е.А. Глобальное и национальное регулирование киберпреступлений и кибертерроризма как угроз международной безопасности // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. № 3 (5). URL: <http://www.journal-mes.ru> (дата обращения 12.03.2022).
3. Крупкин П.Р., Журкова П.А. Киберпреступления как угроза общественной безопасности // Союз криминалистов и кримиологов № 1, 2021 с.171-174 DOI 10.31085/2310-8681-2021-1-204-171-178.
4. Пучков Д.В. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 63-71.

5. Савельева О.Ю., Забурдаева К.А., Мединовская Д.Н. Уголовная политика России в сфере противодействия киберпреступлениям: сравнительно-правовой анализ // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 3 (38) С. 41-46.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) Ст. 158
7. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/ (дата обращения 12.03.2022).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) Ст. 159.6
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51c53d82b60ac8c009745bdea3838d507064c6d3/ (дата обращения 12.03.2022).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) Ст. 272
11. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5c337673c261a026c476d578035ce68a0ae86da0/ (дата обращения 12.03.2022).
12. Convention on Cybercrime (ETS№ 185) Council of Europe – https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf (дата обращения 12.03.2022).
13. Gordon S., & Ford R. On the definition and classification of cybercrime // Journal in Computer Virology, 2006, № 2 (1), 13-20.
14. Okutan Ayşe, Prof. Dr. Çebi Yalçın A Framework for Cyber Crime Investigation // Procedia Computer Science 2019, № 158. 287–294 DOI:10.1016/j.procs.2019.09.054.
15. Majid Y. Steinmetz K.F. Cybercrime and Society Yar, M., & Steinmetz, K. F. Cybercrime and society. Sage. 2019. 343 p.
16. Yogesh R.P., Satish D.R. B Backtracking Tool Root-Tracker to Identify True Source of Cyber Crime // Procedia Computer Science. 2020. T. 171. C. 1120-1128.

References

1. Didenko K.V. Some problems in detecting and preventing cybercrime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 3. P. 20–24.
2. Kostenko M.A. Aksenova E.A. Global and national regulation of cybercrime and cyber terrorism as threats to international security // Electronic scientific journal «Management in Economic and Social Systems.» 2020. № 3 (5). URL: <http://www.journal-mes.ru/> (case date: 12.03.2022).
3. Krupkin P.R., Zhurkova P.A. Cybercrime as a threat to public security. Union of Criminologists and Criminologists. № 1, 2021 с.171-174 DOI 10.31085/2310-8681-2021-1-204-171-178.
4. Puchkov D.V. The state of criminal law regulation of cybercrime in the criminal legislation of the Russian Federation. Legal policy and legal life, 2019. (1), 63-71.
5. Savelyeva, O.Yu., Zaburdaeva, K.A., Medinovskaya D.N. Criminal policy of Russia in the sphere of cybercrime prevention: rather-legal analysis // Vector of science TSU. Series: Legal Sciences. 2019. № 3 (38) S. 41-46.
6. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (ed. From 28.01.2022) St. 158.
7. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/ (case date: 12.03.2022).
8. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 N 63-FZ (ed. From 28.01.2022) St. 159.6
9. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51c53d82b60ac8c009745bdea3838d507064c6d3/ (case date: 12.03.2022).
10. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 N 63-FZ (ed. From 28.01.2022) St. 272
11. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5c337673c261a026c476d578035ce68a0ae86da0/ (case date: 12.03.2022).
12. Convention on Cybercrime (ETS№ 185) Council of Europe – https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf / (case date: 12.03.2022).
13. Gordon S., & Ford R. (2006). On the definition and classification of cybercrime. Journal in Computer Virology, № 2 (1), 13-20.
14. Okutan Ayşe, Prof. Dr. Çebi Yalçın A Framework for Cyber Crime Investigation. Procedia Computer Science № 158 (2019) 287–294 DOI:10.1016/j.procs.2019.09.054.
15. Majid, Yar Steinmetz Kevin F. Cybercrime and Society Yar, M., & Steinmetz, K.F. (2019). Cybercrime and society. Sage. 343 p.
16. Yogesh R.P., Satish D.R. B Backtracking Tool Root-Tracker to Identify True Source of Cyber Crime // Procedia Computer Science. 2020. T. 171. C. 1120-1128.

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва,
ilya-fadeev@yandex.ru

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ДОЗНАНИЕ ВО ФРАНЦИИ

Аннотация. *Анализируются организационные, правовые и функциональные основы функционирования французской полиции по выявлению, расследованию и раскрытию в основном незначительных преступлений. Исследуются виды совершаемых ею оперативно-служебных действий, обеспечивающие успешное рассмотрение уголовного дела в суде или его прекращение на досудебном этапе.*

Ключевые слова: Франция, континентальная правовая семья, страна, уголовный процесс, дознание, полиция, суд (судья), прокурор, публичный иск, государственное обвинение, жандармерия, доказательства, оперативно-розыскные мероприятия, обвинение.

Ilya A. Fadeev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department of Theory and public administration methodologies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
ilya-fadeev@yandex.ru

POLICE INQUIRY IN FRANCE

Abstract. *This article analyzes the organizational, legal and functional foundations of the functioning of the French police to identify, investigate and solve mostly minor crimes. The types of operational and service actions performed by her, which ensure the successful consideration of a criminal case in court or its termination at the pre-trial stage, are investigated.*

Keywords: France, continental legal family, country, criminal process, inquiry, police, court (judge), prosecutor, public action, public prosecution, gendarmerie, evidence, operational search activities, prosecution.

Континентальная (романо-германская) правовая семья формировалась, как принято считать, на основе римского права. В неё входят страны континентальной Европы, Латинской Америки и др. Она представляет собой совокупность национальных правовых систем, имеющих некие общие черты, проявляющиеся в единстве закономерностей и тенденций развития; Франция и Германия среди них – системообразующие.

В механизме государственной власти законодательные и правоприменительные органы разграничиваются. Основным источником права – закон, которому свойственна отраслевая дифференциация. Уголовное право и связанное с ним формальное (процессуальное) право относится к сфере публичного права.

В XVII-XVIII веках в Европе доминировала концепция «полицейского государства», однако к концу этого периода наряду с доктриной «абсолютной власти» она стала негативно сказываться на политико-экономическом обустройстве общества. В силу сказанного, в будущих странах Евросоюза, также как, кстати, и в США, значительную общественную под-

держку получила идея правового государства, согласно которой сфера вмешательства последнего в частную жизнь граждан стала постепенно сужаться.

Перед полицией задачи ставились более широкие, чем, скажем, в Великобритании. В качестве примера можно привести Пруссию, где функционировали различные полицейские организации.

Континентально-европейская полиция всегда имела строго централизованную иерархию с акцентом на силовом решении проблем, связанных с охраной общественного порядка. Именно поэтому многие ученые убеждены в том, что реформирование правоохранительных систем в европейских странах всегда сопрягалось с их структурной, а не с содержательно-концептуальной направленностью. Без адекватных преобразований в экономической и социально-бытовой сфере оно не могло иметь позитивных последствий [1].

В то же время сравнительно небольшая территория таких стран как например Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия, невысокая численность их моноэтнического населения, относительно высокий уровень жизни граждан в сочетании с низким уровнем

преступности позволяли эффективно решать задачи по обеспечению внутренней безопасности силами исключительно полиции.

К странам другой континентальной модели организации правоохранительной деятельности относятся те, которые используют специальные полицейские формирования вооруженных сил (жандармерию): Франция, Италия, Испания, Португалия, Турция, Люксембург и Лихтенштейн. Так, современная французская жандармерия является военно-полицейским формированием, принимающим активное участие в реализации полицейских функций. Её работа характеризуется непрерывностью, знанием обстановки и систематическими контактами с населением. Она осуществляет оперативно-розыскную и следственную деятельность, выступая в роли административной, уголовной и военной полиции одновременно. На неё возлагаются функции и судебной (уголовной) полиции, выполняемые посредством сбора доказательств, осуществления оперативно-розыскных мероприятий, задержания преступников и предания их суду.

Забегая вперед, заметим, что в Лихтенштейне существует открытый перечень следственных действий, которые могут производиться полицией. В прикладной плоскости это означает, что она, наравне с другими компетентными правоохранительными органами, вправе предпринимать любые меры, направленные на получение доказательств [2].

Для стран, выбравших централизованную модель, свойственно жесткое подчинение сил обеспечения внутренней безопасности контролю со стороны государства. Она приемлема преимущественно для унитарных их форм, за исключением разве что Австрии, Германии, Нидерландов и Бельгии.

Франции, Италии, Испании, Португалии, Турции, Люксембургу и Лихтенштейну присуще традиционное использование нескольких общегосударственных полицейских структур в обеспечении общественной безопасности. К исключительному ведению жандармерии относятся происшествия в сельских местностях и городах с численностью населения до 20 000 жителей; в Италии и Португалии деятельность жандармерии диверсифицирована.

В качестве особой компоненты уголовного судопроизводства в Европе и некоторых других странах (Австрия, Новая Зеландия) выступает состязательность (спор между равноправными сторонами). Государство возлагает на себя бремя доказывания вины лица, предположительно совершившего преступление, без каких-либо содействий с его стороны.

Все реформы в Германии, Испании, Италии, Франции, Финляндии и др., начиная с 50-60-ых годов XX века, нацеливались, главным образом, на доработку уголовно-процессуального законодательства в контексте именно этой правовой идеи в приложении к подго-

товительным стадиям, где традиционно были сильны инквизиционные атавизмы. Данная доктрина поддерживается и ныне на фоне депроцессуализации уголовного преследования, позиционируемого под вывеской «полицейского расследования» или «прокурорского дознания». Её суть – в максимальном ограничении принудительных мер, в минимизации формализма в работе с доказательствами, в активном использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий и либерализации установленных законом сроков [3].

В 1958-1963 годах проводится очередная реформа уголовной юстиции, заметно усилившая карательные функции полиции европейских государств. Она ввела упрощенные формы расследования, сузила некоторые процессуальные гарантии прав его участников, расширив полномочия полицейских органов. Однако с начала 1970-х годов стала проследиваться противоположная тенденция – демократизация уголовного процесса, направленная на усиление гарантий прав его участников, укрепление роли пострадавших. В уголовно-процессуальных актах в качестве приложений были размещены международные стандарты и конвенции, обеспечивавшие защиту прав и законных интересов титульного (коренного) населения, а также иностранцев [4].

Что касается смешанной формы уголовного процесса, то изначально она получила признание во Франции после принятия уголовно-процессуального кодекса (1808 год). Ей присуще предварительное следствие, включающее в себя элементы розыскного процесса, ограничивающего права обвиняемого. В настоящее время указанной формы придерживаются такие страны как Австрия, Германия, Испания, Италия, Япония и др.

Со временем и в самой Франции она подвергалась серьезным корректировкам в части, касающейся расширения состязательных начал в ходе предварительного расследования [5].

Французский уголовный процесс является классической формой смешанного типа, которому не чужда стадия предварительного расследования и её отграничение от судебного разбирательства [6].

Что касается дознания, то здесь различают две его формы: первоначальное дознание и дознание по очевидным преступлениям. Первоначальное дознание схоже с предварительным этапом расследования, а дознание по очевидным преступлениям можно трактовать как сокращенный вариант досудебного производства [7].

В континентальном уголовно-процессуальном законодательстве присутствуют нормы, допускающие использование наиболее радикальных средств, затрагивающих права и законные интересы граждан (право на молчание, возложение на обвиняемого обязанности по доказыванию своей невиновности и др.) [8].

Ретроспективное изучение полицейского дела в странах континентальной Европы [9] показывает, что вне зависимости от их исторических, политических, территориальных, национальных и местных традиций власть здесь всегда стремилась создавать собственную систему охраны общественного порядка [10], избегая злоупотреблений при нововведениях, способных оказать деструктивное воздействие на практику борьбы с преступностью [11].

С зарождением обновленных форм государственного обустройства и правотворчества возникла потребность в создании особого аппарата, призванного обеспечивать законность и правопорядок, предупреждать, пресекать и расследовать преступления во всём видовом их разнообразии. Их прообразом в современном понимании и стала полиция, под которой принято понимать систему государственных служб, целью которых является поддержание законности и правопорядка, выявление и расследование главным образом незначительных преступлений [12].

Национальная полиция Франции была создана в 1966 году законом от 9 июля посредством объединения сыскной полиции и префектуры полиции Парижа. Статья первая названного закона гласила: «Национальная полиция подчиняется министру внутренних дел при условии сохранения предписаний уголовно-процессуального кодекса, касающихся деятельности судебной полиции». Названный законодательный акт не устранял самостоятельности сыскной полиции и префектуры полиции, предусматривая для них общее руководство и возможность создания совместных временных формирований.

Сыскная полиция функционирует по всей стране и включает центральные и региональные управления. Известно четыре центральных управления: по сбору оперативных данных; общественной безопасности; судебной полиции и наблюдения за территорией.

В подчинении Генеральной дирекции полиции МВД Франции находятся Центральная дирекция судебной полиции, имеющая семь управлений. В её состав, помимо собственно служб, входят Региональная дирекция судебной полиции Парижа и Региональных служб судебной полиции, включающих в себя службу дознания.

Городская полиция (национальная полиция в населенных пунктах городского типа) расследует преступления и обеспечивает охрану общественного порядка в городах и иных населенных пунктах с численностью населения более 10 000 жителей. Территориальные службы городских полиций состоят из департаментов, округов и участков. В каждом департаменте имеются полицейские участки, а в некоторых – полицейские округа, подчиненные департаментскому управлению, во главе которого стоит директор. Городские полицейские участки состоят из одной или

нескольких коммун, в которых полиция поддерживает порядок в соответствии со статьями 132-6 и 132-9 Кодекса Коммун.

Исторически во Франции выделяется муниципальная и сельская полиция [13]. Сфера полномочий муниципальной полиции детерминирована статьёй 131-2 Кодекса коммун: «Муниципальная полиция обеспечивает надлежащий порядок, общественную безопасность, спокойствие и санитарную». В её задачи входит широкий спектр вопросов, а не только те, которые касаются безопасности. Персонал муниципальной полиции делится на три категории: сельские полицейские, агенты муниципальной полиции и (в ряде городов) – агенты, работающие по контракту. Сельский полицейский – это муниципальный служащий, в обязанности которого входит исполнение отдельных функций судебной полиции, но сам он при этом не обладает правами её служащих, будучи сотрудником второй категории.

Основными источниками уголовно-процессуального права во Франции является Конституция 1958 года и Уголовно-процессуальный кодекс 1958 года (далее – УПК) с дополнениями и изменениями, внесенными в 2000 году и позже. Здесь нет стадии предварительного расследования, а удельный вес дознания постоянно растёт. Наблюдается всё большая дифференциация его форм; оно приобретает элементы состязательности, хотя и в ограниченном масштабе.

Действующий УПК Франции посвящает дознанию часть II «Дознание и проверка личности». Однако родовое понятие рассматриваемого феномена содержится в статье 14 предыдущей части УПК, определявшей задачи судебной полиции, в обязанности которой входило «установление фактов нарушения уголовного закона, собиравшие о них доказательства и розыск лиц, их совершивших, пока не начато следствие» [14].

Во французском законодательстве нет специальных норм, содержащих дефиницию дознания. Не наблюдается единогласия в этом вопросе и среди ученых. Так, по мнению О. Дениса, дознание есть совокупность предварительных исследований, принимаемых должностным лицом судебной полиции, обязанным установить обстоятельства дела прежде, чем публичный иск будет предъявлен в юрисдикцию суда и следственного судьи, призванных его рассмотреть и высказаться по существу [15].

Другого мнения придерживается профессор Сойе, полагающий, что: «Акты судебной полиции, которые состоят в том, чтобы установить преступление, собрать доказательства и отыскать виновников, совершаются во время стадии, называемой полицейской, в пределах того, что УПК обозначает под общим наименованием дознаний» [16].

Ф. Депорт и Л. Лазерг-Кускэ определяют дознание как совокупность действий, осуществляемых по-

лицией под управлением прокурора, до принятия решения об уголовном преследовании, с целью удостовериться в наличии уголовно-наказуемого деяния, а также собирания доказательств и установления лица, его совершившего [17].

Российский ученый (профессор Л.В. Головкин) французское дознание называет начальной стадией досудебной части уголовного процесса, не являющейся формой расследования [18].

Первоначальное дознание у истоков своего происхождения называлось официозным. В теории французского уголовного процесса данная оценка воспринималась неоднозначно. Предполагалось, что замена предварительного следствия официозным дознанием подрывает право обвиняемого на защиту. Составители УПК 1958 года легализовали первоначальное дознание путем включения в него соответствующего раздела. В юридической литературе выделялось три доминирующих признака первоначального дознания: отсутствие формальных поводов и иных сложностей при его открытии; формализм процессуальных действий; отсутствие у судебной полиции права на процессуальное принуждение, за исключением задержания. Именно благодаря обозначенному виду дознания прокурор приобретал возможность возбудить уголовное преследование при наличии достаточных к тому оснований; оно позволяло разгрузить следственного судью, быстро зафиксировать поступающие доказательства и др.

Получив сообщение о преступлении, если в нем не было признаков очевидности¹, и в то же время информации, достаточной для того, чтобы возбудить уголовное преследование, прокурор направлял судебной полиции указание о производстве дознания, по результатам которого принимал окончательное решение.

В соответствии со статьей 75 УПК Франции, офицеры и агенты судебной полиции могут начинать первоначальное дознание *ex officio*². Но все их процессуальные действия в таком случае выполняются под контролем прокурора [19]. Первоначальное дознание позволяет освободить граждан от тяжкого бремени изобличения преступника, вскрывая безосновательность жалобы, или подтверждая нецелесообразность возбуждения уголовного преследования. Французских юристов больше беспокоит не факт легализации первоначального дознания, а те ограничения, которые его сопровождают.

Офицеры полиции пользуются большим объемом процессуальных средств, установленных законом, включая возможность принуждения с целью собирания доказательств и удостоверения вины лица, его со-

вершившего. Результаты оформляются протоколами следственных действий, передаваемых прокурору [20].

УПК Франции не предусматривает составления процессуального акта, означающего начало дознания. Закон связывает его с необходимостью установления факта нарушения уголовного закона [21], однако подробнее регламентирует случаи очевидности преступления для производства дознания первого вида, в ходе которого полиция становится вправе производить все следственные действия, оформляемые протоколами, имеющими доказательственное значение. Она может также осуществлять задержание не только подозреваемых, но и потерпевших, а также свидетелей для получения от них показаний.

Основным участником осмотра места происшествия во Франции обычно является комиссар полиции в отличие от Англии и США, где таковым считается офицер соответствующего отдела уголовной полиции, коронер, а также сотрудники экспертно-криминалистических служб [22].

Первоначальное дознание не ограничено сроками и имеет целью обосновать уголовный иск прокурора, который может быть возбужден по его результатам, связанным, в том числе, с неофициальной деятельностью полиции (оформляется единым протоколом).

Во Франции оперативно-розыскная деятельность полиции реализуется до возбуждения публичного уголовного иска. Данный вид дознания больше схож с проверкой сообщения о преступлении в российском уголовном процессе, чем с дознанием.

В ряде случаев первоначальное дознание разрешается производить и после предварительного следствия, если у прокурора возникнет потребность в получении новых сведений и представлении их в судебное заседание.

Таким образом, досудебное производство во Франции состоит из трех стадий: дознания, возбуждения уголовного преследования и предварительного следствия (предание суду охватывается предварительным следствием). Полицейское дознание проводится полицейскими комиссарами, офицерами и агентами судебной полиции, мэрами и их помощниками под руководством прокурора. По ряду дел дознание осуществляют полевые охранники, лесные сторожа и некоторые другие чиновники.

Отдельные исследователи интерпретируют данное обстоятельство по-своему, утверждая, что во французском уголовном процессе наличествуют такие стадии как дознание, возбуждение уголовного преследования, предварительное судебное следствие и судебное разбирательство.

Уголовно наказуемые деяния делятся ими на преступления, проступки и нарушения, для каждого из которых предусматривается надлежащая форма расследования.

¹ По мнению французских ученых, существует два фактора очевидности преступления: фактор времени и фактор его внешнего проявления. – прим. авт.

² Франц. – по должности. – прим. авт.

Дознание осуществляет судебная полиция в целях установления факта нарушения уголовного закона, собирания улик и установления лица, совершившего преступление. Ведется оно под контролем прокурора, нередко – по его инициативе. По очевидным преступлениям дознание должно заканчиваться в срок до восьми суток, а при неочевидности – до шести месяцев. В ходе дознания возможно задержание подозреваемого на срок до 24 часов, который может продляться прокурором на сутки. Ему разъясняются права: на свидание с защитником, на медицинское освидетельствование и др. Возможны следственные осмотры, выемки и допросы.

Из того, что дознание протекает до возбуждения дела, вовсе не следует, что им занимается только судебная полиция. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что её роль настолько велика, что производимое её дознание нередко именуют полицейской стадией уголовного процесса.

По традиции, сложившейся во Франции, дознание, осуществляемое судебной полицией, начинается с момента выявления преступления и заканчивается передачей дела следственному судье. Оно заключается в удостоверении факта уголовно наказуемого деяния, регистрации заявления о преступлении, собирании улик и так далее. Моментом его окончания считается передача материалов в прокуратуру для принятия решения о возбуждении уголовного иска.

Разработчики УПК 1958 года, сохранив базовые черты континентального дознания, увеличили его сроки, наделив судебную полицию большим объемом процессуальных полномочий.

Особого процессуального акта, знаменующего собой начало дознания, не существует. Закон связывает необходимость его осуществления с моментом «установления факта нарушения уголовного закона» (ст. 14 УПК Франции), что, кстати, весьма неопределенно. Вместе с тем, судебная полиция не является единым учреждением; она представляет собой круг должностных лиц различных ведомств: офицеров судебной полиции; агентов судебной полиции и их помощников; чиновников, приравненных к сотрудникам судебной полиции. Их правовой статус различен, как различны и процессуальные полномочия.

Уголовное судопроизводство начинается предъявлением публичного уголовного иска, который возбуждается представителем прокуратуры, как по собственной инициативе, так и по жалобе пострадавшего, а также иных лиц. По инициативе пострадавшего возможно два варианта возбуждения уголовного преследования: направление жалобы судье и непосредственный вызов «ответчика» в суд. В первом случае пострадавший направляет (представляет) жалобу следственному судье в письменной (устной) форме, который переадресовывает её прокурору,

решающему вопрос о возбуждении уголовного преследования. Второй случай возможен, когда по делу не предвидится предварительное следствие. Пострадавший обращается в суд с просьбой направить обвиняемому вызов. Данный документ составляется судом и через судебного пристава направляется обвиняемому. Предварительное судебное следствие проводится по требованию прокурора; оно обязательно по делам о преступлениях, а по делам о проступках проводится по требованию прокурора.

Прокуратура возбуждает уголовное преследование, руководствуясь соображениями целесообразности. Заинтересованные лица могут обжаловать действия прокурора вышестоящему прокурору. Известно несколько способов возбуждения уголовного преследования прокурором. Во-первых, путем составления требования о производстве предварительного следствия, в ходе которого он приводит в движение механизм подачи публичного иска по делам о подобающих преступлениях (например, в отношении несовершеннолетних). Во-вторых, с помощью вызова в суд. Данный способ применяется в случаях совершения проступка или правонарушения, не требующих предварительного следствия. Прокурор направляет судебному приставу требование составить и вручить обвиняемому процессуальный акт, обязывающий его явиться в суд для разбирательства. Не исключается и третий (упрощенный) способ возбуждения уголовного преследования – вызов в протокольной форме и немедленный привод.

Стало быть, предварительное расследование производится в досудебной (полицейское дознание) и в судебной форме (предварительное следствие).

Исходя из этого, А.И. Лубенский и констатирует, что акт возбуждения уголовного преследования является «естественной границей», отделяющей дознание от предварительного следствия [23]. Судебная полиция считается основным субъектом дознания, ибо все процессуальные действия в этой стадии осуществляются ею³ [24].

Роль прокуратуры в производстве дознания выражена в статьях 12 и 13 УПК Франции, где сказано, что судебная полиция действует под руководством прокурора республики и под наблюдением Генерального прокурора. Исходя из узаконений статьи 16 УПК Франции, офицер судебной полиции не может выполнять своих обязанностей, даже будучи назначенным на должность, до тех пор, пока не будет наделен полномочиями постановлением Генерального прокурора при апелляционном суде, в котором указываются их срок и объем. Прокурор санкциониру-

³ В литературе данный аспект иногда рассматривается как административный, имеющий, однако, определенное процессуальное значение.

ет проведение ряда следственных (процессуальных) действий, например, продление срока задержания. Только он вправе издать приказ о приводе подозреваемого и его допросе. Но самое важное положение декларировано в статье 68 УПК Франции, согласно которой прокурор Французской Республики обладает всеми правами по ведению дознания очевидных преступлений (проступков), которыми наделена судебная полиция [18].

Интересно заметить, что прибытие на место происшествия прокурора автоматически лишает судебную полицию всех процессуальных полномочий. Она может их получить после этого лишь по его специальному распоряжению.

Статья 72 УПК Франции провозглашает, что следственный судья вправе осуществлять любые действия судебной полиции во время дознания по очевидным преступлениям (проступкам). Более того, его прибытие на место происшествия лишает полномочий не только судебную полицию, но и прокурора. Процессуальные функции следственного судьи во время дознания аналогичны функциям прокурора Французской Республики. В связи с этим целесообразно согласиться с бытующим мнением, согласно которому: «Следственный судья крайне редко ведёт дознание, поэтому статья 72 УПК Франции давно устарела и требует отмены» (профессор Л.В. Головкин).

Полиция осуществляет предварительное расследование по поручению следственного судьи, собирает необходимую информацию, обеспечивает явку участников уголовного процесса по повесткам в суд, исполняет ордера на арест, вручает адресатам документы, исходящие от судебной полиции, и проч.

Согласно части 1 статьи 81 УПК Франции «следственный судья вправе совершить любое следственное действие, которое сочтет необходимым в целях установления истины». Наиболее распространенными из них являются: осмотр места происшествия, до-

прос, очная ставка, обыск, выемка и экспертиза. Он вправе давать поручения судебной полиции о проведении следственных действий, кроме допроса обвиняемого и очных ставок. Для него обязательны требования прокурора, но в некоторых ситуациях он вправе с ними не согласиться [25].

Французские процессуалисты в целом положительно оценивают дознание по очевидным преступлениям, позволяющее быстро устанавливать и изобличать преступников, незамедлительно подтверждать факт уголовно наказуемого деяния и собирать достаточное количество улик. Можно видеть, что судебная полиция наделена здесь столь же обширными полномочиями, что и следственные судьи, осуществляющие предварительное следствие.

Окончив дознание, полиция передает материалы прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. Гражданский истец в уголовном процессе Франции отсутствует.

Характерной чертой полицейского расследования является и то, что по его окончании составляется заключительный доклад. Моментом его завершения становится передача дела в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении публичного уголовного иска. По несложным уголовным делам о незначительных преступлениях заключительный доклад не составляется, сформированные материалы направляются прокурору с сопроводительным письмом, в котором указывается лишь повод для расследования и лицо, в отношении которого оно проводилось.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что деятельность полиции во Франции носит розыскной характер; она тесно связана с оперативно-розыскными мероприятиями. Разносторонность действий полиции обуславливает неизбежность их контроля со стороны прокуратуры, обвинительной камеры, в части, касающейся следственных действий, и вышестоящих полицейских чинов [26].

Список литературы

1. Киселев А.К. Юго-Восточная Европа: реформы правоохранительных структур на рубеже XX- XXI в. // Научные ведомости. 2014. № 21 (192). Выпуск 52. С. 181-188.
2. Трефилов А.А. Уголовный процесс Лихтенштейна: доказательства и доказывание, следственные действия, меры принуждения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 55.
3. Смирнов А.В. Уголовное судопроизводство: мировые тенденции и российские перспективы // Перспективы уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы 2-ой международной научно-практической конференции 11, 12 апреля 2012 года. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 139.
4. Боботов С.В. Правосудие во Франции. М., 1994. С. 131-132.
5. Божьев В.П. Уголовный процесс. М., 2004. С.633.
6. Амбасса Л.Ш. Организация предварительного следствия во Франции на современном этапе // Государство и право. 1999. № 1. С. 109.
7. Григорьев Д.А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: дис.... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2018. С. 69.
8. Головкин Л.В. Реформа уголовного судопроизводства Англии // Государство и право. 1996. № 8. С. 129.
9. Мороз О.Б. Организационно-правовые основы деятельности полиции государств Западной Европы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12-28.

10. Губанов А.В. Полиция государств Западной Европы: основные черты организации и деятельности: учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. С. 10-22.
11. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб, 2006. С. 238-241.
12. Яковлев К.Л., Яковлева Е.И., Яковлева О.Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран: монография. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 45-61.
13. Герасимов А.П. Местная полиция во Франции // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. СПб., 1995. Ч. 1. С. 18-23.
14. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugolovnym-delam-vo-francii.html> (дата обращения – 30.06.2021).
15. O. Denis, L'enquete preliminaire. Etude theorique et pratique. Paris, 1974. p.14.
16. J.-Cl. Soyer. Droit penal et procedure penale. Paris, 1992. p. 246.
17. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции: научно-практическое пособие. М., 2016. С. 325.
18. Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие по уголовным делам во Франции: основные тенденции развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 24-26.
19. Матвеев С.П. Организация полицейской деятельности: французский опыт // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 147-153.
20. Шпагина Ю.В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 81.
21. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 308-315.
22. Махов В.Н. Роль прокурора и органов дознания в уголовном преследовании // Законность. 2008. № 7. С. 27-30.
23. Лубенский А.И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977. С. 8.
24. Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С.13.
25. URL: <https://lib.sale/ugolovnyiy-protsess-uchebnik/ugolovnyiy-protsess-frantsii.html> (дата обращения – 13.07.2021).
26. URL: <https://student-servis.ru/spravochnik/ugolovnyiy-protsess-frantsii/> (дата обращения – 30.06.2021).

References

1. Kiselev A.K. Southeast Europe: Reforms of Law Enforcement Structures at the Turn of the 20th-21st Centuries. // Scientific statements. 2014. № 21 (192). Release S2. pp. 181-188.
2. Trefilov A.A. Criminal procedure of Liechtenstein: evidence and proof, investigative actions, coercive measures // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. № 6, p. 55.
3. Smirnov A.V. Criminal Proceedings: World Trends and Russian Perspectives // Perspectives of Criminal Procedure Law and Criminalistics: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference April 11, 12, 2012. Moscow: Russian Academy of Justice, 2012, p. 139.
4. Bobotov S.V. Justice in France. M., 1994, p. 131-132.
5. Bozhev V.P. Criminal process. M., 2004, p.633.
6. Ambassa L.Sh. Organization of the preliminary investigation in France at the present stage // State and Law. 1999. № 1, p. 109.
7. Grigoriev D.A. Differentiation of the procedural form of the production of inquiry: thesis cand. legal Sciences. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, p. 69.
8. Golovko L.V. Reform of criminal justice in England // State and Law. 1996. № 8, p. 129.
9. Moroz O.B. Organizational and legal bases of activity of police of the states of Western Europe: Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences. M., 2004, p. 12-28.
10. Gubanov A.V. Police states of Western Europe: the main features of the organization and activities: a textbook. M.: VNII MVD USSR, 1990, p. 10-22.
11. Stoyko N.G. Criminal procedure of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems. St. Petersburg, 2006, p. 238-241.
12. Yakovlev K.L., Yakovleva E.I., Yakovleva O.N. State-legal foundations of the organization of law enforcement agencies of foreign countries: monograph. M.: INFRA-M, 2011, p. 45-61.
13. Gerasimov A.P. Local police in France // Using foreign experience in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. SPb., 1995. Part 1, p. 18-23.
14. URL: <http://www.dslib.net/criminal-process/doznanie-i-predvaritelnoe-sledstvie-po-ugolovnym-delam-vo-francii.html> (Accessed 30.06.2021).
15. O. Denis, L'enquete preliminaire. Etude theorique et pratique. Paris, 1974, p.14.
16. J.-Cl. Soyer. Droit penal et procedure penale. Paris, 1992, p. 246.
17. Barabanov P.K. The criminal process of France: a scientific and practical guide. M., 2016, p. 325.
18. Golovko L.V. Inquiry and preliminary investigation in criminal cases in France: the main development trends: thesis ... cand. legal Sciences. M., 1995, p. 24-26.

19. *Matveev S.P.* Organization of police activity: French experience // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4, p. 147-153.
20. *Shpagina Yu.V.* Criminal procedural activity of the police as a body of inquiry: theoretical and legal foundations and law enforcement practice: thesis ... cand. legal Sciences. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, p. 81.
21. *Gutsenko K.F., Golovko. K.F., Filimonov B.A.* Criminal process of Western states. M., 2001, p. 308-315.
22. *Makhov V.N.* The role of the prosecutor and the bodies of inquiry in criminal prosecution // Legality. 2008. № 7, p. 27-30.
23. *Lubensky A.I.* Preliminary investigation under the legislation of the capitalist states. M., 1977, p. 8.
24. *Golovko L.V.* Inquiry and preliminary investigation in the criminal process of France. M., 1995, p.13.
25. URL: <https://lib.sale/ugolovnyiy-protsess-uchebnik/ugolovnyiy-protsess-frantsii.html> (Accessed 07.13.2021).
26. URL: <https://student-servis.ru/spravochnik/ugolovnyj-protsess-frantsii/> (accessed 30.06.2021).

Филимонова Анастасия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права юридического института,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир,
filimonova_ai508@mail.ru

Крючков Матвей Алексеевич,

студент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир,
kryuchkovmatv@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Авторы устанавливают закономерности применения цифровых технологий на разных стадиях правоприменительной деятельности. На этой основе сделаны предложения о перспективе применения цифровых технологий в юридической практике. Обозначены пути решения возможных проблем. Приводятся примеры из правоприменительной и иной правореализационной практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, реализация права, правоприменение.

Anastasia I. Filimonova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Law
Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir,
filimonova_ai508@mail.ru

Matvey A. Kryuchkov,

Student, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir,
kryuchkovmatv@yandex.ru

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT: POTENTIAL AND PROSPECTS

Abstract. The authors establish patterns of application of digital technologies at different stages of law enforcement. On this basis, proposals are made about the prospects for the use of digital technologies in legal practice. The ways of solving possible problems are indicated. Examples from law enforcement and other law enforcement practice are given.

Keywords: artificial intelligence, implementation of law, law enforcement.

С каждым днем искусственный интеллект находит все большее применение в разных сферах общественной жизни: бизнесе, образовании, государственном управлении и др. Цифровизация – глобальная тенденция, нашедшая отражение в разных правовых культурах. В юриспруденции применение современных технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, нашло свое отражение на разных стадиях правового регулирования [1]. Особое значение приобретает использование искусственного интеллекта в применении права [2]. Правоприменение, как и любая человеческая деятельность, не лишена проблем. Они носят как объективный, так и субъективный характер. Рассмотрим, каким образом применение искусственного интеллекта и других информационных

технологий на различных стадиях правоприменения позволяет решить **некоторые из них.**

Наиболее активно технологии искусственного интеллекта применяются на первой стадии правоприменения – стадии установления и анализа фактических обстоятельств дела. Например, в оперативно-розыскных и следственных действиях и мероприятиях, в дознании, в криминологии и криминалистике, в противодействии киберугрозам и террористическим угрозам государству и обществу выделяются следующие направления применения систем искусственного интеллекта: составление психологического портрета преступника путем профилирования, распознавание лиц, создание фотороботов, экспертиза документов, отслеживание и трассировка интернет-трафика по

дозреваемых лиц в сети Интернет и коммуникаций между подозреваемыми лицами в сети Интернет [3].

Определенный потенциал системы искусственного интеллекта проявляют в прогнозировании преступлений. Например, в США алгоритмы искусственного интеллекта на основе данных о произошедших правонарушениях прогнозируют, где и когда они могут повториться в будущем. В то же время эта практика имеет определенные недостатки ввиду особенностей систем искусственного интеллекта – например, «алгоритмической предвзятости» (которая, как отмечается в специальных исследованиях, может быть как намеренной, так и естественной, образовавшейся из-за особенностей исходных данных) [4].

Технологии, которые возможно использовать на второй стадии (выбор правовой нормы, по которой надлежит разрешить дело), третьей стадии (проверка юридической силы и толкование выбранной нормы) и четвертой стадии правоприменения (вынесение правоприменительного акта) в данный момент находятся на этапе разработки. Но первые шаги в данном направлении уже сделаны. Например, с 2022 года планируется ввести суперсервис «Правосудие онлайн». Предполагается, что он позволит гражданам не только подавать и получать документы дистанционно, но и участвовать в заседаниях «онлайн», причем идентификация участников процесса будет осуществляться по биометрическим данным.

Повышению независимости судей будет способствовать внедрение автоматизированных систем распределения дел между судьями, позволяющих формировать судебные составы с помощью компьютерной программы с учетом уровня нагрузки и специализации каждого судьи [5].

Пятая стадия правоприменения (контрольно-исполнительная стадия) связана с реальным исполнением принятого акта. С целью выполнения функций по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также правоприменительных функций и функций по контролю и надзору в 1998 году в Российской Федерации возрожден институт судебных приставов.

На данный момент искусственный интеллект используется на указанной стадии в формате апробации. Например, осенью 2018 года Банк «ВТБ» и Федеральная служба судебных приставов инициировали проект, предусматривающий электронный документооборот через сервис межведомственного электронного взаимодействия [6]. В конце августа 2019 года были подведены результаты тестирования в Москве системы поиска должников при помощи городских камер видеонаблюдения (система «Электронный город»). Как сообщается в СМИ, таким образом удалось обнаружить 27 должников [7].

Таким образом, уже сегодня искусственный интеллект и в целом цифровые технологии **помогают решить** ряд проблем в процессе правоприменения, формируют правовую грамотность и правосознание субъектов права, активно используются в оперативно-розыскных и следственных действиях и мероприятиях, в дознании, в криминологии и криминалистике, в противодействии киберугрозам и террористическим угрозам государству и обществу.

В настоящее время искусственный интеллект способен оптимизировать многие процедуры **реализации права**, ускорив решение вопросов и исключив «человеческий фактор» из процесса, тем самым повысив эффективность результатов работы. С развитием обучаемых интеллектуальных систем стали появляться вопросы о возможности замены судей и представителей сторон «электронными юристами». Тем не менее, Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года предусматривается ограниченное применение систем искусственного интеллекта при принятии юридически значимых решений. При этом законодательство Российской Федерации должно допускать только точечное «делегирование» определенных решений системам искусственного интеллекта, где это объективно целесообразно и не несет угрозы основополагающим правам и свободам человека, обороне страны и безопасности государства [8].

В настоящее время мы являемся свидетелями становления международной и национальных систем нормативного регулирования общественных отношений в сфере технологий. В Российской Федерации этот процесс осуществляется последовательно и достаточно интенсивно. Федеральные органы власти форсируют принятие решений по данной проблеме и демонстрируют комплексный подход к правовому регулированию отношений в области цифровой экономики.

На наш взгляд, нормативно-правовое регулирование в области цифровых технологий должно создаваться поэтапно в соответствии с утвержденной Указом Президента РФ Национальной стратегией развития искусственного интеллекта. При этом необходимо учитывать результаты мониторинга эффективности экспериментальных правовых режимов в субъектах Российской Федерации, установление которых закреплено принятыми законами в сфере цифровых инноваций [9]. Кроме того, нашему государству необходимо принимать активное участие в создании международной системы нормативного регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, изучать и перенимать передовой опыт других стран в данном направлении.

Следует также учитывать, что правоприменение представляет собой творческую деятельность человека, в которой немалую роль играет правосознание субъекта. В свою очередь, на формирование

правосознания влияют различные факторы, в том числе неправовые. Следовательно, на данном уровне развития технологий использование искусственного интеллекта должно ограничиваться рутинными и, главное, подконтрольными человеку процессами

[10]. В то же время нужно отметить, что использование информационных технологий на разных стадиях юридического процесса позволит устранить пробелы и коллизии в праве, снизит риски принятия несправедливых судебных решений.

Список литературы

1. Авдеев Д.А., Погодина И.В. Современные технологии как средство вовлечения граждан в нормотворческую деятельность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 6-8.
2. Москаев А.Н. Правоприменительная деятельность исполнительной власти: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008. 30 с.
3. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8-12.
4. Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 488-515.
5. Зайчиков, Я.В. Некоторые аспекты процессуального статуса председателя суда в гражданском процессе (на примере административного судопроизводства) // Администратор суда. 2020. № 1. С. 21-26.
6. ВТБ запустил систему электронного документооборота с ФССП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2018/10/2018-10-11-vtb-zapustil-sistemu-elektronnogo-dokumentooborota-s-fssp/> (дата обращения 04.05.2022).
7. Столичные приставы впервые разыскали должников с помощью системы «Безопасный город» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/6790906?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 04.05.2022).
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005/> (дата обращения 04.05.2022).
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024/> (дата обращения 04.05.2022).
10. Головкин Р.Б., Косых А.А., Зыбин П.Д. Искусственный интеллект в правовом регулировании общественных отношений // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2020. № 2. С. 181-186.

References

1. Avdeev D.A., Pogodina I.V. Modern technologies as a means of involving citizens in rule-making activities // Civil society in Russia and abroad. 2020. № 2. pp. 6-8.
2. Moskaev A.N. Law enforcement activity of the executive power: abstract. dis. on the job. learned. step. cand. jurid. sciences: 12.00.01. M., 2008. 30 p.
3. Morkhat P.M. Possibilities, features and conditions of artificial intelligence application in legal practice // Court administrator. 2018. № 2.
4. Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Panini F. Bias of artificial intelligence algorithms: issues of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. Issue 53. C. 488-515.
5. Zaichikov Ya.V. Some aspects of the procedural status of the chairman of the court in the civil process (on the example of administrative proceedings) // Court Administrator. 2020. № 1. pp. 21-26.
6. VTB launched an electronic document management system with FSSP [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2018/10/2018-10-11-vtb-zapustil-sistemu-elektronnogo-dokumentooborota-s-fssp/> / (date of appeal 04.05.2022).
7. The capital's bailiffs for the first time found debtors using the "Safe City" system [Electronic resource]. Access mode: https://tass.ru/obschestvo/6790906?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 04.05.2022).
8. Decree of the Government of the Russian Federation № 2129-r dated August 19, 2020 // Official Internet portal of legal information – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005/> / (accessed 04.05.2022).
9. Federal Law № 258-FZ of 31.07.2020 "On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation" // Official Internet portal of Legal Information – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024/> / (accessed 04.05.2022).
10. Golovkin R.B., Kosykh A.A., Zybin P.D. Artificial intelligence in legal regulation Public Relations // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. № 2. pp. 181-186.

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва,
Aleksandrcher@mail.ru

ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ПОЛИТИКИ ПРАВА В ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. В статье автор, полагая, что философия права является отраслью философии о человеке, которая имеет целью познать положение человека и человеческой культуры в развитии государства, обосновывает, что право, как и другие явления культуры, возвышается на степень философии стремлением познать его значение в общем мировом порядке. Из всего этого мы видим, считает автор, что если иметь в виду только стремления и цели современного развития и сообразно этому определить, как следует изобразить современное право, то мы не создадим философии права в нашем смысле, и это, соответственно, является задачей политики права или правовой политики, так как она в лучшем случае ведет нас к познанию известной степени культуры, а не к уяснению значения права в истории мироздания.

Ключевые слова: культура государства, исторический период, философия права, правовая политика, анализ истории культуры.

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Constitutional (State) and International Law, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow,
Aleksandrcher@mail.ru

DOES THE CULTURE OF THE STATE DETERMINE THE TASKS OF THE PHILOSOPHY OF LAW AND THE POLITICS OF LAW IN THE STATE

Abstract. In the article, the author, believing that the philosophy of law is a branch of philosophy about man, which aims to know the position of man and human culture in the development of the state, justifies that law, like other cultural phenomena, rises to the degree of philosophy by striving to know its significance in the general world order. From all this we see, the author believes, that if we keep in mind only the aspirations and goals of modern development and accordingly determine how modern law should be depicted, then we will not create a philosophy of law in our sense, and this, accordingly, is the task of the politics of law or legal policy, since it is at best it leads us to the knowledge of a certain degree of culture, and not to the understanding of the meaning of law in the history of the universe.

Keywords: state culture, historical period, philosophy of law, legal policy, analysis of cultural history.

Философия права является отраслью философии о человеке, то есть той философии, которая имеет целью познать положение человека и человеческой культуры в развитии конкретного государства. Право, как и другие явления культуры, возвышается на степень философии стремлением познать его значение в общем мировом порядке. Философия права рассматривает человека, как носителя культуры и, так как культура находится в постоянном развитии, ибо иначе человечество и мир погибли бы, то философия права имеет задачей познать право, как нечто постоянно развивающееся и прогрессирующее [1]. Поэтому не было более неправильного и более

нефилософского мнения, чем то, что философия права должна исследовать естественное право, истинное для всех времен и свести его, так сказать, с неба на землю, но при этом совершенно забывая о том, что культура и ее проявления представляют собой нечто иное, чем законы природы, вечно остающиеся неизменными. Правда нужно учитывать, что все развитие человечества совершается в конечном итоге по законам животного и духовного мира. Но из этих законов вследствие постоянно нового смешения сил вытекает всегда нечто особое, нечто новое. Из единства человеческой природы заключить о существовании вечно неизменного права было бы такой же ошибкой, как

считать, что если законы природы остаются неизменными, то и явления природы никогда не могут видоизменяться.

Признание существования неизменного права было бы такой же ошибкой. Оно могло быть оправдано только при допущении, что человек создан совершенным с самого начала и предназначен постоянно пребывать в этом состоянии, то есть при том предположении, что наиболее соответствующим для него является райское состояние. Такой взгляд и был усвоен теологией и с этой точки зрения вполне правильно и последовательно было верить в право, установленное Богом и потерянное вследствие грехопадения.

Однако уже Фома Аквинский в своей работе «Краткое изложение теологии» (*Summa theologiae*, 1225-1274), признает существование вечного закона (*lex aeterna*), он полагает, что *lex naturalis* в существе своем одинаков у всех народов, но допускает исключения и думает, что содержание этого закона может расширяться и сужаться. Еще определеннее в том же смысле высказывается великий ученик Аквинского, Данте, который говорит, что, ибо нации, царства и государства имеют между собою свойства, которые должны регулироваться разными законами. Ибо закон есть директивное правило жизни. Ибо в остальном должны быть правильными скифы, которые, находясь вне седьмого климата и страдая от великого неравенства дней и ночей, угнетены невыносимым холодом, так сказать, стужей холода; иначе обстоит дело с гарамантами, которые, имея на экваторе и всегда уравнивая дневной свет темнотой ночи, не могут прикрыться одеждой из-за чрезмерной жары воздуха (Dante Alighieri, *De Monarchia*, 1312-1313) [2]. Сюда же можно отнести и утверждение из «Рая» Данте. Здесь было уже такое глубокое воззрение, по отношению к которому естественно-правовая школа до времен Гегеля представляет шаг назад [3].

Но по причине скорого отказа от этого теологического воззрения, идея о прирожденном вечном праве не могла уже иметь никаких разумных оснований, из каких бы отвлеченных основ она ни исходила.

Она противоречила жизни людей как явлению культуры. Она исходила из того положения, что к человеку применима только одна неизменная норма, как будто культура не вызывает необходимости в вечно новых нормах и будто культурный прогресс – что-то второстепенное, не захватывающее самого существа человека. Это такое же ошибочное воззрение, как и вера в существование всемирного языка, при котором чтобы разяснить разнообразие существующих языков, пришлось бы прибегнуть к помощи вавилонского столпотворения.

Но только в 16-м столетии естественное право было разработано как особая система. А в 17-м веке получило благодаря трудам Гуго Гроция тот облик, в

котором оно совершило свое победоносное шествие по свету.

Правда не без значительного сопротивления, в особенности со стороны теологов, которые называли систему Гроция «империей абсурда» (imprimus absurdum), как, например, Валентин Альберти. Наиболее выдающимся противником Гроция был Джон Сельден, в своей работе «О естественном законе и о язычниках по учению евреев» [4]. О Сельдене и его позициях подробно писал Штернберг [5]. О некоторых других противниках Гроция того времени можно прочитать у Бергбома [6].

Последователями Гроция был целый ряд выдающихся ученых: Гоббс, Пуфендорф, Лейбниц, Томазий, которые исходили из его мыслей в своих учениях, а в Вольфе оно нашло своего последнего выдающегося приверженца и свое последнее выражение, правда весьма неглубокое и туманное.

Нужно отметить, что падение естественного права является великой заслугой Гегеля. Его теория развития, приняв в противоположность началу постоянного, неизменно сущего начало вечного изменения и развития, тем самым объявила войну естественному праву, то есть всякому вечному праву разума. Но еще важнее были результаты сравнительного правоведения [7]. Последнее указало нам столь удивительное развитие права, о котором прежде не имели никакого представления. Оно раскрыло перед нами правовые учреждения, оно указало на образования, столь же уклоняющиеся от наших, как формы языка Банту от форм греческого языка. Предположение, что все это право было ничем иным, как смешным заблуждением, оказалось настолько неисторическим и настолько противным этнографии, что дальнейшее рассуждение по этому поводу было вовсе невозможно и так же ошибочно, как если бы утверждать, что язык краснокожих ничто иное, как бессвязная смесь звуков, тогда как достоверно известно, что он является языком весьма тонким и образным. Вместе с тем мы должны были прийти к убеждению, что право есть и должно быть различным и что никакая форма права не может претендовать на вечное существование [8].

Правда, появился вопрос, не может ли быть по крайней мере общее правовое развитие подводимо под некоторые единые основные правовые положения и в особенности, не могут ли известные правовые положения политики права притязать на одинаковое значение для всех периодов развития. Особенно много говорят об оценке с точки зрения справедливости, в частности о том, что равное должно оцениваться одинаково и что правовой порядок не должен уравнивать различия между лицами одинаково достойными, отдавая одним предпочтение перед другими. Это известное положение Никомаховой Этики.

Но здесь речь идет в общем о шаблонах, которые могут быть осуществленными только в силу требования известного культурного периода. Каждый культурный период решает сам для себя, кто достоин и кто нет, кто виновен и кто прав, какие лица равны и какие неравны. Вообще же все эти предписания исходят из той мысли, что право должно развиваться в зависимости от состояния культуры, на той или другой ступени его развития. Последняя же конечно требует, чтобы тот имел право, которому предоставляется его соответствующая культура, и чтобы равное достоинство было выражено и в равном управомочии, а неравное в неравном. Известный культурный период может быть, например, проникнут идеей, что различные классы людей должны занимать неодинаковое положение и принимать различное участие в государственной жизни, как например высшие и низшие касты у индусов или дворянство у восточных и западных народов. Далее известный культурный период может требовать, чтобы служители религии пользовались особым уважением и занимали исключительное положение в государстве. Известный культурный период может установить различное отношение к гражданам и иностранцам и может даже лишить последних всяких прав, а также может установить ответственность отдельных лиц за действия членов их семьи и ответственность отдельных лиц за действия отдельных ее членов. Он может объявить наказуемыми деяния и не заключающие в себе вины. И подобного рода определениям также не может быть отказано в рассмотрении их с правовой точки зрения, как, например, положению нашего права, что в случае возникновения войны с каким-либо государством мы имеем полное право уничтожать армию противника и убивать его солдат, поскольку этого требуют интересы ведения войны.

О единстве основного принципа поэтому не может быть и речи, так как тот принцип, что каждый культурный строй должен трактовать являющееся в его достойным таким, а все прочее недостойным и не имеющим ценности, выражает ни что иное, как то, что каждый культурный строй есть только известный строй культуры и ничего более¹.

¹ То, что признавалось схоластиками естественным правом, пестрит подобными шаблонами. Так иезуит Виктор Катрейн в своем сочинении (Victor Cathrein, *Recht, Naturrecht und positives Recht. Eine Kritische Untersuchung der Grundbegriffe der Rechtsordnung*, Freiburg im Breisgau, St. Louis, Mo. [etc.], Herder, 1909, S.47) говорит, что каждый должен иметь свое: право устанавливает общие принципы, как, например, положение, что договоры должны быть исполнены, но какие договоры допустимы, это подлежит определению положительного права; естественным правом является право отчуждать свою собственность, но закон может запретить или ограничить продажу некоторых товаров, если это полезно или необходимо для всеобщего блага (там же с. 281-282).

Одна только точка зрения могла бы требовать себе всеобщего признания, это святость и достоинство труда, но и здесь также мы имеем дело только с шаблоном, осуществляющимся только одной культурой. Ведь те явления, о которых мы не имеем понятия, как, например, суеверные обряды и др. считались в свое время весьма важными и пристойными, в то время как с другой стороны наша торговая и экономическая деятельность некоторыми народами считалась второстепенной, а занятие искусствами очень часто даже почиталось недостойным свободного гражданина. И в этом случае можно сказать только то, что труд должен трактоваться в праве в зависимости от оценки его тем или другим культурным периодом.

Таким образом все относительно и можно только говорить о том, что:

1. *Право известного культурного периода рассматривает вещи согласно своему мировоззрению.*
2. *Что такое право соответствует состоянию культуры своего времени или нет, почему и требуется возможное его изменение.*

Далее перейдем к праву как состоянию культуры. Ведь если естественное право таким образом и опровергнуто, то нельзя все-таки рассматривать право, как явление внешнее, лишенное всяких рациональных основ, которое совершенно случайно образова-

Другими словами, естественное право может сказать одно, а положительное совершенно иное по тому же самому вопросу, так как если можно запретить одну продажу, то можно также запретить и сто продаж. Но этим ничего не достигается. Можно ли на основании положений естественного права решить, должна ли в отдельном случае иметь место личная или имущественная ответственность за неплатеж долгов, или считается ли присяга в процессе справедливым правом? Ученые древних времен уже лучше сознавали это. И то обстоятельство, что на основании воображаемого естественного права в Австрии и Италии ставили большие препятствия совершению разводов, является сильным предостережением. Утверждали, что объединение права было бы невозможно, если бы только некоторые институты, как, например, собственность, обязательное, наследственное право, не носили бы всюду одинаковый характер – это неправильно. И конечно всегда существуют некоторые отношения человека к вещи, человека к человеку (отношения полов, кровная связь, отношения, вытекающие из сделок мены). Эти отношения приводят нас к целому ряду типичных отношений, но эти типы составляют исходный пункт для самых различных прав. Разве можно назвать большее различие, чем то, которое мы замечаем между современным обязательственным правом и обязательственным правом древних времен, налагавшим на несостоятельного должника цепи рабства? То обстоятельство, что оба названных института носят название обязательственного права, может быть оправдано только историческим развитием. Точно такое же отношение мы видим между коммунизмом эскимосов или между аграрными порядками племени Бантус и нашим понятием собственности (см. Victor Cathrein, *Recht, Naturrecht und positives Recht. Eine Kritische Untersuchung der Grundbegriffe der Rechtsordnung*, Freiburg im Breisgau, St. Louis, Mo. [etc.], Herder, 1909).

лось в такую форму, а не в иную. Это величайшая ошибка, в которую впали некоторые из противников естественного права. Они пришли к позитивизму, который вообще воспрещал всякое суждение о действующем праве и даже оспаривал у юриста право судить о праве и его развитии и предпринимать оценку позитивного правового порядка, другими словами хотели искоренить не только естественное право, но и философию, и политику права. Так поступали потому, что неправильно понимали задачи философии права и правовой политики. Хотя право и представляется вечно изменяющимся и развивающимся, но оно не является чем-то внешним и произвольным, а покоится своими корнями в глубине народного духа и соответствует культурным течениям, господствующим в народе, будут ли это все его члены или отдельные выдающиеся личности. С этой точки зрения право, конечно допускает оценку. Его нужно постольку оценивать, насколько оно удовлетворяет культуре и культурным потребностям народа. Сообразно культуре и ее потребностям мы создаем идеал, которому должно удовлетворять право в известное время [9]. Позитивизм² сам собой разрушится, если имеет в виду проблему законодательства. Если бы содержание права было безразлично, то не было бы необходимости в обсуждении законов, было бы совершенно достаточно бросить в урну различные юридические возможности и по жребию вынуть то или иное. Вот куда ведет позитивизм, как и вообще всякая теория права, отрицающая философию права.

Итак, право создается на основе культуры. Но оно, как и всякий элемент культуры, является двули-

ким Янусом. Исходя из предшествующей культуры, оно способствует подготовке почвы для культуры грядущей. Вытекая из разумных стремлений известного периода, оно служит прогрессу культуры и вместе с тем работает над созданием новой культуры, а в то же время над разрушением своей собственной. Каждое право – Эдип, убивающий своего отца и начинающий со своей матерью новое поколение.

Философия права в виду вышеуказанного должна рассматривать право, как нечто постоянно изменяющееся и прогрессирующее и представить, как оно, покоясь на культуре, носит на себе печать старой культуры и в то же время прокладывает путь культуре новой. Поэтому философия права должна стоять на почве эволюционной теории. Всякая философия права, отклоняющаяся от эволюционной теории, по крайней мере не объективна. Философия права должна стоять на почве общей философии, ибо невозможно вообще никакое познание развития человечества, равно как и понятия развития вообще, если не иметь представления об общем мировом строе и его значении. Без сомнения, философия права возможна лишь на почве идеальной философии, ее существование немыслимо на почве позитивной философии, которая, основываясь на кантовских положениях, считает, что нам вовсе не дано возможности заглянуть за пределы мировых явлений.

Философия права не возможна только на почве материализма, не признающего вообще существования чего-либо, витающего над миром явлений. Философия, на которую право могло бы опереться, может быть только такой, при которой через явления проникают в нечто более глубокое. И теория познания является лишь постольку философией, поскольку она нас готовит к восприятию последующей философии. Кто сводит все в последнем основании к миру явлений, более или менее соответствующему внешним восприятиям, тот может удовлетворяться тем, что нашей задачей является познание явлений мира, как явлений вселенной, описание их и по возможности объяснение господствующей в них внешней закономерности – но это вовсе не философия и не может быть также и философией права в нашем смысле.

На это можно возразить, что область за границами мира явлений принадлежит вере, а не знанию, но это неправильно. Вера показывает нам в фантастических красках и образах то, что философия должна изобразить в действительности. Вера стремится охватить с помощью одного чувства то, что философия должна изобразить в действительности. Вера стремится охватить с помощью одного чувства то, что мы познаем нашим пытливым умом из наблюдений над вселенной. Как эстетик расчленяет на составные части впечатление, произведенное на него созерцанием картины и показывает нам, в чем заключается ее

² Вопрос о том, может ли судья также оценивать разумность позитивного права и поэтому в известных случаях объявлять его неприменимым, в средние века неоднократно решался в утвердительном смысле. Этот вопрос имел и имеет значение в Соединенных Штатах, хотя особенно в том отношении, что неразумные законы отдельных штатов лишаются силы перед союзным правом, об этом уже в XIX-м веке писал Мюллер в своей работе «Право народа». К подобному же мнению склонялась в Германии так называемая «Школа свободного права» (Freirechtsschule), которая представляла собой только преувеличение самого по себе правильного положения, что осуществление права должно стремиться быть разумным, положение, которое проводил в жизнь Иосиф Коллер, в особенности в работе «Шекспир перед судом юриспруденции» (Josef Kohler, Shakespeare vor dem Forum der Iurisprudenz, Würzburg, Stahel, 1883) и позднее в работах Макса Румпфа и Карла Шмитта (см. Max Rumpf, Gesetz und Richter. Versuch einer Methodik der Rechtsanwendung, Berlin, O. Liebmann, 1906; Max Rumpf, Volk und Recht, Oldenburg, Gerhard Stalling, 1910; Max Rumpf, Der Strafrichter, Berlin, C. Heymann, 1912; C. Schmitt, Gesetz und Urteil, Berlin, O. Liebmann, 1912). Не выдерживающей критики с позитивной точки зрения будущего права является система Бергбома, так как осуждаемый им дуализм в праве является с ранних времен источником прогресса (см. Carl Bergbohm, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie; kritische Abhandlungen, Leipzig, Duncker & Humblot, 1892, S.S. 109, 432).

значение, в чем прелесть и красота изображения. В то время, как обыкновенный наблюдатель получает сразу одним чувственным восприятием эстетическое наслаждение, так и философия стремится познать необъятное, тогда как вера воспринимает его в трепетном предчувствии. Было бы совершенно неправильно пренебречь эстетикой в виду того, что здесь идет дело о восприятии, а не о научном познании.

Такое же точно отношение существует между религией и философией.

Все философские системы, стремящиеся проникнуть вглубь вещей, исходя из принципов монизма³ или дуализма⁴, ищут ли они первопричину, Божество во вселенной или вне ее. Монизм переходит в пантеизм⁵, когда он признает постоянное присутствие в мире Божества, наподобие сияния, исходящего из одного светящегося пункта. В противоположность этому дуализм ищет Божество вне мира, оно должно, по его мнению, так или иначе противопоставляться миру. Примирение между этими двумя началами ищут в сотворении мира, создании его из ничего, которое относят к определенному периоду мироздания.

Однако обе системы не столь различны, чтобы нельзя было найти у них точек соприкосновения. И в особенности дуализм может легко склониться к тому, чтобы рассматривать творение не как единый акт, но как продолжающееся воздействие Божества. Но уже в этом случае может быть переброшен мост к пантеизму.

Наиболее чистой и глубокой является философия Веданты у индусов, в особенности же в той фор-

ме, которая разработана Шанкара⁶.

С философией Веданты тесно соприкасается философия Платона, равно как ведь и неоплатонизм представляет собой только возрождение системы Йога.

В противоположность этому развилась философия Аристотеля, своим учением о высшем благе приближаясь к дуализму, таким образом она сделалась живой опорой томизма⁷, в то время как особенно Иоанн Скотт Эруиген⁸ склонялся к пантеизму, а мистики древних веков сделали последователями учения Йога и неоплатонизма [9].

Философию Аристотеля и Платона объединил Гегель в своем учении об эволюции: наряду с Божественным единством выступает мир явлений, но не на как раз навсегда созданное, а как постоянное творение. Последнее, содержа зачатки мудрости и вели-

⁶ Доктрина, которой учил Шанкара, известна как «недвойственность», то есть рассмотрение божественности в ее тотальности, за пределами всякой двойственности, в том числе между Бытием и Небытием.

Составившие эпоху комментарии Шанкара к Сутрам Веданты, переведены Deussen (1887) и Тибо «Священные книги Востока» (G. Thibaut, The Sacred Books of the East; translated by Various Oriental Scholars, Vol. XXXIV; the Vedanta-Sutras, with the commentary by Sankarakarya, The Clarendon Press (Oxford), 1890). Но философия Веданты не избавилась от ошибок теории познания. Относительно ее положения в индийской философии и других систем учений Sankhya, Kapila, Yoga, Vaisheshika, Lokayata, а также более поздних направлений философии писал Колер (Josef Kohler, Lehrbuch der Rechtsphilosophie, Berlin-Grunewald, W. Rothschild, 1923).

⁷ Томизм (от лат. Thomas — Фома) — учение в схоластической философии и теологии католицизма, основанное Фомой Аквинским. Основной принцип томизма — гармония естественного, то есть человеческого разума и религиозной веры. Концепция томизма сложна и противоречива. С одной стороны, признается необходимость развития науки как инструмента познания мира. Более того, Фома Аквинский предлагает использовать эксперимент, практику в качестве критерия истины. В то же время, томизм провозглашает примат веры над разумом: это означает, что, если научные и религиозные взгляды по какому-то вопросу не совпадают, то предпочтение следует отдать религиозным догмам.

В настоящее время томизм широко распространен в виде неотомизма. Он не отрицает значения частных наук, признавая в определенных границах роль эмпирического знания, использует некоторые постулаты рационализма, ставя их на службу теологии. Неотомисты заявляют, что они пекутся о «правильном истолковании науки». В тоже время они стараются частично обновить, приспособить к науке свои догмы, направить поток новейших достижений наук о природе в русло богословских интерпретаций.

⁸ Иоанн Скотт Эруиген (Johannes Scotus Eriugena, ок. 800-ок. 877) был ирландским католическим философом — неоплатоником, богословом и поэтом раннего средневековья. В Стендфорской энциклопедии философии говорится, что он «является самым значительным ирландским интеллектуалом раннего монашеского периода». Он общепризнан как выдающийся философ (с точки зрения оригинальности) каролингской эпохи, так и всего периода латинской философии, простирающегося от Боэция до Ансельма.

³ Монизм — это философская позиция, которая признает единство мира, а именно сходство всех объектов, входящих в него, взаимосвязь между ними и саморазвитие целого, которое они образуют. Монизм — один из вариантов рассмотрения многообразия мировых явлений в свете единого начала, общей основы всего существующего. Противоположностью монизма является дуализм, который признает два независимых друг от друга начала, и плюрализм, основывающийся на множественности начал.

⁴ Дуализмом (от лат. «dualis», т.е. двойственность) — это философское учение, главным постулатом которого является признание равноправия сознания и материи, души и тела, материального и духовного. Основой дуализма выступает теория о двойственности всякого элемента нашей реальности. И здесь дуализм не входит в противоречие с законами физики, утверждающими, что у всего на этой планете есть противоположность. Главной предпосылкой появления дуализма стало учение Платона о двух мирах: мире реальном и мире идей.

⁵ Пантеизм — это философское учение, в котором Бог объединяется или отождествляется с мирозданием. Сторонники данной концепции исходят из того, что Бога как отдельной личности или некоего высшего разума не существует. Вместо этого они считают, что само мироздание имеет божественную сущность. То есть, пантеизм, по сути, не отрицает существование Бога, но оспаривает саму природу высшего божества, которую ему приписывают традиционные монотеистические религии.

чия, постоянно развивается в направлении полного совершенства, то есть Божества. Это и есть то, что мы называем эволюцией [9]. Если таким образом, если мы представляем себе человека, как мировое явление, то деятельность его протекает в области вездесущего и культура является ничем иным, как плодом постоянного воздействия Божественного величия с целью осуществить Божественные замыслы. Таким путем культура приобретает твердый базис, метафизическую глубину и то, что мы здесь познаем заставляет нас обращать свои взоры назад и искать вездесущее начало и его проявление. Только таким путем история приобретает значение и смысл. Она не является более результатом событий, а является плодом постоянной Божественной деятельности, она является внешним проявлением Божественного разума. Ее случайные явления не сливаются с процессами мирового развития.

По нашему мнению, в истории будет особенно выделяться один момент, а именно, что человечество будет идти невольно и бессознательно по известным формам развития, во многообразии отдельных лиц заложена масса однообразных зачатков для дальнейшего развития, развивающихся помимо сознания отдельных лиц и принимающих все новые формы. Так развились институты брака, семьи, собственности, так возникла нравственность, без того, чтобы отдельные индивидуумы, которые принимали участие в развитии, имели бы представление о том, к чему стремится это развитие и чего оно достигает. Поэтому философское обоснование не является только делом веры, но и назначением науки, даже если при этом интуиция и играет выдающуюся роль [10]. Целый ряд явлений человеческой жизни немислим, если не иметь в виду идею вечности. В особенности понятие о вине и в связи с ним понятие о свободе воли невозможно создать на почве материалистической или позитивной философии. Ведь многие старались понятие о воле и вине отнести к области веры или вымысла, так как не могли объяснить эти понятия путем позитивизма! Еще гораздо менее понятны явления органического мира и истории с их удивительной целесообразностью, если только не положить в основание их существо, действующее в определенном направлении, существо, которому подчиняется мир явлений. Благодаря ему мировое явление получает силу.

Если мы можем таким путем, минуя чувственный мир, доказать сверхчувственное, то мы переносимся в область науки, а не веры. Подобно этому астрономия имеет дело не только с теми созвездиями, которые мы видим, но и с теми, положение которых мы можем только вычислить, познать из факта нарушения других, за движением которых мы можем следить. Наука должна исходить из чувственного явления, но ошибкой, которой страдает ряд новых си-

стем со времен Канта, является то, что наука, по их мнению, должна останавливаться на чувственном явлении и не стремиться, пренебрегая этим, проникнуть в сверхчувственное.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, необходимо сформулировать ряд задач философии в общем и философии права, в частности. Так как после предложенного нами философского обоснования, задача философии права намечается ясно: события истории права мы должны изображать в связи со всей историей культуры России, мы должны постараться определить значение истории культуры в мировом строе и исследовать, какое влияние в развитии культуры и вместе с тем в развитии мироздания играет каждый правовой институт и его история. Только таким образом возможно существование истории философии права в нашем смысле. Если мы будем иметь в виду только стремления и цели современного развития и сообразно этому определим, как следует изобразить современное право, то мы не создадим философии права в нашем смысле – это является задачей политики права или правовой политики, так как она в лучшем случае ведет нас к познанию известной степени культуры, а не к уяснению значения права в истории мироздания.

Этим произнесен приговор тому учению о праве, которое делает какую-то смесь из римского и германского права, совершенно не думая о том, что и у России и на Востоке существовало свое оригинальное право и что английское и англо-американское право носят черты, значительно отклоняющиеся от этих правовых учений. Только значение всеобщего естественного права дает нам почву для создания философии права, так как только в таком случае мы можем признать право фактором дальнейшей эволюции.

Еще менее мы можем назвать философией права то изображение права, которое выводит его из различных утилитарных стремлений. Поскольку это направление совпадает с предыдущим, просто рассматривая новые цели и намерения и в связи с этим современные правовые учреждения, поскольку имеет для него значение все вышесказанное. Но если мы примем во внимание главное назначение философии права, – нарисовать картину эволюции права вообще, то мы должны признать, что это направление является в корне ничего не выражающим и ошибочным. Если мы рассматриваем стремление к цели, как стремление к познанию оснований Божественного развития мира, то до тех пор мы ничего не скажем одним обозначением цели в области права, пока мировая эволюция и ее цели не будут выяснены или по крайней мере намечены. Но если мы полагаем, что все цели и намерения отдельного человека или всего человечества служат только к достижению счастья, если мы будем убеждены, что эгоистические стрем-

ления отдельных лиц, всюду стараются найти для себя наилучшее, или объединенный эгоизм многих лиц, имеющих в виду общее благо, способствующее счастью отдельных лиц, что именно является правомочным создателем правового порядка, то тогда философствующее учение о целях переходит в какой то бессодержательный эвдемонизм, управляемых в своем корне настолько же ошибочным, настолько же и неосновательным предположением, что возможно более полное счастье является венцом человеческих вожделений. Это мнение совершенно ошибочно, так как в конце концов недалекий человек, живущий исключительно внешней жизнью, с весьма ограниченным кругозором, согласно этой эвдемонистической точке зрения может быть назван необыкновенно счастливым в противоположность тому человеку, который как Фауст, стремится вперед и борется. Согласно этой теории, изобретатель стерилизованного молока более великий человек, чем Гомер и Гете, а устройство общественных столовых – более важное

деяние, чем создание Тристана! И если мы это положение распространим на все человечество и скажем, что нация является самой великой, которая в то же время наиболее счастлива, то этим мы нанесем пощечину всей культуре. Несомненно, что то время, которое произвело величайших мыслителей, поэтов, художников, скульпторов и музыкантов, не носило на себе печать величайшего счастья. Ни век Перикла, ни эпоха Рафаэля не могут быть названы самыми счастливыми временами. Но неопровержимой истиной представляется даже не особенно глубокому уму воззрение, что та нация, которая создает самое великое в области культуры, является величайшей и наиболее отвечающей целям мироздания, а все остальные находят на задворках истории. Такой снобизм прошлого мы наблюдаем сегодня у европейских стран, пытающихся оставить Россию на задворках истории, а почему? Да потому что Россия претендует на свою культурную идентичность и конечно свою философию и политику права, в частности.

Список литературы

1. Чернявский А.Г. Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции. Москва. 2019. С. 19-21.
2. Алигьери Данте Монархия. Москва. "КАНОН-пресс-Ц" – "Кучково поле". 1999.
3. Johann Haring Recht- und Gesetzesbegriff in der katholischen Ethik und vjderen Jurisprudenz. Graz. Verlag von Ulr. Moser's Buchhandlung. 1899. S. 30.
4. John Selden, Joannis Seldeni De jure naturali et gentium, juxta disciplinam Ebraeorum. Libri septem. Lipsiae & Francofurti, apud Jeremiam Schrey. Literis Goderitschianis. 1695.
5. Theodor Sternberg Die Begnadigung bei den Naturrechtslehrern. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, einschliesslich der ethnologischen Rechtsforschung. Stuttgart. Ferdinand Enke. 1899. Bd. XIII. S.321-415.
6. Carl Bergbohm Jurisprudenz und Rechtsphilosophie; kritische Abhandlungen. Leipzig. Duncker & Humblot. 1892. S. 163.
7. Чернявский А.Г. Представление об истории права в российской правовой науке. Право и общество. 2015. № 4 (16). С. 4-44.
8. Чернявский А.Г. Идеология и мировоззрение в формировании правосознания и политической мысли. Образование и право. 2019. № 5. С. 63-67.
9. Josef Kohler Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Grunewald. W. Rothschild. 1923.
10. Чернявский А.Г. Роль и значение идеологии для государства и права. Монография / 2020. Сер. Научная мысль (Изд. 2-е, испр. и доп.). С. 14-17.

References

1. Chernyavsky A.G. Fundamental foundations of law: comparative studies in jurisprudence. Moscow. 2019. P. 19-21.
2. Alighieri Dante Monarchia. Moscow. "KANON-press-C" – "Kuchkovo field". 1999.
3. Johann Haring Recht- und Gesetzesbegriff in der katholischen Ethik und vjderen Jurisprudenz. Graz. Verlag von Ulr. Moser's Buchhandlung. 1899. S. 30.
4. John Selden, Joannis Seldeni De jure naturali et gentium, juxta disciplinam Ebraeorum. Libri septem. Lipsiae & Francofurti, apud Jeremiam Schrey. Literis Goderitschianis. 1695.
5. Theodor Sternberg Die Begnadigung bei den Naturrechtslehrern. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, einschliesslich der ethnologischen Rechtsforschung. Stuttgart. Ferdinand Enke. 1899. Bd. XIII. S.321-415.
6. Carl Bergbohm Jurisprudenz and Rechtsphilosophie; kritische Abhandlungen. Leipzig. Duncker & Humblot. 1892. S. 163.
7. Chernyavsky A.G. The idea of the history of law in Russian legal science, Law and Society. 2015. № 4 (16). pp. 4-44.
8. Chernyavsky A.G. Ideology and worldview in the formation of legal consciousness and political thought. Education and law. 2019. № 5. С. 63-67.
9. Josef Kohler Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin-Grunewald. W. Rothschild. 1923.
10. Chernyavsky A.G. The role and importance of ideology for the state and law. Monograph / 2020. Ser. Scientific thought (Ed. 2nd, corrected and supplemented). pp. 14-17.

Бурцев Юрий Алексеевич,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Таможенного права и организации таможенного дела, Московский психолого-социальный институт, Москва, профессор кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
Yuriy-burtsev@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ЕАЭС

Аннотация. Статья посвящена анализу инструментов таможенно-тарифного регулирования внешней торговли государств-членов ЕАЭС. Проведена работа по рассмотрению понятия и сущности таможенного тарифа, а также по классификации таможенно-тарифных инструментов обеспечения экономической стабильности. Делается вывод о том, что внешнеэкономическая деятельность предполагает использование различных регуляторов, основным из которых является таможенное регулирование. Отмечено, что в свою очередь таможенное регулирование делится на тарифное и нетарифное, в рамках которых страны имеют возможность регулировать внешнеторговые отношения посредством разнообразных инструментов.

Ключевые слова: таможенный тариф, таможенно-тарифное регулирование, внешнеэкономическая деятельность, товарная номенклатура, таможенный контроль, экспортно-импортные операции.

Yury A. Burtsev,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Customs Law and organization of customs affairs, Moscow Psychological and Social Institute, Moscow, Professor at the Department of State and municipal administration and constitutional law, Institute of Business Career, Moscow,
Yuriy-burtsev@mail.ru

APPLICATION OF CUSTOMS AND TARIFF REGULATION OF FOREIGN TRADE TO ENSURE EAEU ECONOMIC STABILITY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the instruments of customs and tariff regulation of foreign trade of the EAEU member states. Work has been carried out to consider the concept and essence of the customs tariff, as well as to classify customs tariff instruments to ensure economic stability. It is concluded that foreign economic activity involves the use of various regulators, the main of which is customs regulation. In turn, customs regulation is divided into tariff and non-tariff, within which countries have the opportunity to regulate foreign trade relations through a variety of tools.

Keywords: customs tariff, customs and tariff regulation, foreign economic activity, commodity nomenclature, customs control, export-import operations.

Таможенно-тарифное регулирование является одним из важнейших инструментов, используемых таможенными органами в целях защиты национальных производителей от иностранной конкуренции и пополнения доходной части бюджета за счет получения таможенных платежей. Страны в границах своей таможенной территории проводят мероприятия, нацеленные на регулирование различных параметров внешней торговли.

Данный комплекс включает в себя как формы, так и методы, воздействующие на различные параметры экспортно-импортных операций [1]: таможен-

но-тарифное регулирование – метод регулирования внешней торговли товарами, осуществляемый путем применения вывозных и ввозных таможенных пошлин, а также нетарифное регулирование – метод регулирования внешней торговли товарами, осуществляемый путем введения различного рода количественных ограничений и ограничений экономического характера.

В наиболее общем виде таможенно-тарифное регулирование представлено совокупностью таможенных и тарифных мер, используемых в качестве национального торгово-политического инструмента

для регулирования внешней торговли, защиты отечественных товаропроизводителей на внутреннем рынке, регулирования объема экспорта и импорта товаров, а также выполнения фискальной функции, то есть пополнения доходной части бюджета. Институт таможенно-тарифной политики является одним из основных инструментов регулирования внешней торговли, основанным на применении мер экономического воздействия [2].

Сущность таможенно-тарифного регулирования заключается в осуществлении уполномоченными органами ценового воздействия на экспортно-импортные операции, осуществляемые на таможенной территории стран. Регулирование направлено на достижение различных целей, которые в итоге можно свести к двум основным [3]:

- стимулирование внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) посредством ускорения и упрощения процедур таможенного контроля и таможенного оформления, развитие таможенного сотрудничества между странами и союзами;
- предотвращение нанесения ущерба интересам субъектов ВЭД (прежде всего, в отношении пополнения доходной части бюджета и защиты национальной экономики).

Таким образом, можно назвать важную задачу таможенно-тарифного регулирования внешней торговли – это нахождение баланса между упрощением и ускорением таможенных процедур с одной стороны, и обеспечением надежности таможенного контроля с другой.

Важнейшим элементом таможенно-тарифного регулирования внешней торговли является таможенный тариф, экономическому воздействию которого подвергается стоимость экспортно-импортных операций. По своему содержанию таможенный тариф представлен как систематизированный перечень дифференцированных ставок пошлин в рамках подлежащей регламентации товарной номенклатуры (далее – ТН), соответствующих коду конкретной товарной позиции и определяющих размер платежа при импортных и экспортных операциях [4].

При этом таможенный тариф применяется прежде всего на национальном уровне, где в зависимости от его построения и размера ставок определяется направленность внешней торговли конкретной страны и меры, принимаемые в целях регулирования внешнего и внутреннего рынков. Однако в случае создания союзов, интеграционных группировок и объединений, к которым относится и ЕАЭС, таможенный тариф будет выступать в качестве общепринятого инструмента таможенно-тарифного регулирования, распространяющегося на всех стран-участниц такого союза в системе товарных отношений с третьими странами.

Такое значение тариф приобрел исходя из следующих факторов [5]:

- данный инструмент таможенно-тарифного регулирования более остальных влияет на структуру международных товарных отношений, поскольку используется на практике практически всеми странами;
- своим воздействием тариф регулирует весь объем товаров, перемещаемых через таможенную границу, в то время как другие инструменты затрагивают лишь определенную товарную группу;
- применение разноуровневых ставок по отношению к товарам, перемещаемым через таможенную границу, а также установление беспошлинного режима, позволяет странам, не равнозначным по уровню экономического развития, интегрироваться в систему международной торговли, имея определенное конкурентное преимущество;
- таможенный тариф часто используется как инструмент договоренностей, которые составляют экономическую основу торговых переговоров о взаимных торгово-политических уступках. Введение или отмена тарифных преференций и льгот способствует налаживанию экономических связей между странами и устранению дискриминационных мер со стороны конкурентов.

Таможенно-тарифное регулирование осуществляется путем использования разнообразных инструментов, представляющих собой совокупность экономических, правовых, организационных мероприятий, осуществляемых в законодательном порядке таможенными службами и направленных на регулирование внешнеэкономической деятельности.

Инструменты таможенно-тарифного регулирования внешней торговли являются элементами таможенного тарифа [2].

Реализация функций таможенного тарифа, а также целей и задач таможенно-тарифного регулирования осуществляется прежде всего за счет таможенных пошлин. Таможенная пошлина – стоимостной размер платы, которую взимает государство с товаров при вывозе (экспортная пошлина) их с таможенной территории или ввозе (импортная пошлина), в соответствии с установленным в таможенном тарифе ставками. Общий размер таможенной пошлины рассчитывается исходя из размера ставки, определяемой таможенным тарифом в стоимостном или процентом выражении по отношению к конкретной группе или товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС [2].

Экономическое значение пошлин заключается в том, что она имеет возможность влиять на конечную стоимость товаров, то есть этот инструмент является важнейшим и определяет рост цен на импортную продукцию. Такое влияние может изменить ценовую конъюнктуру на внутреннем рынке импортера, а также способствовать понижению или повышению уров-

ня конкурентоспособности товара. Это выражается прежде всего в ряде экономических функций, выполняемых таможенными пошлинами.

Данные функции следующие – это протекционистская – защита наиболее уязвимых отраслей национального производства путем сокращения импортных потоков по тем же товарным группам, используя в отношении их более высокие ставки таможенных пошлин; преференциальная – стимулирование роста импорта из определенных стран, например, из стран с развивающейся экономикой; статистическая – учет внешнеторгового оборота для составления динамических рядов в определенные периоды времени; уравнительная – выравнивание цен на импортные товары и товары, произведенные на таможенной территории отдельной взятой страны [6].

При этом таможенные пошлины довольно разнообразны.

Импортная (ввозная) – применяется в отношении товаров, которые ввозятся на таможенную территорию страны. Предстает наиболее распространенным видом пошлин, используемым в международных экономических отношениях. Применение таких пошлин позволяет обеспечить создание условий для развития импортозамещения, государственную защиту национального рынка от иностранной конкуренции.

Экспортная (вывозная) – применяется в отношении товаров, вывозимых с таможенной территории конкретного государства. В основном, применение данных пошлин препятствует проникновению отечественных товаров на мировой рынок. Прежде всего данный вид пошлин применяется в государствах с преобладанием сырьевого экспорта в целях ограничения его вывоза за пределы территории для необходимости развития внутренних перерабатывающих производств, а также по отношению к стратегически значимой продукции, вывоз которой необходимо строго регламентировать.

Транзитная – взимаются с товаров, провозимых через таможенную территорию государства транзитом в другие государства. На данный момент не используются, однако они могут применяться как определенный фактор сдерживания транзитных потоков.

По способу исчисления пошлины делятся на адвалорные, специфические и комбинированные [7].

Адвалорные устанавливаются в процентах от таможенной стоимости облагаемых товаров. Большинство ставок таможенных пошлин представлены именно в такой форме. Пошлины налагаются на определенную группу товаров, обладающих одинаковыми качественными характеристиками. Адвалорные пошлины при этом устанавливают прямую связь между стоимостью импорта и величиной таможенного платежа. Формула 1 для расчета адвалорной таможенной пошлины:

$$ТП_a = \frac{ТС \times СТП_a}{100}, \quad (1)$$

где ТП – величина адвалорной таможенной пошлины;

ТС – таможенная стоимость товара;

СТП – ставка адвалорной таможенной пошлины.

Специфические устанавливаются в зависимости от физических характеристик в натуральном выражении облагаемых товаров (количества, объема, массы или иных характеристик). Такие пошлины формируют высокие ставки таможенного тарифа, не зависят от цены товара и не позволяют субъектам хозяйствования злоупотреблять изменением цены в целях снижения размера таможенного платежа. Для расчета пошлины используют следующую формулу 2:

$$ТП_c = КТ \times СТП_c, \quad (2)$$

где ТП_c – величина специфической таможенной пошлины;

КТ – количество товаров (в натуральной величине);

СТП_c – ставка специфической таможенной пошлины (евро за единицу товара).

Комбинированные сочетают в себе оба названных вида таможенного обложения. Введение комбинированных пошлин вызвано частыми случаями занижения таможенной стоимости товара. В таком случае путем сопоставления полученной суммы платежа применяется либо адвалорная пошлина, либо специфическая.

Таможенные пошлины различаются и по происхождению. Это автономные – пошлины, которые устанавливаются на основании одностороннего решения органов государственной власти страны и конвенционные – пошлины, вводимые на основании двух- и многосторонних соглашений (на сегодняшний момент – на основе Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ)) [8].

В зависимости от страны происхождения выделяют минимальную и максимальную ставку, а также преференциальную ставку.

Минимальная ставка (базовая или предельная) таможенной пошлины, применяемая в отношении ввезенных товаров, происходящих из стран, с кем страной-экспортером установлен режим наибольшего благоприятствования, то есть устанавливается минимально допустимая граница ставки пошлины.

Максимальная ставка (генеральная или общая) – прежде всего применяется к товарам, происходящим из страны, с которой не установлен режим наибольшего благоприятствования, либо страна происхождения не была установлена.

Преференциальная ставка пошлины устанавливается на основе многосторонних соглашений на товары, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран. Обычно имеют более низкие ставки по сравнению с другими видами пошлин.

По периоду действия таможенные пошлины делятся на сезонные, постоянные и переменные.

Сезонные пошлины – установление временных рамок действия размера ставок таможенной пошлины в зависимости от периода ввоза-вывоза товара. Сезонные пошлины применяются по отношению к сельскохозяйственным товарам и сырью, а также продуктов его переработки, так как именно эти товары имеют сезонный характер поставок, зависящий от периода выращивания и производства продукции. В период массового сбора урожая и переработки сельскохозяйственного сырья ставки увеличиваются, регулируя тем самым структуру товарного предложения и цен на внутреннем рынке с целью защиты национальных сельхозпроизводителей.

Постоянные пошлины – устанавливаются единовременно и не подлежат дальнейшему изменению или корректировке даже под влиянием экономических обстоятельств. Они характерны для стран-участниц ВТО, а также для стран, заключающих многосторонние соглашения.

Переменные пошлины – применяются в ситуации частного колебания уровня мировых или внутренних цен на конкретный товар или товарную группу, а также в период мировых финансовых кризисов. В международной практике такие пошлины не получили широкого распространения, однако применяются при расчете конечной стоимости углеводородного сырья.

Для идентификации трансграничного оборота товаров используется Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности. Она является одним из важнейших организационно-технических инструментов построения таможенного тарифа. В связи с увеличением степени интеграции всех стран расширился перечень товарных позиций, которые, в свою очередь, содержат подпозиции и субпозиции.

Поэтому в целях систематизации перечня товаров, отражения их особенностей и типа, а также определения места определенной позиции в таможенном тарифе, каждому товару стало присваиваться условное обозначение, выраженное в определенном цифровом коде. Международная практика показывает, что чем более узконаправленным является таможенный тариф, тем более эффективно его использование для реализации протекционистской или либеральной таможенной политики, так как детальная структура тарифа позволяет сдерживать или поощрять экспорт или импорт товаров по отдельному взятому виду продукции, который менее защищен от конкуренции [9].

Также товарная номенклатура позволяет быстро идентифицировать товар, перемещаемый через таможенные границы государств. На основе классификации, имеющейся в товарной номенклатуре, про-

слеживают динамику товарооборота по видам и группам товаров, планируют международные переговоры по поводу определения тарифных льгот и преференций или использования мер нетарифного регулирования по соответствующему перечню товаров [10].

Международным стандартом для формирования собственной товарной номенклатуры в современных условиях таможенно-тарифного регулирования для подавляющего большинства стран является Гармонизированная система описания и кодирования товаров. Создание такой системы кодирования товаров преследовало несколько целей [11]:

- упрощение анализа, сбора сопоставимости и передачи статистической информации, относящейся к внешней торговле;
- стандартизацию внешнеторговой документации и статистических показателей и достижение тем самым сопоставимости внешнеторговой и производственной статистики;
- возможность формирования транспортных тарифов и статистической базы в системе внешнеторговых грузоперевозок различными транспортными средствами;
- упрощение учета и отражение через гармонизированную систему изменений в технологических процессах промышленного производства товарной продукции и в структуре международной торговли.

Однако надо отметить, что помимо таможенно-тарифного регулирования движения товаров существует и нетарифное регулирование ВЭД в странах ЕАЭС. Так, в частности, речь идет о квотировании. Тарифная квота устанавливается исходя из разницы в объемах производства и потребления конкретных товаров на внутреннем рынке. Экспорт или импорт товаров, находящихся в пределах стоимостного или количественного ограничения, разрешается и поощряется странами. Часть продукции, превысившая допустимый предел, подлежит обложению таможенной пошлиной либо запрещается для ввоза-вывоза [4].

Тарифная квота подразумевает установление границ объема ввоза импортной продукции (в процентах) на преференциальных условиях в течение определенного периода. При этом тарифные преференции предоставляют некие привилегии взаимного или одностороннего характера, отраженные в международных договорах и соглашениях, а также в решениях международных организаций.

Как уже было сказано ранее, внешнеэкономическая деятельность предполагает использование различных регуляторов, основным из которых является таможенное регулирование. В свою очередь, таможенное регулирование делится на тарифное и нетарифное, в рамках которых страны имеют возможность регулировать внешнеторговые отношения посредством разнообразных инструментов.

Развитие международной торговли привело к ее значительному упрощению и унификации. Также создание товарной номенклатуры позволило исключить неоднозначность толкования различных терминов и понятий, используемых при переговорах между договаривающимися странами.

Одним из показателей, характеризующих таможенный тариф с торгово-политической стороны, является число связанных тарифных позиций или их удельный вес в общем количестве тарифных позиций, так как связанные тарифные позиции представляют собой результат двусторонних или многосторонних внешнеторговых соглашений и показывают, насколько страна связана международными обязательствами в вопросах изменения ставок таможенного тарифа.

Помимо таможенного тарифа к инструментам относят таможенную пошлину, таможенную стоимость, товарную номенклатуру, тарифные льготы и тарифные преференции.

При помощи использования указанных инструментов происходит рационализация товарной структуры ввоза товаров на таможенную территорию, поддержание рационального соотношения ввоза и вывоза товаров, защита экономики государств от неблагоприятного воздействия иностранной конкуренции.

Однако влияние применения инструментов на взаимоотношения стран требует учета экономических и социальных последствий при выборе наиболее оптимального размера ставок пошлин, преференций и размера квот.

Список литературы

1. Мумладзе Р.Р. Государственное регулирование национальной экономики : учеб. пособие / Р.Г. Мумладзе [и др.]. – М.: Русайнс, 2021. 243 с.
2. Джабиев А.П. Основы таможенного дела : учебник для вузов / под общ. Ред. А.П. Джабиева. – М. : Издательство Юрайт, 2019. 392 с.
3. Новиков В.Е. Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности и таможенная стоимость : учебник / Новиков В.Е., Ревин В.Н., Цветинский М.П., – 2-е изд., (эл.) – Москва : БИНОМ. ЛЗ, 2016. 362 с.
4. Покровская В.В. Таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности : учебник / В.В. Покровская. – СПб. : ИЦ Интермедия, 2021. 136 с.
5. Ершова Т.С. Таможенный тариф / Т.С. Ершова, М.А. Антонова // Дни студенческой науки: сборник научных трудов международной студенческой конференции – Казань : Изд-во «Печать-сервис XXI век», 2021. С.56.
6. Панов С.Д. Таможенные пошлины и преференции / С.Д. Панов. // Современные вопросы таможенного дела. – 2021. С. 213.
7. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
8. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) от 30.10.1947. Режим доступа: <http://base.garant.ru/2560614/>
9. Федотова Г.Ю. Единообразное толкование товарной номенклатуры как основа регулирования международной торговли // Управленческое консультирование. 2020. № 2 (134). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoobraznoe-tolkovanie-tovarnoy-nomenklatury-kak-osnova-regulirovaniya-mezhdunarodnoy-torgovli> (дата обращения 22.04.2022).
10. Старикова О.Г. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие. / О.Г. Старикова. – СПб.: ИЦ Интермедия, 2021. 169 с.
11. «Международная Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров» (Заключена в Брюсселе 14.06.1983) (вместе с Протоколом от 24.06.1986). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12619/

References

1. Mumladze R.R. State regulation of the national economy: textbook. allowance / R.G. Mumladze [and others]. – M.: Rusajns, 2021. 243 p.
2. Dzhabiev A.P. Fundamentals of customs affairs: a textbook for universities / under the general. Ed. A.P. Dzhabiev. – M.: Yurayt Publishing House, 2019. 392 p.
3. Novikov V.E. Customs and tariff regulation of foreign economic activity and customs value: textbook / Novikov V.E., Revin V.N., Tsvetinskiy M.P., – 2nd ed., (el.) – Moscow: BINOM. LZ, 2016. 362 p.
4. Pokrovskaya V.V. Customs and tariff regulation of foreign trade activities: textbook / V.V. Pokrovskaya. – St. Petersburg.: ITs Intermedia, 2021. 136 p.
5. Ershova T.S. Customs tariff / T.S. Ershova, M.A. Antonova // Days of student science: collection of scientific papers of the international student conference – Kazan: Print-service XXI century, 2021. C.56.
6. Panov S.D. Customs duties and preferences / S.D. Panov. // Modern issues of customs business. – 2021. S. 213.
7. "Treaty on the Eurasian Economic Union" (Signed in Astana on May 29, 2014). Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

8. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) dated October 30, 1947. Access mode: <http://base.garant.ru/2560614/>
9. *Fedotova G.Yu.* Uniform interpretation of the commodity nomenclature as a basis for regulating international trade // Management Consulting. 2020. № 2 (134). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinoobraznoe-tolkovanie-tovarnoy-nomenklatury-kak-osnova-regulirovaniya-mezhdunarodnoy-torgovli> (accessed 04.22.2022).
10. *Starikova O.G.* Commodity nomenclature of foreign economic activity: textbook. allowance. / O.G. Starikova. – St. Petersburg: Intermedia Information Center, 2021. 169 p.
11. "International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System" (Concluded in Brussels on 06.14.1983) (together with the Protocol of 06.24.1986). Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12619/

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теоретической и специальной социологии
им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Лавров Сергей Сергеевич,

слушатель Академии управления МВД России, Москва, майор внутренней службы, начальник тыла
подразделения тылового обеспечения Межмуниципального отдела «Первомайский» Министерства внутренних
дел по Тамбовской области, город Тамбов,
lavrovsergej239@gmail.com

ОТБОР ГРАЖДАН НА СЛУЖБУ В ОВД РФ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Аннотация. Рассматривается содержание проблемы отбора граждан на службу в полицию, обосновывается сложность ее разрешения. Служба в полиции представляется как опасная для жизни, трудная, интеллектуальная деятельность. Анализируется нормативная правовая база, регулирующая процесс отбора на службу в подразделения системы МВД, рассматриваются теоретические основы решения задачи повышения уровня качества отбора кандидатов для службы в полиции, обосновываются системные причины, затрудняющие комплектование подразделений полиции: командный принцип комплектования органов управления полиции; снижение уровня качества населения, рассматриваемого как кандидатов на службу в системе МВД; деструктивная деятельность средств массовой информации, сложность труда полицейских и другие. Представляются результаты конкретного социологического исследования проблем отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел и практические рекомендации для совершенствования процесса отбора кандидатов на службу.

Ключевые слова: отбор, граждане, кандидаты на службу в органы системы МВД, служба в полиции, СМИ, управление, руководитель, кадры, подразделения полиции, нормативная правовая база, комплектование, командный принцип управления.

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Professor at the M.A. Budanova Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Sergey S. Lavrov,

Student, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Major of the Internal Service, Head of the Rear Support Unit of the Inter-Municipal Department "Pervomaisky" of the Ministry of Internal Affairs in the Tambov Region, Tambov,
lavrovsergej239@gmail.com

SELECTION OF CITIZENS FOR SERVICE IN THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL AND MANAGERIAL REPRESENTATION

Abstract. The article considers the content of the problem of selecting citizens for service in the police, justifies the complexity of its resolution. The police service appeared to be a life-threatening, difficult, intellectual activity. The normative legal frame-

work governing the process of selection for service in the Ministry of Internal Affairs was being analysed, the theoretical basis for solving the problem of improving the quality of the selection of candidates for service in the police was being considered, and systemic reasons were being justified that made it difficult to recruit police units: the command principle of the recruitment of police authorities; A decrease in the quality of the population seen as candidates for service in the Ministry of Internal Affairs; destructive media, the complexity of policing and others. The results of a specific sociological study of the problems of selecting kandidats for service in the Ministry of Internal Affairs are presented; Practical recommendations to improve the selection process for the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: selection, citizens, candidates for service in the Ministry of Internal Affairs, service in the police, media, management, head, personnel, police units, regulatory legal framework, staffing, command principle of management.

Отбор кадров в любую социальную организацию, формирование эффективных коллективов исполнителей, повышение уровня производительности труда персонала – формальная и неформальная должностная обязанность руководителя. Особое значение эта проблема имеет в силовых структурах, так как она связана с опасной для жизни людей деятельностью. В настоящее время комплектование подразделений полиции качественными кадрами – приоритетная задача системы МВД России. Этот показатель определяет эффективность функционирования органов внутренних дел [14, с. 17]. Такую работу организуют начальники УВД, руководители структурных подразделений, заместители начальников по работе с кадрами, другие уполномоченные лица, которые тем или иным образом, связаны с непосредственной деятельностью по отбору персонала [17, с.78].

Сложность положения с отбором граждан на службу в МВД РФ косвенно констатировалась на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации: «... поставленные задачи решались в условиях возросших нагрузок, связанных со значительным некомплектом. Сегодня он составляет порядка 70000 (семидесяти тысяч!) человек» [8]. Если считать, что в полиции работает около 900 000 сотрудников, то общий некомплект составляет около 13 %, а на основных должностях, сотрудники которых «непосредственно взаимодействуют с населением (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные полиции, сотрудники оперативного блока)» – до 30 % [8].

Несмотря на предпринимаемые меры, положение дел в этой сфере деятельности органов внутренних дел остается сложным. В средствах массовой информации самыми популярными рубриками остаются криминальные новости, факты дисфункций правоохранительных структур. В полицейских подразделениях имеется некомплект кадров. Этот факт позволяет судить о снижении уровня престижности профессии полицейского.

Очевидно, что в таких условиях совершенствование работы с кадрами института полиции должно

стать приоритетом как внутренней политики государства, так и системы МВД РФ.

Методика исследования. В изучении проблемы отбора граждан на службу в органы внутренних дел применялись теоретические (анализ, синтез, сравнение) и эмпирические (опрос экспертов, наблюдение, анализ документов) методов. Этот набор способов позволил обеспечить достоверность и точность получаемых результатов.

Эмпирическая база: подразделения полиции Тамбовской и Московской областей, Москвы; документы научных исследований деятельности полиции. Кластеры – десять ОВД. Эксперты (N = 216) – сотрудники полиции (слушатели и выпускники Академии управления МВД РФ).

Обсуждение проблемы. В связи со значительным повышением уровня требований к уровню морально-психологической составляющей профессиональной подготовки сотрудников полиции возникла необходимость совершенствования системы кадрового обеспечения МВД России. Для этого в России есть достаточные теоретические и нормативные правовые основы. Так, результаты анализа теоретических основ отбора кадров в систему МВД позволяют утверждать, что эта проблема разрабатывалась исследователями различных сфер общественного управления. Например, С.А. Абакумов, Т.С. Демченко в интересах обеспечения эффективности социального контроля деятельности федеральных исполнительных органов власти [5; 10]; А.А. Гостев в контексте организации правового контроля регистрации незаконных сделок с землей [9, с.67]; О.В. Сельская для контроля деятельности системы управления вузами [15, с.14-15]; В.В. Кочетов для обеспечения проектирования образования молодежи в крупном городе [13, с.9]; Е.А. Борисова с целью противодействия коррупции в высшем образовании отдельного региона России [6, с.12]; В.П. Серикова для сохранения российских традиций в управлении высшим образованием [16, с.15]; Иванова О.А., А.Н. Гостев с целью регулирования влияния религиозного фактора на межкультурные коммуникации в международных отношениях [11, с.56-59] и другие.

Создана и полноценная нормативная правовая база для отбора кандидатов на работу в органы полиции. В системе управления МВД руководители при выполнении этой функции руководствуются требованиями Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], Федерального закона Российской Федерации «О полиции» [1], Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], Приказом МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» [4] и другими документами.

Современный труд сотрудников полиции остается трудным. Он опасен для жизни, не нормирован, высоко интеллектуален, требует прилежности, дисциплины, ответственности. А, например, интеллектуальность сотрудников в сфере информационных технологий, становятся одним из приоритетных показателей сотрудника полиции. В стране «рост тяжких составов» произошел преимущественно за счет увеличения посягательств с использованием цифровых информационных технологий. Криминальные деяния, совершенные с использованием ИТ-технологий, составляют всё большую долю в общей структуре преступности. Сегодня она достигла уже 25 %» [8]. Знания в этой сфере сегодня высоко востребованы во всех сферах общества и, следовательно, высокооплачиваемы. Государством предпринимаются системные меры по снижению уровня материальных и моральных препятствий на пути поступления на службу в органы системы МВД. В этой связи для сотрудников полиции законодателем определен широкий спектр социальных гарантий [2]: им индексируется размер ежемесячной денежной компенсации, выплачиваются ежемесячные надбавки к месячному окладу в соответствии с замещаемой должностью за сложность выполняемых задач; уволенным со службы, членам их семей и лицам, находящимся на их иждивении, гарантируется медицинская помощь и обеспечение их санаторно-курортным лечением; оплачивается проезд в транспорте; организовано продовольственное обеспечение отдельных категорий сотрудников в мирное время; предоставляется возможность медико-психологической реабилитации [12, с. 27] и другие льготы.

Но, как отмечено выше, подразделения полиции все равно испытывают значительные трудности в комплектовании, которые обусловлены рядом причин системного характера. Например, одна из них – командный принцип комплектования органов управления подразделениями полиции. В России демократический принцип формирования власти обу-

словил становление и развитие командной системы управления, которая объективно сменяется после проведения выборов. В этих условиях традиционный, многолетний опыт отбора кадров, априори, дополняется новыми элементами, что приводит как к положительным, так и отрицательным результатам. Одни исследователи управленческой практики считают такую форму комплектования кадров соответствующей времени, более эффективной [7, с.25], другие считают, что именно такая система обуславливает коррупцию, семейственность, и не является эффективной в правоохранительной деятельности [12, с.27]. Командная система управления в органах внутренних дел, как показывает практика, обусловила и отрицательную мотивацию кадров полиции на совершенствование академических знаний. Если человек не относится к какой-либо властной команде, то обучение в академии для него становится бесполезным с точки зрения карьерного роста [14, с.17]. Недостаточный уровень, обусловленный равенством прав, перспектив, в служебной моральной мотивации в подразделениях полиции создает трудности и в наборе других категорий личного состава, выполняющего свои служебные обязанности в непосредственном контакте с населением [17, с.77].

Часть авторов считает, что качественный отбор кадров в систему МВД затруднен общим снижением качества контингента населения, рассматриваемого в качестве кандидатов на службу в органы полиции [12; 14; 17].

Безусловно, затрудняют процесс качественного отбора трудоспособного населения на службу в органы внутренних дел практически мало контролируемые средства массовой информации, которые, пользуясь конституционным запретом на цензуру, зачастую представляют сотрудников полиции в оскорбительном виде [17, с.78].

В этих условиях возрастает значение руководителя полицейского подразделения как честной, грамотной, патриотической личности, на которого, в соответствии с вышеуказанной нормативной правовой базой возложена обязанность по профессиональному отбору кандидатов на службу в МВД. В контексте выполнения этой задачи на него возлагаются следующие обязанности:

- найти достойных кандидатов для службы в органы внутренних дел;
- организовать исследование их профессиональной, физической подготовки, состояние здоровья, психологических качеств на предмет соответствия нормативам для службы в органах системы МВД;
- провести проверку кандидатов на надежность, верность, преданность, положительную мотивированность на правоохранительную деятельность, прилежность к службе в системе МВД;

• принять личное решение о принятии кандидата на службу в органы полиции.

Безусловно, такие руководители должны и сами быть прилежными, надежными, верными, преданными, обладать положительной мотивацией на службу в органах системы МВД [9, с. 176]. Очевидно, что командная система управления значительно снижает круг поиска таких кандидатов, инициирует системную ошибку, которая в перспективе будет увеличивать проблемы в отборе кадров в систему МВД.

В настоящее время есть исследователи, которые большие надежды в деле улучшения качества профессионально-психологического отбора кадров в полицейские подразделения связывают с применением технических средств, например, полиграфов [6; 7; 12]. Но, как показывает практика, руководитель, формируя команду из кандидатов, которые зарекомендовали себя как высококвалифицированные сотрудники, может вопреки «показаниям» технических средств взять на себя ответственность и принять положительное решение. В этом заключается как положительное, так и отрицательное в командной системе управления.

Результаты исследования. Результаты содержательного анализа научной литературы, наблюдения практики комплектования кадрами подразделений МВД показывают, что субъекты система профессионально-психологического отбора нуждается в совершенствовании. Искусство и эффективность управления отбором кадров для комплектования полицейских подразделений должно оцениваться по уровню качества их деятельности по наведению правого порядка на территории их ответственности.

Результаты исследования данной проблемы на обширной по территории и репрезентативной по составу выборки эмпирической базе показали, что в настоящее время качество отбора кадров в подразделения полиции оценивается очень высоко (см. Рисунок 1). Как видно, 83,3 % экспертов положительно оценивают современную систему отбора кадров в полицейские подразделения.

Результаты бесед с экспертами показали, что значительная их часть согласно с мнением о «строгости» отборочных показателей. Это становится одной из причин нехватки кадров в системе МВД. Например, требования к состоянию здоровья различных категорий сотрудников полиции в условиях снижения его (здоровья) среднего уровня в стране, становятся излишними. Очевидно, что специалисты IT-технологий из-за их условий труда редко будут соответствовать показателям здоровья, регламентированным нормативными документами МВД. К тому же, будущее качественное выполнение ими профессиональных обязанностей не требует выполнения нормативов по бегу и другим физическим упражнениям. Исследование показало, что высокий уровень оценки экспертами эффективности системы отбора кадров в подразделения системы МВД оказывается не полностью сопряжен с уровнем качества практического отбора кадров (см. Рисунок 2).

Так, только 58,8 % (32,4 % + 26,4 %) экспертов считают достаточным уровень качества отобранных кадров в полицейские подразделения.

Причины этой не полной сопряженности, по мнению экспертов, заключаются в общем социально-экономическом положении населения страны; в не-

Рисунок 1. Результаты оценки экспертами уровня эффективности системы отбора кадров в подразделения МВД

Рисунок 2. Результаты экспертной оценки качества отбора кадров в полицейские подразделения

достаточной эффективности информационных служб МВД в контексте пропаганды деятельности полиции и агитации на получение этой профессии; в низком уровне мотивации руководителей подразделений полиции на деятельность по поиску, оценке и отбору кандидатов на службу в полицию. Очевидно, что хорошие перспективы в повышении уровня качества работы по отбору кадров в полицейские подразделения будут, если активизировать работу руководителей этого процесса. Для этого, как показывают наблюдения практики, необходимо уточнить, дополнить, конкретизировать, закрепить в нормативной правовой базе, например, такие показатели для моральной и материальной мотивации руководителей подразделений полиции как получение преимущества в карьерном росте за высокий уровень укомплектованности штата организации, за дисциплинированность сотрудников, за профилактику, раскрываемость преступлений.

На тактическом уровне управления исправить такое положение дел возможно через активизацию деятельности руководителей ОВД, организующих деятельность системы профессионально-психологического отбора; на стратегическом – совершенствование системы командной формы управления.

Веру в позитивные перспективы решения рассматриваемой проблемы испытывают каждый третий эксперт (см. Рисунок 3), что в современных условиях является хорошим результатом.

Опрос экспертов показал, что системообразующих причин, затрудняющих качественный отбор кадров в полицию, в настоящее время не убавляется, что не является неразрешимой проблемой, соответствует результатам теоретических изысканий представителей современной науки. Проблемы, противоречия в любом явлении всегда имеют положительное и отри-

цательное влияние на все общественные феномены [10, с.124]. В соответствии с основным законом общественного управления любая актуализированная потребность обуславливает незамедлительное создание специализированного института, с функциями обеспечения их целенаправленного удовлетворения [12, с.28].

Так, например, по результатам опроса экспертов определено, что основными причинами, затрудняющими качественный отбор кадров в полицию, являются качество отборочного контингента (трудоспособного населения) и сложные условия труда сотрудников полиции (см. Рисунок 4).

Очевидно, что система МВД РФ самостоятельно может лишь ограниченно минимизировать (нейтрализовать, снизить уровень) воздействия этих факторов. В стратегической же перспективе эти системные ошибки государственного управления будут наращаться и могут дезорганизовать правоохранительную сферу.

Результаты наблюдения общественной практики, анализа документов показывают, что в структурах федеральной законодательной и исполнительной властей уже ведутся дискуссии и предпринимаются меры по совершенствованию управления российским образованием, возвращения в его систему позитивных традиций дореволюционного российского и советского образования. А нормативная правовая база, регулирующая службу в подразделениях полиции, не имеет значительных пробелов. Априори, управленческие кадры должны уметь ее реализовывать, а общество контролировать их деятельность.

Достоверность результатов ответа, указывающего на сложность условий труда сотрудников полиции, косвенно подтверждаются общим настроением сотрудников полиции о желании создать профессиональные династии (см. Рисунок 5). Как видно на этом

Рисунок 3. Результаты оценки перспектив качества отбора сотрудников в подразделения полиции

Рисунок 4. Результаты мнения экспертов о причинах, затрудняющих качественный отбор кадров в полицию

рисунке 41,2 % экспертов решительно отвергают возможность рекомендовать своим родственникам связывать свою жизнь с профессией полицейского. Этот факт можно квалифицировать как протестную форму общественного контроля.

В ходе индивидуальных бесед многие сотрудники полиции констатировали факты увеличения служебной нагрузки, необоснованное повышение требований к служебной деятельности, несоответствие денежного содержания и сложности труда, поспание их права на отдых и другое. В ходе бесед сотрудники полиции, имеющие большой опыт работы, часто высказывали мнение о том, что по достижении необхо-

димой выслуги лет, будут увольняться и использовать свои знания и умения в других сферах общества.

Этот факт позволяет судить о снижении уровня престижности профессии полицейского.

Очевидно, что в таких условиях совершенствование работы с кадрами института полиции должно стать приоритетом как внутренней политики государства, так и системы МВД РФ. Априори, это утверждение не является лозунговым, если есть факт некомплекта и он признается на высшем уровне управления силовой структуры: «общий некомплект составляет около 13 %, а на основных должностях, сотрудники которых «непосредственно взаимодействуют с

Рисунок 5. Желание сотрудников полиции создавать (сохранять) династию

населением (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные полиции, сотрудники оперативного блока) – до 30 % (см. выше). Если же учесть теоретические тенденции категории «процесс разрушения», то, во-первых, реальное положение дел никогда не является очевидным; во-вторых, имеющий честь и хранящий свое достоинство начальник, никогда не будет докладывать истинное положение дел, если у него есть шансы решить проблему самостоятельно; в-третьих, в «процессе разрушения» обязательно присутствуют системные ошибки в управлении, которые неминуемо приведут в стратегической перспективе к конфликту, хаосу, дезорганизации, протестам. Последнее, судя по тому как повели себя подразделения полиции в Украине, Казахстане, должно стать уже сейчас первоочередной задачей государства. А учитывая содержание грамотно организованной пропагандистской работы информационных служб Украины на российское население, уже в ближайшее время, если не будет улучшения отношений с Украиной, полиция станет самой востребованной силовой структурой. Доказательства этот факт не требует. В России работает примерно 3 миллиона приезжих из Украины. Наверное, столько же приехали после 1991 года на постоянное жительство и оформили гражданство. Еще около миллиона – беженцы из Донбасса. А жители Крыма имеют родственников на территории Украины. То есть в России живут и работают не менее 10 миллионов человек (реально значительно больше), имеющих близких родственников в Украине. По мнению экспертов, каждый третий россиянин имеет действующие связи с Украиной. Очевидно, что социальная база «оппозиционной колонны», преступности (терроризма, экстремизма) многочисленна и будет активизирована.

Априори, для противодействия преступности в стратегической перспективе нужно совершенствование системы комплектования подразделений полиции. Одним из направлений такой деятельности является повышения уровня профессиональной подготовки управленческих кадров полиции. Результаты опроса экспертов показывают, что в настоящее время сотрудники полиции испытывают недостаток знаний в сфере информационных технологий (32,4 %), правовых знаний (30,6 %), научно-исследовательской деятельности (21,8 %) и других (см. Рисунок 6).

Например, нет сомнения в том, что информационные технологии сегодня позволяют без полиграфа (детектора лжи), дактилоскопии, осциллографии и других технологий выявления негативных качеств кандидата, определить (выявить) положительные и отрицательные составляющие структуры личности кандидата на службу в полиции. А в комплексе с ними у кандидата не остается шансов скрыть информацию, которую требует предоставить комиссия профессионально-психологического отбора.

Априори, такая тщательность отбора становится не полностью востребованной в условиях организации управления полицией на «командном принципе». Как видно на Рисунке 7 эксперты сомневаются в его эффективности.

Подтвержден этот факт и в беседе с выпускниками вузов образовательных организаций МВД РФ. Очевидно, что после получения дополнительного фундаментального образования офицер не должен искать себе место службы, предпринимая попытки поиска соответствующей команды. Вероятно, направляя офицера на учебу кадровая система уже осуществила стратегическое планирование кадрового обеспечения системы МВД РФ. Если же этого не проис-

Рисунок 6. Мнение экспертов о приоритетности совершенствования сфер знаний

Рисунок 7. Мнение экспертов об эффективности командного принципа формирования органов управления МВД

ходит, то необходимость затраты средств на обучение полицейского должна быть обоснована.

Заключение. Таким образом, отбор кадров в полицейские подразделения – формальная и неформальная обязанность руководителя. В этом процессе есть системные ошибки, которые в стратегической перспективе могут привести к неуправляемым ситуациям. Положение дел в этой сфере деятельности органов внутренних дел остается сложным и требует совершенствования системы кадрового обеспечения МВД России. Разрешение этой проблемы имеет хорошее теоретическое и право-

вое обеспечение. Системообразующие причины, затрудняющие процесс отбора кадров, очевидны и подтверждаются экспертами из числа офицеров полиции. Одна из них – командный принцип комплектования органов управления подразделениями полиции. Вторая – общее состояние качества контингента населения, рассматриваемого в качестве кандидатов на службу в МВД РФ. Третья – мало контролируемые средства массовой информации, которые, пользуясь конституционным запретом на цензуру, зачастую представляют сотрудников полиции в ненадлежащем практике виде.

Система МВД РФ самостоятельно может лишь ограниченно минимизировать воздействие негативных факторов.

Для противодействия преступности в стратегической перспективе необходимо совершенствование системы комплектования подразделений полиции. Одним из направлений такой деятельности является повышение уровня профессиональной подготовки управленческих кадров полиции.

Труд сотрудников полиции связан с рисками потери здоровья и жизни, ненормированный по времени, высоко интеллектуален, требует прилежности, дисциплины, ответственности. Поэтому он должен быть всесторонне морально, материально, законодательно, информационно обеспечен.

Практические рекомендации:

I. В области совершенствования нормативной правовой базы.

Научным организациям предложить разработать и предложить МВД РФ проект новой Инструкции о профессионально-психологическом отборе сотрудников в подразделения полиции с учетом изменения социально-экономических условий.

II. В области административно-организационной работы.

МВД России предложить разработать методические рекомендации:

- по организации воспитательной работы с сотрудниками полиции в сложившихся социально-экономических и организационно-кадровых условиях;
- по материальному стимулированию труда сотрудников, работающих в системе комплектования кадров полицейских подразделений.

III. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Научным организациям, вузам МВД России организовать исследования по направлениям:

- изучение и применение лучших практик управления кадровым отбором в подразделения полиции;
- политический механизм управления кадровым отбором в подразделения полиции;
- экономический механизм управления кадровым отбором в подразделения полиции;
- механизм общественной ответственности в системе кадрового отбора в подразделения полиции;
- механизм гласности в системе кадрового отбора в подразделения полиции;
- механизм традиций в системе управления кадровым отбором в подразделения полиции.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 года.
2. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 157, 21.07.2011.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 275, 07.12.2011.
4. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 24.11.2020) «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.03.2018.
5. Абакумов С.А. Развитие гражданского общества как фактор оптимизации социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 24 с.
6. Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. 26 с.
7. Ветрова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
8. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 21.03.2021 // URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 17.01.2022).
9. Гостев А.А. Регистрация незаконных сделок с землей: ответственность, уголовно-правовое регулирование: монография [Текст] – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010. 252 с.
10. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.
11. Иванова О.А., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Traditions and Innovations in Higher Education Management: Conflictological Aspect. Jour of Adv Research in Dynamical & Control Systems, Vol. 12, 03-Special Issue, 798-806 (DOI: 10.5373/JARDCS/V12SP3/20201320 ISSN 1943-023X).
12. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32

13. Кочетов В.В. Социальное проектирование дополнительного образования молодёжи в крупном городе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 27с.
14. Куклина Е.Ю., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект // Вестник Академии права и управления, № 1 (63), 2021. С. 15-25.
15. Сельская О.В. Совершенствование социального контроля над деятельностью административной организации вуза: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. – 24 с.
16. Серикова В.П. Российские традиции в системе социального управления высшим образованием: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2017. 25 с.
17. Чеплухов Е.В., Гостев А.Н., Демченко М.В. Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

References

1. Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 № 3-FZ (ed. From 06.02.2020) "On the Police" // Russian newspaper, February 08, 2011.
2. Federal Law of 19.07.2011 № 247-FZ (ed. From 31.07.2020) "On social guarantees to employees of internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Russian newspaper, № 157, 21.07.2011.
3. The federal law of 30.11.2011 № 342-FZ (an edition of 30.04.2021) "About service in law enforcement agencies of the Russian Federation and entering of changes into separate acts of the Russian Federation" // the Russian newspaper, № 275, 07.12.2011.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 01.02.2018 № 50 (ed. From 24.11.2020) "On approval of the Procedure for Organizing Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information, <http://pravo.gov.ru> 23.03.2018.
5. Abakumov S.A. The development of civil society as a factor in optimizing social control over the activities of the state in the context of globalization: autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. M, 2006. 24 pages.
6. Borisova E.A. Corruption in higher education: prospects of social control (regional aspect): autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. M, 2013. 26 pages.
7. Vetrova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S. Relapse crime of foreign citizens in Russia: social and legal nature-risk // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
8. Speech of the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation of the general of police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at the enlarged meeting of board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 21.03.2021 // URL: <http://kremlin.ru> (date of the address of 17.01.2022).
9. Gostev A.A. Registration of illegal land transactions: responsibility, criminal law regulation: monograph [Text] – M.: Moscow State Institute named after E.R. Dashkova, 2010. 252 pages.
10. Demchenko T.S., Gostev A.N. Civil society: control over the activities of the state: monograph. M.: Publishing House of SSU, 2011. – 193 pages.
11. Ivanova O.A., Demchenko T.S., Gostev A.N. Traditions and Innovations in Higher Education Management: Conflictual Aspec. Jour of Adv Re-search in Dynamical & Control Systems, Vol. 12, 03-Special Issue, 798-806 (DOI: 10.5373/JARDCS/V12SP3/20201320 ISSN 1943-023X).
12. Kadyrov R.Kh., Demchenko T.S., Gostev A.N. Public mechanisms-incentives of police officers // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 4 (61), 2020. С. 25-32
13. Kochetov V.V. Social design of an additional image of youth in a large city: autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. M, 2012. 27 pages.
14. Kuklina E.Yu., Demchenko T.S., Gostev A.N. Image of the head of the Department of Internal Affairs: social and hermeneutic aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 1 (63), 2021. С. 15-25.
15. Sel'skaya O.V. Improving social control over the activities of the administrative organization of the university: autoref. dis.... Candidate co-ciол. sciences. M, 2006. – 24 pages.
16. Serikova V.P. Russian traditions in the system of social management of higher education: autoref. dis.... Candidate Sociol. sciences. M, 2017. 25 pages.
17. Cheplukhov E.V., Gostev A.N., Demchenko M.V. Organization of management of the internal affairs body of the Russian Federation: sociological aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теоретической и специальной социологии им. М.А.Будановой, Московский педагогический государственный университет, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Кокшаров Сергей Викторович,

слушатель 2 курса, группы № 2 ГЗ-2026, Академия управления МВД России, Москва, полковник полиции, начальник линейного управления Южно-Уральского управления МВД России на транспорте, город Челябинск,
79127744794@ mail.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

СИСТЕМА РОССИЙСКИХ МАССОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *Представляются результаты исследования массовых информационных коммуникаций МВД РФ; обосновывается актуальность проблемы в условиях информационного общества; показываются трудности службы сотрудников полиции, обусловленные массовыми информационными коммуникациями; раскрываются особенности ведения против российской правоохранительной сферы профессионально подготовленной информационно-психологической войны; аргументируется факт недостаточной научной разработанности путей взаимодействия МВД с институтами массовых коммуникаций; прогнозируется централизация управления информационными коммуникациями в правоохранительной сфере; предсказывается необходимость законодательного усиления формального контроля содержания передач СМИ с целью противодействия экстремистской деятельности, терроризму, коррупции; сообщаются факты исторических ошибок в управлении правоохранительной сферой, обусловивших прошлые российские общественные катаклизмы, и предлагаются способы защиты информационных коммуникаций МВД РФ; анализируется содержание нормативной правовой базы, регулирующей массовые коммуникации в правоохранительной сфере, выявляются пробелы и, как следствие, заявляются негативные стратегические последствия для работы института полиции.*

Ключевые слова: органы внутренних дел, массовые информационные коммуникации, информационное общество, сотрудники полиции, информационно-психологическая война, управление информационными коммуникациями в правоохранительной сфере, формальный контроль СМИ, экстремизм, терроризм, коррупция, защита информационных коммуникаций, институты гражданского общества, организационное оружие, криминализация общественных отношений, престиж правоохранительной деятельности, общественное сознание.

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Professor at the M.A. Budanova Department of Theoretical and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

Sergey V. Koksharov,

2nd year student, group 2 GZ-2026, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Police Colonel, Head of the Line Department South Ural Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chelyabinsk,
79127744794@ mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

SYSTEM OF RUSSIAN MASS INFORMATION COMMUNICATIONS: REGULATION BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract. The article presents the results of the study of mass information communications of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; substantiates the actuality of the problem in the conditions of the information society; shows the difficulties of the service of police officers due to mass information communications; reveals the features of conducting professionally prepared information and psychological warfare against the Russian law enforcement sphere; argues the fact insufficient scientific development of ways of interaction between the Ministry of Internal Affairs and the institutes of mass communications; centralization of information communications management in the law enforcement sphere is predicted; predicts the need for legislative strengthening of formal control over the content of media broadcasts in order to counter extremist activity, terrorism, corruption; facts of historical mistakes in the management of the law enforcement sphere that led to past Russian public cataclysms are reported, and ways to protect information communications of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are proposed; the content of the regulatory legal framework regulating mass communications in the law enforcement sphere is analyzed, gaps are identified and, as a result, negative strategic consequences for the work of the police institution are declared.

Keywords: organs of internal affairs, mass information communications, information society, police officers, information and psychological war, management of information communications in the law enforcement sphere, formal control of the media, extremism, terrorism, corruption, protection of information communications, civil society institutions, organizational weapons, criminalization of public relations, prestige of law enforcement, public consciousness.

МВД самый многочисленный правоохранительный институт российского государства. Его штатная численность 894 869 единиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации – 746 859 человек, федеральных государственных гражданских служащих – 17 197 человек, работников – 130 813 человек [42, с. 78]. В настоящее время это важнейший правоохранительный институт. Как показывают результаты анализа документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только за 7 месяцев 2021 года в стране зарегистрировано 1 189 457 преступлений, в том числе 327 628 тяжких и особо тяжких. Из указанного количества сотрудниками органов внутренних дел выявлено 1 116 271 (93,85 %) и 311 655 (95,12 %) преступлений соответственно. К сожалению, за указанный период времени остались нераскрытыми 476 138 преступлений [25]. Этот факт – предмет обсуждения на различных массовых информационных коммуникациях. Актуальность исследования проблемы освещения работы организационных структур МВД России в системе массовых информационных коммуникаций обусловлена и многими другими общественными факторами.

1. Переходом индустриального общества на новый уровень – информационный, где информация становится системообразующей ценностью, средством непосредственного управления и, следовательно, гибридной войны, цветных революций, организационного оружия, создания хаоса (анархии) в общественных отношениях [20, с. 28; 27, с.35; 32, с.145].

2. Опасностью труда и сложностью социально-экономического положения сотрудников полиции [23, с. 27; 33, с.30; 32, с.99].

3. Системной криминализацией общественных отношений и снижение уровня престижа правоохранительной деятельности [30, с. 24; 35, с.19; 32, с.12].

4. Разрушением традиций общественного контроля массовых информационных коммуникаций в правоохранительной деятельности [39, с.27;34, с.32; 28, с.128].

5. Конституционным запретом на цензуру СМИ и созданием условий для негативного информационного воздействия на систему правоохранительной деятельности [1; 24; 36].

Анализ программ телевидения, радио, содержания периодической печати и интернета, показывает, что в этих СМИ продолжает преобладать критические отношение к результатам работы сотрудников полиции, ее руководству. Ретрансляция негатива о деятельности МВД России в общественное сознание обуславливает тенденцию социальной дезинтеграции, снижает уровень эффективности взаимодействия правоохранительных органов с различными организациями публичной сферы, приводит к усложнению криминогенной обстановки в обществе.

Важность работы МВД со средствами массовых коммуникаций с целью защиты правоохранительной сферы обусловлена многими условиями, в том числе фактором ведения против России информационно-психологической войны, о качественном уровне организации которой свидетельствуют факты военной операции Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины. В настоящее время для непосредственной работы с населением противника в США созданы специальные формирования, которые комплектуются высококлассными специалистами разведки, иностранных языков, истории, журналистики, фотографии, изобразительного искусства, полиграфии, связи, юриспруденции, психологии, рекламы и так далее» (подробно см. ниже). Противник внедряют своих специалистов в средства массовой

информации [27, с.38], создает там аффилированные группы, дискредитирует правоохранительную систему, подрывает доверие населения к ней, создает условия для работы сил «цветных революций». Результаты этой войны неблагоприятные для российской правоохранительной системы. В общественном сознании формируется убеждение в том, что система МВД коррумпирована, профессионализм сотрудников полиции не полностью соответствует решаемым задачам в публичной правоохранительной сфере.

Необходимость дополнительного исследования данной проблемы объясняется и недостаточной научной разработанностью путей взаимодействия МВД с институтами массовых коммуникаций.

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по совершенствованию работы органов внутренних дел в системе массовых информационных коммуникаций.

Научная задача – определить и уточнить теоретические основы работы органов внутренних дел в системе массовых информационных коммуникаций.

Гипотеза – уровень эффективности работы органов внутренних дел в системе массовых информационных коммуникаций будет повышен, если усовершенствовать административный и общественный механизмы взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой коммуникации.

Технология и методы исследования. В изучении проблемы были применены теоретические (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование) и эмпирические (анализ документов, опрос экспертов, наблюдение) методы исследования.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые документы Российской Федерации, научная, правовая литература.

Линейное управление Южно-Уральского управления Министерства внутренних дел на транспорте обеспечивает правопорядок на участке Южно-Уральской железной дороги (2200 км), международных аэропортах «Челябинск», «Магнитогорск».

Кластеры: Оренбургский ЛО МВД России на транспорте; Орловский ЛО МВД России на транспорте; Курганский ЛО МВД России на транспорте; ЛОВД на станции Магнитогорск; ЛОВД в аэропорту города Магнитогорска; ЛОВД в аэропорту Оренбурга; общественные формирования, обеспечивающих вместе с полицией правопорядок в Челябинске, Кургане, Магнитогорске, Оренбурге. Эксперты – 216 чел. (руководители и сотрудники ЛО МВД России на транспорте, руководители общественных организаций, сотрудники муниципальных органов управления).

Результаты научного обсуждения и эмпирического исследования проблемы. Результаты исследования показывают, что информационное общество определяется такими показателями (понятиями,

категориями) как «массовая коммуникация», «информатизация», «средства массовой коммуникации» (далее – СМК). Получено достаточно аргументов определять массовую коммуникацию как путь массированного информационного взаимодействия людей, формирования информационных социально-психологических отношений с применением как традиционных СМИ (телевидение, радио, печать), почты, телефона и новых информационных технологий (мобильные системы связи и компьютерные сети, интернет).

В последнее время активизировалось научное обсуждение данной проблемы во всех гуманитарных науках и, объективно, в институтах власти. Результаты содержательного анализа научной литературы показывают, что взаимодействие со средствами массовой коммуникации остается важнейшей деятельностью в различных общественных структурах, сферах деятельности. Так, в контексте совершенствования государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов информационные коммуникации исследовал В.А. Черных [44]; противодействия незаконной миграция на территорию России – О.В. Ветрова, Демченко Т.С., Гостев А.Н. [23, с. 29]; профилактики рецидивной преступности иностранных граждан на территории России – Т.С. Демченко, О.В. Ветрова [30, с.27]; регистрации незаконных сделок с землей в России – А.А. Гостев [26, с.67-76]; религиозного фактора в межкультурных коммуникациях, подготовки населения к войны XXI века, обеспечения доверия граждан институту полиции, улучшения условий труда сотрудников полиции, исследования феномена гибридной войны – А.Н. Гостев [16, 27, с. 39; 28, с.132; 29, с. 154-167]; борьбы с экстремизмом и терроризмом в России – Э.Б. Кубанов [34, с.33]; развития гражданского общества как фактора социального контроля деятельности государства в условиях глобализации – Т.С. Демченко [29 с.154]; управления информационно-психологической зашитой социальной организации – Д.В. Чистяков [45, с.14-16]; разрешения организационных конфликтов – В.М. Прибыловский [40, с.12-13]; организации средств массовой информации – С.А. Шуба [46, с.17-18]; развития информационных технологии в управлении малыми производственными группами – И.В. Чернов [43, с.16-17]; профилактики коррупции в образовании – Е.А. Борисова [4, 22, с. 14]; развития российских традиций в высшем образовании – В.П. Серикова [41, с.18]; организации эффективного труда [21, с.234-267] и другие.

Результаты изучения общественной практики показывают, что уже в переходный период от индустриального к информационному обществу становится необходимым следовать принципу централизации на всех уровнях власти. Все большую востребованность имеет авторитарный стиль управления. Эта тенденция в настоящее время уже неформаль-

но закреплена в России, Белоруссии, Казахстане и в большинстве других постсоветских стран, состоялась в Китае, начинает развиваться в США и, следовательно, в ее странах-сателлитах. Безусловно, опасность авторитаризма состоит в том, что убираются многие сдерживающие препятствия к развязыванию войн, организации всеобщего и всестороннего контроля человека, повышается уровень значимости психологического здоровья руководителя. Очевидно, в соответствии с основным законом общественного управления появилась необходимость реформировать структуру власти и активизировать разработку нового нормативного правового обеспечения. Так, законодатель, как представляется, не смог точно оценить общественную обстановку в стране и, например, на прошедшем в 2020 году референдуме представить на суд граждан уточнения в ст. 29 Конституции Российской Федерации [1], где не замечается объективный гуманитарный принцип «не противоречия существу», смысл которого состоит в том, что человек, находясь в коллективе (обществе), не может быть свободен во всех своих действиях. Например, см. п. 4: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»; или п.5: «Цензура запрещается. Очевидно, что эти положения актуализируют содержание ст. 23 Конституции РФ: «... каждый имеет право на защиту своей чести доброго имени (часть 1)» [1]. Прогноз же такой: в условиях дальнейшего развития цифровых технологий контроля, нормы этих статей обусловят значительный рост уровня конфликтности (нестабильности, хаоса) в обществе, будут способствовать целенаправленному (точечному) применению сил и средств «организационного оружия» для разрушения центров управления, общественных институтов и, как сказано выше, объективно, ускорять формирование диктаторских форм правления, следовательно, будет поощряться экстремизм, терроризм, разрушаться институты гражданского общества (неформальное общественное управление), значительно усложнять деятельность правоохранительной системы. Вероятно, эти факты уже в начале военной операции на Украине обусловили срочное изменение в законодательстве, регулирующем информационную сферу. Власть в настоящее время вынуждено организует специализированное правовое обеспечение противодействию экстремистской деятельности [2], терроризму [2], коррупции [3]. Из-за криминализации общества уже сейчас в России разработана и реализуется стратегическая Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [11], впервые в истории нашей страны принят закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [6], усиливается регламентации деятельности полиции

[5], средств массовой информации [7], предпринимаются меры по повышению уровня престижа профессии правоохранителя [8], обращается особое внимание на повышение уровня доверия населения деятельности полиции [9; 10; 14; 18], укреплению здоровья сотрудников полиции [15] и другое.

Как показывают результаты ретроспективного анализа органы внутренних дел в системе массовых информационных коммуникаций обязаны занимать центральное место. История свидетельствует, что Россия всегда терпела поражения в геополитическом противоборстве только из-за внутренних конфликтов, общественных коллизий, и тогда, когда полицейская система переставала адекватно реагировать на внутренние угрозы. Так было в предреволюционный период (1917 год), когда за рубежом организовывались и финансировались политические центры, осуществляли подрывную деятельность в России, а наказание, изоляция их лидеров были «сверхдемократичными». Например, В.И. Ленин в Шушенском жил на поселении, писал революционные труды, не терял связи с Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП), на досуге с ружьем охотился на зайцев и лис. Другой лидер И.В. Сталин шесть раз арестовывался, ограничивался в свободе, но в ссылке создавал семьи, самовольно покидал места отбывания наказания. По сути, все руководство партии большевиков состояло из людей, многократно совершавших преступления (рецидивистов). Так, М.И. Калинин (Все-союзный староста) и А.И. Рыков (Нарком по внутренним делам) по четыре раза направлялись в ссылки; А.В. Луначарский (Нарком просвещения) – дважды; Ф.Э. Дзержинский имел восемь арестов (в тюрьме отбывал наказание 5 лет); В.П. Милютин (Нарком земледелия) – две ссылки; В.П. Ногин (Нарком по делам торговли и промышленности) – 6 лет тюрьмы (восемь арестов, шесть побегов). Арестовывались и успешно продолжали экстремистскую деятельность Нарком по иностранным делам Л.Д. Бронштейн (Троцкий), Нарком финансов И.И. Скворцов (Степанов), Нарком юстиции Г.И. Оппоков, Нарком по делам продовольствия И.А. Теодорович, Нарком почт и телеграфов Н.П. Авилова (Глебова) [34, с.32] и другие.

Урок для современной системы правопорядка очевиден – это бескомпромиссное противоборство с носителями разрушительной информации, систематический контроль содержания информации, изучение общественного мнения, настроения населения, сохранения отечественных традиционных отношений, активное участие в массированном информационном взаимодействии людей, формирование сознательных информационных социально-психологических отношений.

Результаты исследования показывают, что в настоящее время сотрудники полиции получают как по-

мощь СМИ в обеспечении правопорядка в публичной сфере, так и испытывают значительные трудности, связанные с излишними ограничениями в управлении массовыми коммуникациями (см. Рисунок 1).

Результаты исследования показывают, что противоборство в сфере информации становится наукоемким, безальтернативным, научно организованным, институализированным, что необходимо учитывается организациями МВД в регулировании информационных коммуникаций.

Так, наши геополитические противники преуспели с реализацией инновационных научных знаний в области психологии людей. В США давно созданы и сегодня успешно работают три секретных военных «ноэтических института» (факультета), где готовятся специалисты «информационно-психологических специальных операций» [27, с. 37]. С их непосредственным участием уничтожен СССР, обеспечена бескровная со стороны агрессора военная победа в Ираке (буря там была в стане иракцев), горел и разрушался арабский мир, непокорные страны в Европе, хаос на Украине, санкции против России и многое другое. Военная операция по демилитаризации и денацификации Украины показала, что американцы сегодня преуспели в организации информационных воздействий на население. За короткий срок они создали на Украине высокоэффективную систему информационно-психологического воздействия на население и, по сути, из русских людей создали врагов России. Российская армия вынуждена наносить удары высокоточным оружием по центрам информации украинских вооруженных сил наряду с системами вооружений.

В отличие от российской практики подготовки кадров во всех образовательных организациях силовых структур США изучению гуманитарных наук, как теоретической основы организации сил и средств информационного противоборства, уделяется приори-

тетное внимание. Например, в Вест-Пойнте (см. Рисунок 2), крупнейшей в мире военной образовательной организации, в программах обучения на факультетах, готовящих офицеров всех специальностей объем часов на изучение гуманитарных наук составляет на первом курсе 90 % времени, на втором – 70 %, на третьем – 40 %, на четвертом – 30 %, пятый курс – практика в войсках, дислоцированных по всему миру [28, с.129].

Именно с целью повышения уровня эффективности информационно-психологических операций проводятся фундаментальные научные исследования в сфере ноэтики (наука о сверхразуме). В настоящее время в США специалисты в сфере информационно-психологических технологий обучаются и во многих специализированных гражданских образовательных организациях: Лаборатория умных психотехнологий (Калифорния), Институт Джона Фетнера (Мичиган), Калифорнийский институт креативности, Калифорнийский институт ноэтических наук, Национальный институт научных открытий (основанный астронавтом Эдгаром Митчеллом) [28, с.129-132]. Вывод здесь один – против системы МВД сегодня работают специалисты с высочайшим уровнем подготовки с в сфере массовых цифровых коммуникаций. Такими специалистами укомплектованы подразделения нового вида войск – сил специальных операций (далее – ССО). Их задача – непосредственное воздействовать на население противника. В настоящее время США увеличили численность ССО до 42,6 тыс. человек (сравнение: см., например, общая численность ВС Германии – 62 тыс. чел.). Американские военные эксперты рассматривают ССО как «третью силу» (первая – ядерное оружие, вторая – обычные войска). Причем эта «сила» применяется постоянно, то есть воюет и в мирное время [28, с. 128]. Например, в 2021 году формирования ССО находились в 177 государствах (всего в мире 197 стран, в ООН – 193), то есть практически распре-

Рисунок 1. Мнение экспертов о работе массовых информационных коммуникаций

Рисунок 2. Военная академия США, город Вест-Пойнт

доточены по всей Земле. Они организуют работу по подрыву, дискредитации институтов власти (сосредоточенный информационно-психологический удар наносится по силовым структурам: МВД РФ, ФСБ РФ, ВС РФ, МЧС, Росгвардия, ФСО и другим), деморализации местного населения, создают повстанческие и партизанские отряды, проводят информационно-психологические атаки. Сегодня наглядно это видно на Украине, которую создали как «Антироссию». Значимость «психологических операций» (воздействия на мнения, чувства, настроения и поведение населения) в современном мире подтверждает такой факт: решение на ее проведение, как и на применение ядерного оружия, принимает лично Президент США.

Очевидно, что защита коммуникаций между МВД и СМИ, институтами гражданского общества – это стратегическая задача. Их разрушение ведет к стратегическому параличу правоохранительной системы. Например, априори, быстрое и качественное расследование уголовных сотрудниками органов внутренних дел невозможно без взаимодействия с структурами формального (государственного) и неформального (институты гражданского общества) управления.

Как сказано выше, в России создана адекватная современным условиям нормативная правовая база для защиты массовых коммуникаций в правоохранительной сфере. Так, положения об организации регулирования массовых коммуникаций с участием МВД России содержатся в Указе Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». А в Приказе МВД России от 05.01.2007 № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» [12], где указано, что органы, органи-

зации, подразделения при планировании правовой работы должны предусматривать мероприятия по организации взаимодействия со средствами массовой информации в целях правовой пропаганды. Результаты исследования показывают, что деятельность МВД России на массовых информационных коммуникациях уже институционализированна. Например, в структуре МВД России организовано отдельное Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации [13]. И хотя в его названии допущена ошибка (основная часть СМИ в России является институтом гражданского общества), его значимость в современных условиях бесспорна. В состав данного Управления входит пресс-центр МВД России. В Министерстве на правовом уровне организована защита массовых коммуникаций полицейских организаций. В соответствии с Приказом МВД России от 27 октября 2015 года № 1010 «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» [17] УОС МВД России обеспечивает доступ граждан к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Взаимодействию со средствами массовой информации в МВД России регулируется Приказом МВД от 16.06.2011 № 683 «Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» [13].

Как показывают результаты настоящего исследования вышеуказанные документы нормативной правовой базы целенаправленно реализуются на практике и на некоторых направлениях уже достигнут тактический и оперативный успех. Например, возрос уровень доверия населения полиции (см. Рисунок 3).

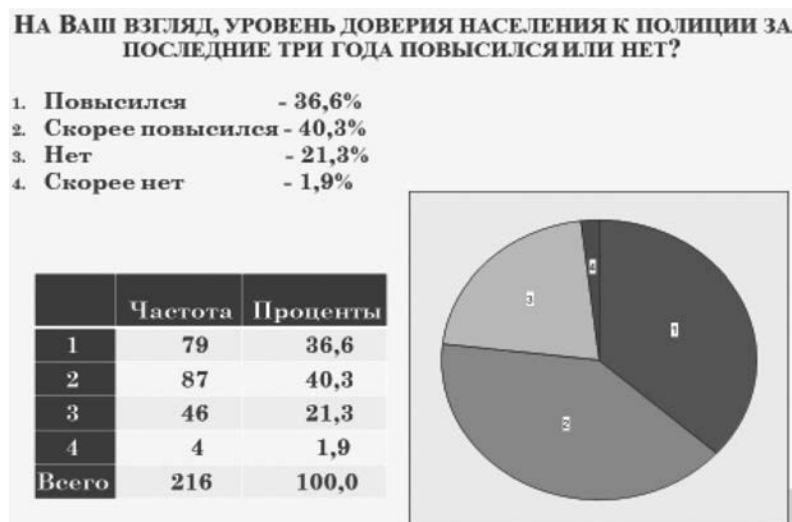

Рисунок 3. Доверие населения сотрудникам полиции

Результаты исследования показали, что установлен прочный контакт между подразделениями МВД России и структурами гражданского общества (см. Рисунок 4).

Реализуется обязанность правоохранительных органов информирования населения о своей работе. Исследование показало, что стабилизировался объем негативное содержание (контента) информации о МВД России в СМИ.

Наблюдается положительный эффект от интенсификации работы массовых коммуникаций между полицией, СМИ другими общественными институтами общества в раскрытии преступлений (см. Рисунок 5), выявлении новых фактов преступной деятельности, установлении очевидцев и свидетелей правонарушения, общей профилактики нарушений законодательства и формирования положительного общественного мнения о полицейских правоохранительных структурах.

Так, в ходе расследования уголовных преступлений органы внутренних дел используют материалы журналистских исследований, статистические данные, фото и видеоматериалы, в которых могут быть отражены важные для доказательной базы улики, обстоятельства. Расширена практика использование массовых коммуникаций для публикации информации о преступлениях, поиска свидетелей по факту совершенных криминальных деяний. Эксперты отмечают, что данный способ является более продуктивным, чем какие-либо иные следственные действия.

Безусловно, в любом как естественном, так и общественном явлении независимо от человека (объективно) есть светлые и темные стороны. В массовых коммуникациях между полицией и СМИ продолжается коммерческая «эксплуатация» резонансной ин-

формации о противоправной деятельности представителей федеральных законодательной, исполнительной, судебной властей. То есть для привлечения наибольшего количества читателей и зрителей, повышения уровня рейтинга отдельных СМИ журналисты гротескно (преувеличенно) предоставляют некоторую информацию, связанную с правоохранительной деятельностью. Наблюдается распространение такого явления, как получение информации незаконным путем, предоставление населению ложных сведений о состоянии преступности и другое.

Результаты исследования определили актуальность и такого явления, когда СМИ публикуют информацию, переданную им из органов внутренних дел, но искажают ее, показывают в контексте непрофессионализма сотрудников ведомства, действия которых не приводят к каким-либо значимым результатам в обеспечении порядка в правоохранительной сфере. Очевидна здесь системная ошибка, связанная с конституционным запретом всякой цензуры СМИ. В результате для коммерческого успеха (зарабатывания денег) многие представители СМИ безответственно, безопасно для себя используют важнейшую, интересную, приносящую большой доход, тему, связанную с работой сотрудников органов внутренних дел и, порой неосознанно, из-за своего непрофессионализма, наносят ей ущерб. Так, например, в последнее время в лексиконе СМИ участились публикации, где неправомерно используются такие правовые категории как «мошенник», «разбойник», «вор». Журналист умышленно или по незнанию, называя в СМИ человека мошенником, по сути, обвиняет его в уголовном преступлении, что неправомерно, следовательно, недопустимо до оглашения приговора суда и вступления его в силу. Необходимость интенсивных обу-

Рисунок 4. Негативная информация о МВД России в средствах массовой информации

Рисунок 5. Мнение экспертов об активности населения в профилактике и раскрытии преступлений

чающих коммуникаций между специалистами полицейской правоохранительной деятельности и СМИ (полиции) доказывает и другое обстоятельство. В последнее время журналисты часто апеллируют такими понятиями, как «грабеж», «кража», «разбой», считая их синонимами, тогда как в Уголовном кодексе РФ это разные составы преступления. Такая же путаница допускается в правовой трактовке деяний, связанных с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера – это две разные статьи, показывающие разные степени тяжести преступления и соответственно разное наказание.

Результаты исследования показали, что с информацией, предоставленной пресс-службой МВД России, таких нарушений в СМИ становится меньше.

Между тем, анализ публикаций с тематикой полицейской деятельности за 2021 год вышеуказанные нарушения еще встречаются, но, вероятно, с качеством «оговорок» журналистов. Так, 6 сентября 2021 года на сайте www.b6.ru опубликована новость о мужчине, который ворвался в квартиру соседей и пытался расстрелять их из ружья. В данной статье автор делает ссылку на ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», хотя называет эту статью просто «Угроза убийства». Конечно, данная описка не критична, но все же автор неверно указал название статьи закона, оформив ее как цитату в скобки, что является неверной трактовкой и закрепление в сознании населения неправильного понимания состава преступления.

Проблема освещения в СМИ разных структур правоохранительной деятельности обусловила то, что в 2019 году Советом судей РФ разработана Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. [19], в соответствии с которой законодателю предложено выработать приемлемые с точки зрения действующего законодательства алгоритмы действий судебной системы по защите судей от тенденциозных публикаций, имеющих цель сформировать негативный образ судьи и оказать давление на суд. Очевидно, что подобную концепцию следует разработать органам внутренних дел. В положениях этой концепции следует предусмотреть принципы взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации, порядок публикации информации средствами массовой информации, информация, которая запрещена к распространению, ответственность за публикацию скрытых материалов. Также следует оговорить невозможность опубликования информации, которая порочит честь и достоинство сотрудников органов внутренних дел, подвергает сомнению компетенцию данных сотрудников и в целом Министерства внутренних дел. Безусловно, в условиях действия ст.29 Конституции РФ, где запрещается всякая цензура, разработка и реализация положений такой концепции требует высочайшего профессионального мастерства сотрудников полиции.

И эта проблема, как показывают результаты данного исследования, решается с постепенным наращиванием качества авторитета полиции в сознании населения, что обуславливает вывод о том, что основная часть сотрудников этой силовой структуры высокопрофессиональные специалисты.

Заключение. Таким образом, информация становится системообразующей ценностью, средством непосредственного управления и, следовательно, гибридной войны, цветных революций, организационного оружия, создания хаоса (анархии) в общественных отношениях. Информационные технологии создают новые угрозы, опасности труду сотрудников полиции, создавая благоприятные условия для дальнейшей криминализации общественных отношений и снижения уровня престижа правоохранительной деятельности.

На массовых информационных коммуникациях Западом ведется война, ее силы и средства высоко профессиональны и технологичны. Результаты этой войны неблагоприятны для российской правоохранительной системы. В общественном сознании формируется убеждение в том, что система МВД не пол-

ностью соответствует решаемым задачам в публичной правоохранительной сфере.

Предположение о том, что уровень эффективности работы органов внутренних дел в системе массовых информационных коммуникаций будет повышен, если усовершенствовать административный и общественный механизмы взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой коммуникации подтверждается результатами исследования.

В настоящее время актуализируется проблема реализации принципа централизации деятельности системы МВД на массовых информационных коммуникациях. В России создано специализированное правовое обеспечение организации массовых информационных коммуникаций, которое основано на учете опыта профилактики разрушительных потрясений российской и советской практики. Деятельность МВД России на массовых информационных коммуникациях институционализирована. Результаты этой деятельности положительны. Наблюдается тенденция активизации населения в сотрудничестве с полицией в профилактике и раскрытии преступлений, повышается уровень его правовой грамотности.

Практические рекомендации.

I. В области совершенствования нормативной правовой базы.

Научным организациям предложить разработать и предложить МВД РФ проект Приказа о защите массовых коммуникаций в правоохранительной сфере.

II. В области административной организационной работы.

МВД России предложить разработать методические рекомендации:

- по регулированию массовых информационных коммуникаций МВД РФ с населением;
- по дополнительной подготовке кадров полицейских подразделений для работы со СМИ.

III. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Научным организациям, вузам МВД России организовать исследования по направлениям:

- применения организационного оружия на массовых информационных коммуникациях МВД РФ;
- угрозы и опасности труда сотрудников полиции в условиях криминализации массовых информационных коммуникаций;
- пути совершенствования общественного механизма взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой коммуникации;
- механизм традиций в системе управления массовыми информационными коммуникациями МВД РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст.3. М., 2020, 63с.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета от 30 июля 2002 года № 142-143.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Парламентская газета от 10 марта 2006 года № 32.
4. Федеральный закон РФ № 273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 5342, 29 декабря 2008 года.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 года.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 года.
7. Федеральный закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // Российская газета, 01 марта 2020 года.
8. Федеральный закон РФ от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 157, 21.07.2011.
9. Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Парламентская газета, № 52-53, 02-08.12.2011.
10. Федеральный закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 09.03.2021) «О государственной тайне» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ дата обращения 12.01.2022.
11. Государственная программа Российской Федерации: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma>. Дата обращения 12.01.2022.
12. Приказ МВД России от 05.01.2007 № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // СПС КонсультантПлюс.
13. Приказ МВД России от 16.06.2011 № 683 «Об утверждении Положения «Об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
14. Приказ МВД РФ от 15 августа 2012 года № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» // <https://base.garant.ru/70222544/> / Дата обращения 12.01.2021.
15. Приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс» // <https://base.garant.ru/70222544/> / дата обращения 12.01.2022.
16. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 года № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // <https://dokipedia.ru/document/5200338>. Дата обращения 12.01.2021.
17. Приказ МВД России от 27 октября 2015 года № 1010 «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» УОС МВД России обеспечивает доступ граждан к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.
18. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 года № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Дата обращения 12.01.2021.
19. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг.
20. Бакунин М.А. Государственность и анархия / М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М., «Правда», 1989, с. 27-32.
21. Бокарева В.Б., Лантев Л.Г., Гостев А.Н. Психология эффективного труда в социальной сфере: монография. Москва: Объединенная редакция; Ярославль, Филигрань. 2019. 629 с.
22. Борисова Е.А. Коррупция в системе высшего образования: перспективы социального контроля (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук – М., 2013. 24 с.
23. Ветрова О.А., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора // Вестник Академии права и управления, № 1 (58), 2020. С. 25-31.
24. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 21.03.2021// URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 17.01.2022).

25. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-июль 2021 года // <http://genproc.gov.ru/>
26. Гостев А.А. Регистрация незаконных сделок с землей: ответственность, уголовно-правовое регулирование: монография [Текст] – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010. 252 с.
27. Гостев А.Н. Войны XXI века: проблема подготовки населения: статья // Социология образования. – 2012. № 12а. С.30-43.
28. Гостев А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Научно-практический журнал "Человеческий капитал" № 12 (132) часть 2, 2019. С 126-147.
29. Гостев А.Н., Демченко Т.С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.
30. Демченко Т.С., Ветрова О.А., Т.С., Гостев А.Н. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
31. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Доверие граждан институту полиции: общественные механизмы укрепления // Вестник Академии права и управления, № 3 (64), 2021. С. 10-14.
32. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. М.: СГА, 2013, 198 с.
33. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32.
34. Кубанов Э.Б., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Экстремизм и терроризм в России: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления, № 2 2021. С. 29-40.
35. Кукулина Е.Ю., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект // Вестник Академии права и управления, № 1 (63), 2021. С. 15-25.
36. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Общественное мнение. Оценка деятельности полиции в 2021 году. // <https://мвд.рф/publicopinion>.
37. Моисеенко Н.Ю. Информационно-аналитическое обеспечение социального управления банковскими рисками: автореф. дис. ... канд. социол. наук – М., 2013, 24 с.
38. Орлов А.А., Демченко Т.С. Гостев А.Н. Совершенствование условий труда сотрудников полиции: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 95-104.
39. Петрова О.В., Ветрова О.А., Гостев А.Н. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации // Вестник «Вестник Уфимского юридического института МВД России, № 6 (58), 2020. С. 25-32.
40. Прибыловский В.М. Социальные механизмы управления организационными конфликтами: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007, 27 с.
41. Серикова В.П. Российские традиции в системе социального управления высшим образованием: автореф. дис. ... канд. социол. наук: – М., 2017. – 25 с.
42. Чеплухов Е.В., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Организации управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.
43. Чернов И.В. Информационные технологии в социальном управлении малыми производственными группами: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2010, 27 с.
44. Черных В.А. Совершенствование государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис... канд. политич. наук – М, 2003, 27 с.
45. Чистяков Д.В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 25 с.
46. Шуба С.А. Социальное управление организациями средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2008, 27 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020), Article 3. М., 2020, 63с.
2. Federal Law № 114-FZ of 25.07.2002 "On Countering extremist activity" // Parliamentary Gazette of July 30 2002 № 142-143.
3. Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006 "On Countering Terrorism" // Parliamentary Gazette № 32. 4 of March 10, 2006
4. Federal Law of the Russian Federation № 273-FZ of 12.25.2008 "On Combating Corruption" // Rossiyskaya Gazeta, № 5342, December 29 2008.
5. Federal Law of the Russian Federation № 3-FZ of 07.02.2011 (ed. of 06.02.2020) "On the Police" // Rossiyskaya Gazeta, February 08, 2011.
6. Federal Law of the Russian Federation № 212-FZ of July 21, 2014 "On the basics of public control in the Russian Federation" // Russian Newspaper, № 6435, July 23, 2014.

7. Federal Law of the Russian Federation № 2124-1 of 27.12.1991 (ed. of 01.03.2020) "On Mass Media" // Rossiyskaya Gazeta, March 01, 2020.
8. Federal Law of the Russian Federation № 247-FZ of 07.19.2011 (as amended on 07.31.2020) "On Social Guarantees to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, № 157, 07.21.2011.
9. Federal Law of the Russian Federation № 342-FZ of 11.30.2011 (ed. dated 08.12.2020) "On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Parliamentary Gazette, № 52-53, 02-08.12.2011.
10. Federal Law of the Russian Federation № 5485-1 of 21.07.1993 (as amended on 09.03.2021) "On State Secrets" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ / accessed 12.01.2022.
11. The State program of the Russian Federation: "Ensuring public order and countering crime" // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> . Date of appeal 12.01.2022.
12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 05.01.2007 № 6 "On approval of the Manual on the organization of legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // SPS ConsultantPlus.
13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.16.2011 № 683 "On approval of the Regulation "On the Department for Interaction with Civil Society Institutions and Mass Media of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 795 dated August 15, 2012 "On the procedure for apologizing to a citizen whose rights and freedoms were violated by a police officer" // <https://base.garant.ru/70222544/> / Accessed 12.01.2021.
15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.09.2013 № 660 "On approval of the Regulations on the basics of the organization of psychological work in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus" // <https://base.garant.ru/70222544/> / date of application 12.01.2022.
16. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 № 1040 "Issues of assessment of the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // <https://dokipedia.ru/document/5200338> . Date of issue 12.01.2021.
17. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 1010 dated October 27, 2015 "On Approval of the Procedure for Organizing Work to Ensure Access to Information about the Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation provides citizens with access to information about the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
18. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 777 dated December 1, 2016 "On the organization of continuous monitoring of public opinion on the activities of the police" // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952> . Date of issue 12.01.2021.
19. The concept of information policy of the judicial system for 2020-2030.
20. *Bakunin M.A.* Statehood and anarchy / M. A. Bakunin. Philosophy. Sociology. Politika. M., Pravda, 1989, pp. 27-32.
21. *Bokareva V.B., Laptev L.G., Gostev A.N.* Psychology of effective work in the social sphere: monograph. Moscow: United Editorial Office; Yaroslavl, Filigree. 2019. 629 p.
22. *Borisova E.A.* Corruption in the system of higher education: prospects of social control (regional aspect): abstract. dis. ... Candidate of Social Sciences – M., 2013. 24 p.
23. *Vetrova O.A., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Illegal migration as a cause of crimes committed by foreign citizens subject to administrative supervision // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 1 (58), 2020. pp. 25-31.
24. Speech of the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation General the Police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at the expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on 03.21.2021// URL: <http://kremlin.ru> (accessed 17.01.2022).
25. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. The state of crime in Russia in January-July 2021 // <http://genproc.gov.ru/>
26. *Gostev A.A.* Registration of illegal land transactions: responsibility, criminal law regulation: monograph [Text] – Moscow: Moscow State University named after E.R. Dashkova, 2010. 252 p.
27. *Gostev A.N.* Wars of the XXI century: the problem of training the population: article // Sociology of education. – 2012. № 12a. pp.30-43.
28. *Gostev A.N.* Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: results of the analysis of digital documents // Scientific and practical journal "Human Capital" № 12 (132) part 2, 2019. pp. 126-147.
29. *Gostev A.N., Demchenko T.S.* Civil society: control over the activities of the state: monograph. M.: Publishing House of SSU, 2011. – 193 p.
30. *Demchenko T.S. Vetrova O.A., T.S., Gostev A.N.* Recidivism of foreign citizens on the territory of Russia: socio-legal characteristics // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 2 (59). pp. 23-31.
31. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Citizens' trust in the police institute: public mechanisms for strengthening // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 3 (64), 2021. pp. 10-14.
32. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Management of information and psychological protection of a social organization: monograph. M.: SGA, 2013, 198 p.

33. Kadyrov R.H., Demchenko T.S., Gostev A.N. Public mechanisms for stimulating police officers // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 4 (61), 2020. pp. 25-32.
34. Kubanov E.B., Gostev A.N., Demchenko T.S. Extremism and terrorism in Russia: socio-managerial aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 2 2021. pp. 29-40.
35. Kuklina E.Yu., Demchenko T.S., Gostev A.N. Image of the head of the Department of Internal Affairs: socio-hermeneutic aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, № 1 (63), 2021. pp. 15-25.
36. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Public opinion. Assessment of police activity in 2021. // <https://мвд.рф/publicopinion>.
37. Moiseenko N.Yu. Information and analytical support of social management of banking risks: abstract of the dissertation ... cand. social Sciences – Moscow, 2013, 24 p.
38. Orlov A.A., Demchenko T.S. Gostev A.N. Improvement of working conditions of police officers: socio-managerial aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2021. № 2 (63). pp. 95-104.
39. Petrova O.V., Vetrova O.A., Gostev A.N. External educational environment: problems, practice of intercultural communication // Bulletin "Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, № 6 (58), 2020. pp. 25-32.
40. Pribylovsky V.M. Social mechanisms of organizational conflict management: abstract of the dissertation ... cand. social Sciences. – M., 2007, 27 p.
41. Serikova V.P. Russian traditions in the system of social management of higher education: abstract of the dissertation ... cand. social sciences: – M., 2017. – 25 p.
42. Cheplukhov E.V., Demchenko T.S., Gostev A.N. Management organizations of the internal affairs body of the Russian Federation: a sociological aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). pp. 75-85.
43. Chernov I.V. Information technologies in the social management of small production groups: abstract. dis. ... cand. social Sciences. – M., 2010, 27 p.
44. Chernykh V.A. Improvement of public administration in the preparation of human mobilization resources in the interests of ensuring military security of the Russian Federation: abstract. dis... Candidate of Political Sciences – M., 2003, 27 p.
45. Chistyakov D.V. Management of information and psychological protection of a social organization as a factor of ensuring the security of the individual: abstract of the dissertation ... cand. social sciences. – M., 2007. – 25 p.
46. Shuba S.A. Social management of mass media organizations: abstract. dis. ... cand. social Sciences – M., 2008, 27 p.

Дадажанова Екатерина Евгеньевна,

аспирант кафедры Налогообложения, учета и экономической безопасности, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший провизор отделения организации закупок ГБУЗ Новосибирской области «Государственная Новосибирская областная клиническая больница», город Новосибирск, kdadazhanova@gmail.com

Татаринцев Станислав Геннадьевич,

начальник оториноларингологического отделения, Федеральное государственное казенное учреждение «425 военный госпиталь» Министерства обороны РФ, город Новосибирск, tsglor@gmail.com

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Приведены результаты исследования трудов российских ученых и положений нормативных правовых актов, относящиеся к сфере закупок работ, товаров и услуг для обеспечения государственных нужд, акцентировано внимание на отсутствие единого подхода к оценке эффективности и результативности таких закупок. По мнению авторов определение понятия и разработка единого алгоритма по оценке эффективности закупочной деятельности позволит разработать конкретные и практически применимые рекомендации по усовершенствованию отдельных механизмов контрактной системы.

Ключевые слова: государственные закупки, госзаказ, контрактная система, здравоохранение, эффективность государственных закупок.

Ekaterina E. Dadazhanova,

Postgraduate at the Department of Taxation, Accounting and Economic Security, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior pharmacist of the Procurement Organization Department of the «State Novosibirsk Regional Clinical Hospital», Novosibirsk, kdadazhanova@gmail.com

Stanislav G. Tatarintsev,

Head of the Otorhinolaryngological Department, Federal State Institution “425 Military Hospital” of the Ministry of Defense of Russia, Novosibirsk, tsglor@gmail.com

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFICIENCY OF PUBLIC PROCUREMENTS IN THE HEALTH CARE SYSTEM

Abstract. The article presents the results of a study of the works of Russian scientists and the provisions of regulatory legal acts related to the field of public procurement, focuses on the lack of a unified approach to assessing the effectiveness and efficiency of such purchases. The definition of the concept and the development of a unified algorithm for evaluating the effectiveness of procurement activities will make it possible to develop specific and practically applicable recommendations for improving individual mechanisms of the contract system.

Keywords: public procurement, contract system, healthcare, efficiency of public procurement.

Здравоохранение, являясь одной из наиболее значимых отраслей социального сектора экономики, на сегодняшний день сталкивается с проблемами в сфере закупок. Непредсказуемость эпидемиологической обстановки, уровень социально-экономического развития страны в целом и регионов в

частности, недостаточность финансирования системы здравоохранения, необходимость независимости рынка лекарственных препаратов и медицинских изделий от внешнеэкономической и геополитической обстановки обуславливают особенности закупок в сфере охраны здоровья. От эффективности закупок

работ, товаров и услуг (далее – ТРУ) для медицинского применения зависит своевременность и качество оказанных медицинских услуг населению.

Целью исследования является анализ существующих подходов к оценке эффективности закупок для обеспечения госнужд.

Предмет исследования – методические подходы отечественных ученых и применяемые методики в оценке эффективности и результативности закупок для обеспечения госнужд.

Исходя из действующего законодательства, закупки ТРУ – это «совокупность последовательных действий с момента определения исполнителя (поставщика) до исполнения обеими сторонами своих обязательств». По данным научной литературы имеются различные подходы к формулированию понятия государственных закупок, с позиции различных областей знаний и дисциплин.

Так, О.Г. Аллилуева, А.А. Яковлев, А.Т. Шамрин, И.В. Кузнецова, Л.И. Якобсон, М.М. Юдкевич рассматривают термин государственные закупки с позиции экономической теории, как приобретение заказчиками от лица государства ТРУ на средства, выделенные из бюджетов, которая возможна путем реализации рационального размещения имеющихся ресурсов.

Л.В. Никифорова и С.С. Шувалов дают определение понятию с позиции макроэкономики. Они представляют деятельность государства, связанную с закупками ТРУ, как способ выполнения государством своих функций. Также, в контексте сказанного, это деятельность государства направлена на обеспечение государственных нужд путем перераспределения бюджетных средств.

М.В. Шмелева дает определение государственным закупкам, как отношениям экономических субъектов, которые выполняют свои функции и действия, определяемые нормативно-правовыми актами с целью обеспечения нужд государства.

С.И. Черных А.В., Снеткова, И.И. Смотрицкая, формулируя свое определение, исходят из механизма осуществления закупок. По их мнению госзакупки представляют собой комплекс отношений, связанный с закупкой ТРУ для обеспечения общественных и государственных нужд за счет средств разных бюджетов, в основе которого лежит контракт.

А с точки зрения выполняемых функций, по Т.Г. Шешуковой [9], О.А. Поповой, закупки для обеспечения госнужд являются инструментом регулирования экономики и стимулирования преобразований в приоритетных ее отраслях благодаря применению определенных предпочтений

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно дать комплексное определение государственных закупок. Государственные закупки – это совокупность правоотношений между участниками контракт-

ной системы в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд за счет средств государственного или иных бюджетов с целью их эффективного использования.

Категория «эффективность» является ключевой в экономике и управлении. «Экономическая эффективность» с позиции экономической теории – это соотношение достигнутых результатов и затрат ресурсов на их достижение. Бюджетным кодексом РФ установлено, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Федеральный закон № 44-ФЗ, который определяет основу правового регулирования контрактной системы в сфере закупок в Российской Федерации, не раскрывает понятие «эффективности государственных закупок». В то же время, он (44-ФЗ) прямо указывает, что «планировать и осуществлять закупочную деятельность заказчики обязаны исходя из необходимости достижения запланированных результатов».

Таким образом, в сфере обеспечения госнужд необходимо кроме экономической эффективности оценивать результативность закупок. Исходя из вышесказанного, эффективность государственных закупок можно определить как полное удовлетворение потребности государственных учреждений в ТРУ при эффективном расходовании выделенных бюджетных средств.

Для сопоставления результатов с запланированными показателями следует определить критерии оценки.

Так, эффективность прокьюремета в странах Европейского Союза (далее – ЕС), основываясь на принципе конкуренции, оценивается показателями, отображающими количество и качество извещений, количеством, стоимостью и качеством исполнения контрактов, количеством контрактов, заключенных с организациями из стран, не входящих в состав ЕС, а так же сравнением цен на идентичные товары и услуги, уплаченные государственными организациями в рамках всего ЕС. Методика оценки эффективности закупок в Канаде основана на принципе оптимальной стоимости и расчете показателей соотношения цена-качество-техническая выгода, уровня конкурентности и коррупции. В Австралии в основу оценки заложен принцип эффективного расходования бюджетных средств, то есть оценка должностными лицами заказчика своих действий на всех этапах закупочного процесса с учетом всех понесенных затрат и полученной пользы от жизненного цикла приобретаемого то-

вара. Интересна методология оценки закупок MAPS, представляющая собой целостную систему оценки таких аспектов, как соотношение цена/качество, прозрачность, справедливость, то есть обеспечение высокого уровня конкуренции, а также надлежащее управление, предполагающее горизонтальную ревизию закупочной деятельности, вопросы процедурного порядка, принципы честности и неподкупности.

Методики, применяемые при оценке эффективности государственных закупок в субъектах Российской Федерации (например, Тюменской, Костромской и Мурманской областях и др.), отличаются друг от друга. Так, согласно методике, утвержденной Правительством Тюменской области, проводится комплексная оценка с использованием таких критериев, как конкурентность, экономность, соблюдение законодательства, эффективность планирования, сомнительность закупок. В Мурманской области проводится комплексная оценка для формирования рейтинга заказчиков по показателям, характеризующим все этапы закупочного процесса от планирования и проведения экспертизы начальной максимальной

и минимальной цены контракта до определения исполнителя (поставщика), и отображающим полное представление о деятельности заказчиков в сфере закупок. К недостаткам проанализированных методик можно отнести большое количество рассчитываемых показателей, сложность расчетов и поиска информации, а также ограниченный спектр оцениваемых показателей – рассчитывается лишь полученная экономия и соблюдение законодательства в сфере закупок.

Проблемам повышения эффективности госзакупок в научной сфере уделяется повышенное внимание. Учеными изучен вопрос не только достижения эффективности как цели, но и с позиции методологии критериев и способов оценки этой эффективности на практике (см. Таблицу). Согласно В.Н. Немцовой «государственные (муниципальные) закупки можно считать эффективными, когда есть баланс интересов правовых субъектов-участников закупок, который в свою очередь достигим только тогда, когда итоговый результат удовлетворяет потребностям общества и государства, происходит экономия средств федерального, региональных и местных бюджетов, не допускаются нару-

Таблица

Подходы к оценке эффективности госзакупок, разработанные отечественными учеными

Авторы	Подход к оценке эффективности
Н.С. Шмиголь	Эффективность государственных закупок рассматривается с позиции эффективности госрасходов, которые характеризуются соотношением величин достигнутого результата и общего объема затрат на его достижение [10]
А.Н. Саунин	В основе определения эффективности закупок лежит расчет таких параметров, как экономичность, продуктивность и результативность [6]
О.И. Карепина	Оценка эффективности закупок основана на расчете показателей эффективности расходования бюджетных средств. Эти расходы, в свою очередь, отвечают требованиям: адекватность, точность, объективность, достоверность, однозначность, экономичность, сопоставимость, своевременность, регулярность и уникальность [2]
А.Ю. Гуцин	Вместе с определением особого статуса госзакупок (как базового элемента использования бюджетных средств), методика основана на определении критериев – экономичность, качественность, смешанный эффект [1]
Е.В. Юрченко, А.А. Юрченко	Оценка эффективности проводится с помощью показателей по следующим критериям [11]: • лояльность заказчиков к определенному способу определения поставщика; • конкурентность; • экономия денежных средств при использовании конкретного способа размещения госзаказа
Т.Г. Шешукова, А.А. Мальцева	Оценка эффективности закупочной деятельности, проводимой интересах НИУ, основана на расчете суммарного показателя, который определяется двумя основными параметрами: эффективность организации закупочной деятельности и эффективность использования закупок. В подходе реализован комплексный подход ко всем участникам закупки, оценка проводится по каждому контракту
Н.А. Кожина, С.В. Кирбитова	В основе методики лежит комплексный подход к оценке эффективности госзакупок для нужд таможенных органов. По расчету интегрального показателя оценивается экономия и результативность. Результативность определяется показателями, характеризующими качество исполнения контрактов [4]
Е.О. Санникова, Г.Е. Ончукова	Подход основан на выборе и расчете показателей, охватывающих все стадии закупки (планирование, заключение и исполнение контракта, контроль) и расчет комплексного показателя в баллах [8]
М.В. Кравченко, А.З. Толстова	Суть методики заключается в том, что закупочный процесс разделен на фазы – планирование, исполнение и контроль. Оценку предложено проводить с помощью расчета общего показателя, выраженного суммой весовых показателей, характеризующих эффективность каждой фазы закупки [5]

шения и соблюдается финансовая дисциплина в сфере закупок» [7]. Близка в этом вопросе точка зрения С.Ю. Зеленцовой и С.Е. Катарасовой [3]. Они обращают свое внимание на то, что максимальная эффективность закупок для удовлетворения государственных потребностей является главной целью, для чего государство и стало внедрять контрактную систему в сферу публичных отношений. В свою очередь, С.Г. Богацкая обращает внимание на то, что эффективность закупок нельзя определить только путем расчетов, есть необходимость учитывать как экономические, так и социальные, политические, экологические и другие аспекты. Затраты на проведение закупок не лимитированы лишь расходами непосредственно на приобретение ТРУ.

Таким образом, данное исследование, основанное на выводах российских ученых и положений нормативно-правовых актов в области закупок ТРУ для обеспечения госнужд, дает представление

об отсутствии единого подхода к оценке эффективности и результативности таких закупок. Ввиду того, что контрактная система в сфере закупок является неотъемлемой частью системы управления государственными финансами, необходимо создание единой концепции оценки показателей, исходя из имеющихся авторских методик, с учетом опыта субъектов РФ, а также изучение зарубежного опыта при оценке эффективности государственных закупок. На сегодняшний день, проблема эффективного проведения государственных закупок оказывает влияние на качество оказываемой медицинской помощи. Применение результатов оценки эффективности и результативности закупочной деятельности учреждения здравоохранения обеспечит правильность и своевременность принятия управленческих решений в будущих закупках с целью повышения качества оказания медицинских услуг населению.

Список литературы

1. Гущин А.Ю. Определение эффективности и способы ее оценки в системе государственного заказа // Фундаментальные исследования. 2012. № 9-1. С. 204-208.
2. Карепина О.И. К вопросу о показателях эффективности бюджетных расходов // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 7-7. С. 69-73.
3. Катарасова С.Е., Зеленцова С.Ю. Вопросы эффективности закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 21. С. 59-64
4. Кожина Н. А. Методика оценки эффективности государственных закупок в таможенных органах / Н. А. Кожина, С. В. Кирбитова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1(78). – С. 9-15.
5. Кравченко М.В., Толстова А.З. Проблематика оценки эффективности контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок / Научные горизонты. – 2017. – № 3. – С. 108-113.
6. Матвеева Н.С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 505-521.
7. Немцова Н.В. Характеристика и оценка эффективности закупок для государственных и муниципальных нужд Омской области // Сб. материалов Международной науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы развития экономики» / Под ред. В.В. Карпова и А.И. Ковалева. – Омск. – 2015. – С. 341-347.
8. Санникова Е.О. Оценка эффективности контрактной системы в сфере государственных закупок / Е.О. Санникова, Г.Е. Ончукова // Современные социально-экономические и правовые основы государственного регулирования экономики региона : сборник научных статей, Чебоксары, 07 мая 2019 года / Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. – С. 205-214.
9. Шешукова Т.Г., Мальцева А.А. Методика оценки эффективности государственных закупок в национальных исследовательских университетах // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 6 (348). С. 28-36.
10. Шмиголь Н.С. Современные подходы к оценке результативности государственных расходов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 45. С. 15-22.
11. Юрченко Е.В., Юрченко А.А. Методика оценки эффективности контрактной системы Российской Федерации. URL: econf.rae.ru/pdf/2014/11/3845.pdf (Дата обращения: 13.05.2022).

References

1. Gushchin A.Yu. Opredeleniye effektivnosti i sposoby yeye otsenki v sisteme gosudarstvennogo zakaza [Determination of efficiency and methods of its evaluation in the system of state order] // Fundamental'nyye issledovaniya, 2012, № 9-1, pp. 204-208. (In Russian).
2. Karepina O.I. K voprosu o pokazatelyakh effektivnosti byudzhetykh raskhodov [On the question of indicators of the effectiveness of budget expenditures] // Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki, 2015, № 7-7, pp. 69-73. (In Russian).
3. Katasonova S.E., Zelentsova S.Yu. Voprosy effektivnosti zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Issues of procurement efficiency to meet state and municipal needs] // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika, 2016, № 21, pp. 59-64. (In Russian).

4. *Kozhina, N.A.* Metodika otsenki effektivnosti gosudarstvennykh zakupok v tamozhennykh organakh [Methodology for assessing the effectiveness of public procurement in customs authorities] / N.A. Kozhina, S.V. Kirbitova // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke, 2017, № 1(78), pp. 9-15. (In Russian).
5. *Kravchenko M.V., Tolstova A.Z.* Problematika otsenki effektivnosti kontraktной системы v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [The problems of evaluating the effectiveness of the contract system in the field of state and municipal procurement] / Nauchnyye gorizonty, 2017, № 3, pp. 108-113. (In Russian).
6. *Matveyeva N.S.* Otsenka effektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) zakupok [Evaluation of the efficiency and effectiveness of state (municipal) procurement] // Finansy i kredit, 2018, T. 24, № 3 pp. 505-521. (In Russian).
7. *Nemtsova N.V.* Kharakteristika i otsenka effektivnosti zakupok dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd Omskoy oblasti [Characteristics and evaluation of the effectiveness of procurement for state and municipal needs of the Omsk region] // Sb. materialov Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. «Aktual'nyye voprosy razvitiya ekonomiki» / Pod red. V.V. Karpova i A.I. Kovaleva, Omsk, 2015, pp. 341-347. (In Russian).
8. *Sannikova, E.O.* Otsenka effektivnosti kontraktной системы v sfere gosudarstvennykh zakupok [Evaluation of the effectiveness of the contract system in the field of public procurement] / E.O. Sannikova, G.E. Onchukova // Sovremennyye sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki regiona : sbornik nauchnykh statey, Cheboksary, 07 maya 2019 goda / Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. I.Ya. Yakovleva, Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2019, pp. 205-214. (In Russian).
9. *Sheshukova T.G., Mal'tseva A.A.* Metodika otsenki effektivnosti gosudarstvennykh zakupok v natsional'nykh issledovatel'skikh universitetakh [Methodology for evaluating the effectiveness of public procurement in national research universities] // Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchët, 2015, № 6 (348). pp. 28-36. (In Russian).
10. *Shmigol' N.S.* Sovremennyye podkhody k otsenke rezul'tativnosti gosudarstvennykh raskhodov [Modern approaches to assessing the effectiveness of public spending] // Finansovaya analitika: problemy i resheniya, 2013, № 45. pp. 15-22. (In Russian).
11. *Yurchenko E.V., Yurchenko A.A.* Metodika otsenki effektivnosti kontraktной системы Rossiyskoy Federatsii [Methodology for assessing the effectiveness of the contract system of the Russian Federation]. URL: econf.rae.ru/pdf/2014/11/3845.pdf (Date of the Application: 13.05.2022). (In Russian).

Дорошенко Кирилл Олегович,
аспирант, Российский новый университет, Москва,
Kdoroshenko77@gmail.com

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ ИЗ ЯПОНИИ В РФ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов, связанных с развитием логистических цепочек в современных экономических условиях, отличающихся глобализацией хозяйственных связей и интеграцией производственных систем различных стран мира. Отдельный акцент сделан на значимости усовершенствования и повышения эффективности логистической системы России, которая соединяет транспортные потоки Европы и Азии, а также имеет значительный транзитный потенциал. Цель статьи заключается в изучении путей оптимизации логистических издержек при перевозке грузов между Японией в РФ. Методы исследования: анализ, синтез, экономико-математическое моделирование, систематизация. Сформулированные по результатам исследования рекомендации касаются сокращения затрат при перевозке контейнеров морским транспортом. Суть авторских предложений заключается в необходимости рационального размещения распределительных центров в рамках формулируемой в стране мультимодальной системы, а также оптимизации схемы перемещения пустых контейнеров, что позволит снизить расходы, связанные с их транспортировкой и хранением.

Ключевые слова: логистика, Россия, Япония, перевозки, контейнер, расходы, склад, распределительный центр, наземный транспорт.

Kirill O. Doroshenko,
Postgraduate, Russian New University, Moscow,
Kdoroshenko77@gmail.com

WAYS TO OPTIMIZE LOGISTICS COSTS DURING THE TRANSPORTATION OF GOODS FROM JAPAN TO THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to the consideration of topical issues related to the development of supply chains in modern economic conditions, characterized by the globalization of economic relations and the integration of production systems in various countries of the world. A separate emphasis is placed on the importance of improving and increasing the efficiency of the Russian logistics system, which connects the transport flows of Europe and Asia, and also has a significant transit potential. The purpose of the article is to study ways to optimize logistics costs when transporting goods from Japan to the Russian Federation. Research methods: analysis, synthesis, economic and mathematical modeling, systematization, generalization. The recommendations formulated based on the results of the study relate to cost reduction in the transportation of containers by sea. The essence of the author's proposals is the need for rational placement of distribution centers within the framework of the multimodal system being formulated in the country, as well as optimization of the scheme for moving empty containers, which will reduce the costs associated with their transportation and storage.

Keywords: logistics, Russia, Japan, transportation, container, expenses, warehouse, distribution center, ground transport.

Эффективная торговая и транспортная логистика являются одним из ключевых элементов развития конкурентоспособности страны как в региональном, так и в международном измерении, позволяя ей интегрироваться в мировой хозяйственный комплекс. В связи с этим рынок транспортно-логистических услуг активно развивается, используя новые форматы и способы взаимодействия транспортных компаний, поставщиков и потребителей, внедряя прогрессивные

технологические решения, цифровые инновации и информационно-коммуникационные технологии, что позволяет повысить качество предоставляемых услуг, обеспечить безопасность доставки грузов.

Государства, вовлеченные в мировую торговлю, характеризуются ростом объемов логистических услуг, о чем свидетельствуют регулярные отчеты Всемирного банка. Опыт промышленно развитых стран мира наглядно доказывает тот факт, что эффективно

функционирующие логистические системы обеспечивают получение около 20-30 % ВВП. Для сравнения, в России на транспортно-логистическую отрасль приходится примерно 6,3 % ВВП, составляющего 1,28 триллиона долларов.

С учетом вышеизложенного, не подлежит сомнению тот факт, что развитые логистические системы особенно важны для России, поскольку международная торговля составляет значительную часть ВВП страны. Российский рынок 3PL (сторонней логистики) на сегодняшний день оценивается в 23,4 млрд долларов США и является крупнейшим в СНГ. Провайдеры 3PL покрывают 65 % европейского рынка и 48 % китайского рынка. В России около 4000-6000 логистических компаний, а транспортный аутсорсинг занимает 22 % рынка, пятую часть всего транспортного сектора страны. Кроме того, расположение России на пересечении магистральных транспортных путей из Европы в Азию создает уникальные возможности для развития услуг в сфере транзита [3].

Однако, несмотря на важность и значительный потенциал в сфере логистики, транспортные мощности в России используются недостаточно, инфраструктура и услуги, доступные грузоотправителям и поставщикам, находятся на уровне ниже международных стандартов, а затраты на логистику, с которыми сталкиваются конечные пользователи, в несколько раз выше.

Россия принадлежит к странам с высоким уровнем логистических издержек, что оказывает существенное негативное влияние на эффективность экономики страны в целом и отдельных секторов ее промышленности в частности. По данным транспортных компаний, в связи с неэффективностью логистической системы российские производители теряют 15-18 долларов на каждой тонне производимой продукции. Согласно исследованиям, расходы на логистику в России превышают такой же показатель США на 25 %, ЕС – на 30 %, что значительно снижает доходы

предприятий и ухудшает их конкурентоспособность на международном рынке. В мировом рейтинге эффективности логистики LPI, в 2018 году Россия заняла 75-е место со значением индекса 2,76 среди 160 стран, в которых проводилось исследование. Ближайшими соседями России оказались Парагвай (75 место) и Бенин (76 место).

Особую актуальность вопросы оптимального управления логистическими расходами приобретают в торговом обороте стран, которые являются ведущими партнерами России на международном рынке, к их числу относится Япония, ее совокупная доля составляет 3,1 % товарооборота (см. Рисунок 1). В контейнерном импорте России на Японию приходится 4,2 %, а в экспорте – 5,2 %.

Оптимизация и управление логистическими расходами является сложной и неоднозначной задачей, поскольку охватывает широкий спектр вопросов, которые иногда могут вступать в противоречие друг с другом, в частности в сферах экономики (фискальная политика и рентабельность логистических операторов), социальной политики (безопасность движения, охрана труда и справедливое вознаграждение) и окружающей среды (выбросы и другие внешние воздействия).

Таким образом, снижение логистических затрат в транспортном комплексе России является важной практической задачей, требующей комплексного подхода ученых и менеджеров, и связанной с научной проблемой – разработкой методов управления оптимизацией издержек комплектования, доставки и обработки грузов на всех этапах логистической цепочки.

Указанные обстоятельства обусловили актуальность выбранной темы исследования.

Проблемы управления транспортно-логистическими потоками получают широкое распространение в научной литературе. Этой тематике посвятили свои труды такие отечественные и зарубежные уче-

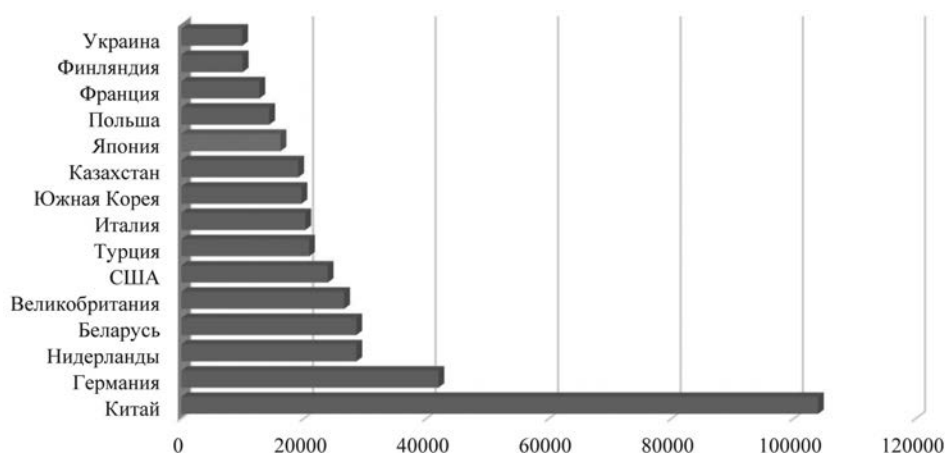

Рисунок 1. Ведущие внешнеторговые партнеры России в 2020 году, по объему (в млн долларов США)

ные как: Артамонова М.Ю., Землянкин Д.А., Рудакова Е.Н., Khiat, Azeddine, Haricha, Karim, Bahnasse, Ayoub.

Теоретико-методологические положения управления логистическими издержками отражены в работах Зимаковой Л.А., Семененко К.С., Матвеевой Я.М., Ползунова Н.Н., Subiyanto, Effnu, Plane, Patrick, Nurprihatin, Filscha.

Среди авторов, рассматривающих специфику логистических затрат в различных отраслях промышленности, следует отметить Шоназарову Н.Б., Кенжаеву Б.О., Трегубова В.Н., Ильину Т.А., Кирину Д.Н., О. Block, Jeff, Olmstead, Frank, Niemczyk, Jerzy, Szala, Paulina.

Изучение международного опыта и практики развития транспортно-логистической инфраструктуры с точки зрения снижения расходов как перевозчиков, так и потребителей, входит в круг научных интересов Аймешевой Ж.С., Стулова С.В., Климашина К.А., Long, Shengjie, Zhang, Dezhi, Li, Shuangyan.

Текущее положение, перспективы и будущие векторы сотрудничества России и Японии в сфере торговли и транспортного сообщения освещают в своих публикациях Елистратов А.С., Стромина В.А., Мищенко Я.В., Молий Г.М., Хань Т., Беломоин В.А., Корнеев К.А.

Однако, несмотря на существующие научные и практические наработки, разноаспектность и разновекторность определений логистических издержек, отсутствие системности в подходах к их оценке и методам управления в современных публикациях формирует большой круг вопросов, которые требуют дальнейшей проработки и более углубленного исследования.

Так, недостаточно освещенными и дискуссионными остаются проблемы, касающиеся идентификация состава расходов логистической системы, четкого выделения факторов, влияющих на уровень ее издержек. Особого внимания заслуживают методы оптимизации, с использованием которых можно минимизировать ущерб от логистических рисков или предотвратить их.

Принимая во внимание обозначенные выше факты, цель статьи заключается в изучении путей оптимизации логистических издержек при перевозке грузов между Японией в РФ.

На первом этапе исследования отметим, что несмотря на географическую удаленность от европейской части России, доставка грузов из Японии в Россию осуществляется в больших объемах. В структуре импорта из Японии существенную долю занимает продукция тяжелого машиностроения, автомобили, электроника, продукция химической промышленности. Подавляющая часть грузоперевозок осуществляется из Иркутской области через Дальневосточные порты (см. Рисунок 2).

В Иркутской области формируется 63 % контейнерного российского экспорта, в свою очередь 47 % контейнерных перевозок в импорте и более 70 % контейнерных перевозок в экспорте осуществляются через порты Дальнего Востока

Одним из альтернативных вариантов перемещения грузов между Россией и Японией, который позволит сократить логистические издержки, является использование железнодорожных контейнерных перевозок. Реализации данного направления будет способствовать подписанное между Министерством земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии, Министерством транспорта Российской Федерации и Ассоциацией транссибирских интермодальных операторов Японии соглашение об организации железнодорожных контейнерных перевозок.

Целью соглашения является развитие безопасного, бесперебойного, быстрого и удобного контейнерного сервиса, а также увеличение объемов контейнерных грузоперевозок по Транссибирской магистрали Япония-Россия-Европа. Это соглашение позволит запустить мультимодальную модель перевозок, суть которой заключается в том, что груз будет перевозиться в одном контейнере от двери до двери путем объединения наземного транспорта (автомобильного или железнодорожного) и морского (судно или баржа) в одну транспортную цепочку (см. Рисунок 3).

Для того, чтобы оптимизировать расходную часть перевозок в рамках этого проекта необходимо:

- во-первых, наладить процедуры обработки контейнерных грузов на стыке морской порт – железная дорога, с целью сокращения сроков доставки и

Рисунок 2. Схема перевозки грузов между Россией и Японией

Рисунок 3. Организация мультимодальных перевозок грузов между Россией и Японией

обеспечения бесперебойного обслуживания контейнерных перевозок;

- во-вторых, обеспечить организацию сети распределительных центров (далее – РЦ), которые будут иметь соответствующие мощности с целью расставировки крупнотоннажных контейнеров.

Для решения этих задач предлагаем методику, состоящую из выполнения ряда управляющих действий:

1. Поиск информации, формирование исходных данных. На этом этапе определяют перечень переменных и объектов наблюдения. Важными критериями отбора является точность и информативность данных.

2. Анализ выходной информации об отправителях и получателях. Необходимо выяснить географическое расположение пунктов отправления и назначения, количество груза, факт его наличия в каждом из пунктов отправления.

3. Определение управляющей подсистемы (ЗРЛ оператора перевозки).

4. Сбор информации о пунктах перевалки. На этом этапе определяются возможные пункты перевалки и их пропускная способность, в случае необходимости составляется план их постройки или модернизации.

5. Анализ информации о наличии РЦ, приближенных к сегментам конечных потребителей.

6. Изучение характеристик выбранных РЦ (транспортная развязка, складские мощности и наличие технологии разукрупнения грузовых единиц). Из массива возможных центров выбор тех, которые отвечают требованиям грузопотока.

7. Формирование логистической системы с указанием всех посредников.

8. Создание блока исходных данных (объемы поставки, расходы на доставку, хранение, экспедирование, перегрузку и др.).

9. Выбор критерия оптимизации построения логистической цепочки. Для того чтобы выбрать лучший вариант доставки груза, необходимо определиться с критерием оптимальности. Например, если взять критерий стоимости, то план перевозок оптимален, если достигнут минимум затрат на его реализацию. Если используется временной критерий, то план перевозок оптимален, если на его реализацию тратится минимум времени.

10. Сбор и формализация модели в общем виде.

11. Тестирование модели с числовыми данными.

На данном этапе модель в общем виде расписывается подробно для конкретной логистической цепочки.

12. Решение задачи с помощью ЭВМ.

13. Получение оптимального маршрута доставки груза.

14. Запуск разработанной логистической цепочки на практике.

В математическом виде предложенный алгоритм будет иметь следующий вид. Пусть будет M_i ($i = \overline{1, N}$) портов отправителей контейнеров с грузом, при этом из каждого из них отправляется a_j ($j = \overline{1, P}$) контейнеров. Перевозка контейнеров осуществляется морским транспортом (судоходными линиями) к K_e ($e = \overline{1, R}$) портам назначения. Далее необходимо осуществить доставку наземным транспортом в один или несколько РЦ, емкость каждого из которых четко зафиксирована в силу ограниченности складских помещений и составляет dy ($y = \overline{1, W}$) паллет-мест. Предположим, что перевозка осуществляется в 20 футовых контейнерах и один контейнер может вместить 10 паллет размером 1200x800 мм. В распределительном центре контейнеры расставируются и груз отправляется L_g ($g = \overline{1, H}$) конечным потребителям в соответствии с их заказами в объеме bs ($s = \overline{1, V}$) паллет.

Известны:

- стоимость перевозки морским транспортом, включая стоимость перегрузки и экспедирования груза в порту, – $сik$ ($i = \overline{1, M}, k = \overline{1, K}$);

- стоимость перевозки наземным транспортом в РЦ, включая стоимость обработки контейнера и стоимость хранения к моменту вывоза, – $скj$ ($k = \overline{1, K}, j = \overline{1, N}$);

- стоимость доставки груза конечным потребителям – $сjl$ ($j = \overline{1, N}, l = \overline{1, L}$).

Параметрами управления в экономико-математической модели построения логистической системы доставки контейнеров являются: количество контейнеров, перевозимых между портами xik ($i = \overline{1, M}, k = \overline{1, K}$); количество контейнеров, пере-

возимых из портов назначения в РЦ – x_{kj} ($k = \overline{1, K}, j = \overline{1, N}$); количество паллет (тонн), перевозимых с РЦ конечным потребителям – y_{il} ($j = \overline{1, N}, l = \overline{1, L}$).

Также известна загрузка контейнера, которая равна q паллет. Следует отметить, что расположение РЦ может совпадать с расположением конечного потребителя. С учетом выше обозначенных условий, необходимо построить систему доставки груза в контейнерах, которая позволит минимизировать общие затраты, связанные с транспортировкой на всех этапах прохождения груза, его обработкой и хранением в РЦ.

Таким образом, экономико-математическая модель задачи построения логистической системы доставки грузов в контейнерах при минимальных затратах имеет следующий вид.

$$z = \sum_{i=1}^M \sum_{k=1}^K c_{ik} x_{ik} + \sum_{k=1}^K \sum_{j=1}^N c_{kj} x_{kj} + \sum_{j=1}^N \sum_{l=1}^L c_{jl} y_{jl} \rightarrow \min \quad (1)$$

$$\sum_{k=1}^K x_{ik} = a_i \quad (i = \overline{1, M}) \quad (2)$$

$$\sum_{i=1}^M x_{ik} - \sum_{k=1}^K x_{ik} = 0 \quad (k = \overline{1, K}) \quad (3)$$

$$\sum_{j=1}^N x_{kj} \cdot q \leq d_j \quad (j = \overline{1, N}) \quad (4)$$

$$\sum_{k=1}^K x_{kj} \cdot q - \sum_{l=1}^L y_{jl} = 0 \quad (j = \overline{1, N}) \quad (5)$$

$$\sum_{j=1}^N y_{jl} = b_l \quad (l = \overline{1, L}) \quad (6)$$

$$x_{ik} \geq 0 \quad (i = \overline{1, M}, k = \overline{1, K})$$

$$x_{kj} \geq 0 \quad (k = \overline{1, K}, j = \overline{1, N})$$

$$y_{jl} \geq 0 \quad (j = \overline{1, N}, l = \overline{1, L}) \quad (7)$$

(1) – целевая функция, минимизирующая общие затраты (на перевозку морем, перегрузку и оформление в порту, перевозку наземным транспортом, обработку и хранение в РЦ);

(2) – ограничения по вывозу из портов отправления: все контейнеры должны быть вывезены;

(3) – балансовые ограничения по портам: все ввозимые контейнеры в порты назначения должны быть вывезены;

(4) – ограничения по пропускной способности РЦ: доступная емкость РЦ не должна быть превышена;

(5) – балансовые ограничения по РЦ: весь ввозимый в РЦ груз должен быть вывезен;

(6) – ограничение об удовлетворении в полном объеме запросов клиентов;

(7) – условия неотъемлемости переменных.

Значительную долю затрат в перевозках контейнеров между Россией и Японией составляет транспортировка и хранение на складах пустых контейнеров. По мнению автора, уменьшить данную статью затрат в логистической цепочке позволит рациональное перераспределение пустых контейнеров с учетом изменения цен складов и стоимости транспортировки контейнеров. Это даст возможность компаниям-перевозчикам преодолеть сложности, связанные с перестановкой пустых контейнеров принимая во внимание их размер, количество дней хранения, изменения стоимости хранения на складах и стоимости транспортировки контейнеров из порта на соответствующие склады.

Управление пустыми контейнерами в секторе морской логистики всегда было проблемой, требующей совершенствования. Как только судно прибывает на контейнерный портовый терминал, импортные контейнеры выгружаются с судна, а экспортные контейнеры загружаются на судно. При экспортном заказе пустой контейнер перевозится к заказчику, где он заполняется, а затем полный контейнер доставляется на терминал отправления. Для импортного заказа поток обычно обратный, то есть полный контейнер должен быть доставлен от терминала прибытия к клиенту.

На сегодня существует два различных метода транспортировки порожних контейнеров. Согласно первому методу, для импортных заказов, как только клиент получает свои импортные контейнеры, они должны быть опорожнены на терминале контейнерного порта, а груз должен быть перевезен на склад клиента, обычно грузовиками клиента. После того как груз вывезен из импортного контейнера, контейнер становится пустым, его необходимо очистить (если это необходимо), а затем перевезти на один из имеющихся складов грузовиками компании-грузоперевозчика и хранить там некоторое время. При втором методе импортные заказы забираются клиентами с терминала и опорожняются на складе клиента. Затем эти пустые контейнеры перевозятся от клиента на один из имеющихся складов грузовиками клиента. Схематически эти два метода показаны на Рисунке 4.

Компания-перевозчик должна оплачивать два вида затрат: стоимость перевалки и стоимость ежедневного хранения. Суть проблемы заключается в том, что компании-перевозчики предоставляют своим клиентам еженедельные услуги по контейнерным перевозкам и имеют некоторые дисбалансы в определенных периоды времени, связанные с тем, что избыток пустых контейнеров в местах, где преобладает импорт, должен быть отправлен в места, где преобладает экспорт, чтобы покрыть спрос на контейнеры. Для решения этой задачи представляется целесообразным использовать методы смешанного целочисленного линейного программирования.

Целью предлагаемых автором рекомендаций является минимизация общей стоимости пустых контейнеров при соблюдении оптимального их распределения по складам. Первым показателем эффективности и основной задачей является минимизация об-

щей стоимости, включая стоимость транспортировки порожних контейнеров и стоимость хранения запасов на складах.

Условные обозначения, которые приняты в разрабатываемой модели представлены в Таблице.

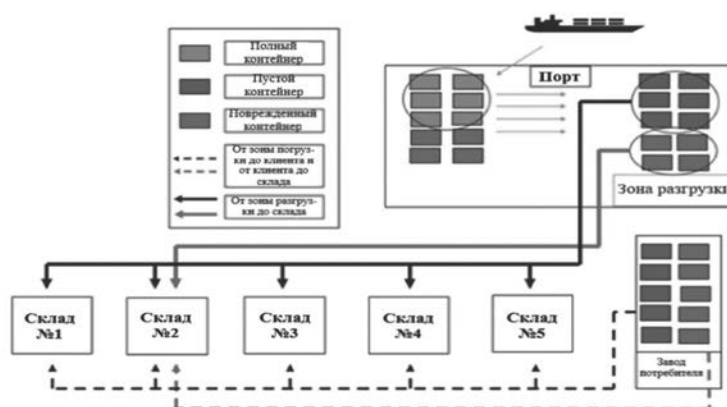

Рисунок 4. Поток пустых контейнеров и их движение в логистической цепочке

Таблица

Условные обозначения в модели оптимального распределения пустых контейнеров

N	Набор контейнеров
M	Набор складов
Nv	Набор контейнеров, перевезенных из порта на склады грузовиками компании
g _j	Стоимость перевалки на конкретном складе, j, j ∈ M
c _j	Стоимость перевозки каждого контейнера от порта до склада, j, j ∈ M
d _i	Общее количество дней хранения для контейнера, i, i ∈ N
ds _j	Суточная стоимость хранения на складе, j, j ∈ M j ≠ 4
ds _{j,k}	Увеличение ежедневной стоимости хранения на складе j в зависимости от количества дней хранения в интервале k k=1, 0 ≤ d _i < 8; k=2, 8 ≤ d _i < 15; k=3, 15 ≤ d _i < 22; k=4, 22 ≤ d _i , i=4

freedays_j: лимит дней хранения на складе j для свободных контейнеров;

freepool_j: лимит вместимости контейнеров склада j для свободного хранения.

$$TEU_i = \begin{cases} 1, \text{если } TEU \text{ контейнера } i \text{ равно } 20 \\ 2, \text{если } TEU \text{ контейнера } i \text{ равно } 40 \end{cases}$$

Переменные для принятия решений:

$$x_{i,j} = \begin{cases} 1, \text{если контейнер } i \text{ закреплен за складом } j \\ 0, \text{другое} \end{cases}$$

$$w_{i,j} = \begin{cases} 1, \text{если контейнер } i \text{ превышает лимит} \\ \text{свободного пула для склада } j \\ 0, \text{другое} \end{cases}$$

$$fp_{i,j} = \begin{cases} 1, \text{если контейнер } i \text{ составляет } 20 \text{ TEU} \\ \text{и находится в свободном пуле склада } j \\ 2, \text{если контейнер } i \text{ составляет } 40 \text{ TEU} \\ \text{и находится в свободном пуле склада } j \\ 0, \text{если контейнер } i \text{ превышает лимит} \\ \text{свободного пула склада } j: \end{cases}$$

$y_{i,j}$: количество дней, превышающее количество свободных дней контейнера i, закрепленного за складом j

Математическая модель с учетом сформулированных ограничений имеет следующий вид:

$$\begin{aligned}
 & \sum_{i \in N} \sum_{j \in M} g_j \times x_{i,j} \\
 & + \sum_{i \in N} \sum_{j \in M} c_j \times x_{i,j} \\
 & + \sum_{i \in N} \sum_{j \in M | j \neq 2,5} d_i \times w_{i,j} \times ds_j \\
 & + \sum_{i \in N} \sum_{j \in M | j \neq 1,4,5} y_{i,j} \times ds_j \\
 & + \sum_{i \in N | d_i < 8} d_i \times w_{i,4} \times ds_{4,1} \\
 & + \sum_{i \in N | 8 \leq d_i < 15} (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,1}) \\
 & + ((d_i - 7) \times w_{i,4} \times ds_{4,2}) \\
 & + \sum_{i \in N | 15 \leq d_i < 21} (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,1}) \\
 & + (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,2}) \\
 & + ((d_i - 14) \times w_{i,4} \times ds_{4,3}) \\
 & + \sum_{i \in N | 22 \leq d_i} (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,1}) \\
 & + (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,2}) \\
 & + (7 \times w_{i,4} \times ds_{4,3}) \\
 & + ((d_i - 21) \times w_{i,4} \times ds_{4,4})
 \end{aligned}$$

Целевая функция минимизирует стоимость перевалки и ежедневного хранения контейнеров, а также стоимость транспортировки контейнеров из порта на каждый склад.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что моделирование и оптимизация логистических систем в современных условиях развития экономики России приобретают все большую актуальность в связи с интенсификацией и развитием внешнеторговых отношений. На примере перевозки грузов между Россией и Японией, в статье сформулированы предложения и практические рекомендации, касающиеся оптимизации логистических расходов. Данные предложения охватывают создание распределительных центров, рационализацию их месторасположения и вместимость в рамках модели мультимодальных перевозок с привлечением железнодорожного транспорта. Также с использованием инструментария смешанного целочисленного линейного программирования разработана модель, позволяющая снизить расходы перемещения и хранения пустых контейнеров.

Список литературы

1. Волков В. Парадигмальный подход к анализу эволюции логистики в России // Логистика. 2019. № 10 (155). С. 46-50.
2. Егорова Л.И., Мантурова И.Ю., Шрамко Р.А. Разработка оптимальной мультимодальной транспортно-технологической схемы доставки генерального груза // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. 2019. № 4 (29). С. 33-38.
3. Калачев В.К. Интермодальные технологии перевозок грузов на паромов: современный аспект // Научные проблемы водного транспорта. 2020. № 64. С. 133-142.
4. Малихина О.В., Назарова А.Н. Логистические аспекты развития танк-контейнерного рынка в Российской Федерации // Экономический вектор. 2021. № 2 (25). С. 14-20.
5. Пустохина И., Пустохин Д. Цифровизация логистики в России: реальность, проблемы и ближайшие перспективы // Логистика. 2019. № 11 (156). С. 14-18.
6. Шевченко М.В. Логистические аспекты транспортировки японских автомобилей российским покупателям // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (104). С. 19-21.
7. Retail and Trade. – Текст : электронный // Statista : [сайт]. – URL: <https://www.statista.com/markets/423/retail-trade/> (дата обращения: 10.02.2022).

References

1. Volkov V. Paradigm approach to the analysis of the evolution of logistics in Russia // Logistics. 2019. № 10 (155). pp. 46-50.
2. Egorova L.I., Manturova I.Yu., Shramko R.A. Development of an optimal multimodal transport and technological scheme for the delivery of a total load rate // Bulletin of the State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov. 2019. № 4 (29). pp. 33-38.
3. Kalachev V.K. Intermodal technologies for cargo transportation by ferries: a modern aspect // Scientific problems of water transport. 2020. № 64. S. 133-142.
4. Malikhina O.V., Nazarova A.N. Logistic aspects of the development of the tank-container market in the Russian Federation // Economic vector. 2021. № 2 (25). pp. 14-20.
5. Pustokhina I., Pustokhin D. Digitalization of logistics in Russia: reality, problems and prospects // Logistics. 2019. № 11 (156). pp. 14-18.
6. Shevchenko M.V. Logistic aspects of transportation of Japanese cars in the interests of buyers // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2019. № 1 (104). pp. 19-21.
7. Retail and Trade. – Text: electronic // Statista: [website]. – URL: <https://www.statista.com/markets/423/retail-trade/> (date of access: 02/10/2022).

Козлов Василий Дороевич,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Экономики и управления бизнес-процессами,
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, город Княгинино,
kozlov.kovado@yandex.ru

Палицына Дарья Владимировна,

аспирант кафедры Экономики и управления бизнес-процессами,
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, город Княгинино,
ya.199517ftbkisru2011@yandex.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА МАКРО И МИКРОУРОВНЯХ

Аннотация. Системный подход к анализу экономики основан на многосистемной стратификации различных секторов экономики и изучении связей как внутри отдельных уровней, так и между этими уровнями. В экономике традиционно выделяют два основных уровня экономического анализа: макроэкономический и микроэкономический. На основе общих представлений о рациональном использовании ресурсов нельзя решить проблемы, возникающие в отрасли в рамках системы «экономики», основанной на неоклассической традиции, включающей подсистемы макро- и микроэкономики.

Ключевые слова: экономический потенциал, экономический анализ, состояние экономики, региональная экономика.

Vasiliy D. Kozlov,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Economics and Business Process Management, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino,
kozlov.kovado@yandex.ru

Darya V. Palitsyna,

Postgraduate at the Department of Economics and Business Process Management, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino,
ya.199517ftbkisru2011@yandex.ru

ANALYSIS OF THE STATE OF THE REGIONAL ECONOMY AT MACRO AND MICRO LEVELS

Abstract. A systematic approach to the analysis of the economy is based on the multi-system stratification of various sectors of the economy and the study of relationships both within individual levels and between these levels. In economics, there are traditionally two main levels of economic analysis: macroeconomic and microeconomic. On the basis of general ideas about the rational use of resources, it is impossible to solve the problems that arise in the industry within the framework of the "economy" system based on the neoclassical tradition, which includes subsystems of macro- and microeconomics.

Keywords: economic potential, economic analysis, state of the economy, regional economy.

Прогнозирование и планирование, разработка экономических программ, определение стратегии опережающего экономического и социального развития территорий невозможны без предварительной оценки состояния и тенденций развития отрасли экономики и социальной сферы региона, структурного изменения курса в регионе и уровня использования его ресурсного потенциала. В рамках рыночных отношений обязательным условием является конъюнктура и глубина изучения потребностей

внутреннего и внешнего рынков, рыночных конъюнктур, потребительских требований, приоритетные направления экспорта, импорта, инвестирования, эффективные отношения с другими субъектами и организациями. Существует три разных уровня анализа, на основе которых можно проводить анализ, касающийся региональной экономики. Наглядно уровни экономики представлены на Рисунке 1.

Для учета этих особенностей требуется постоянное изучение всех областей деятельности, глубоко

Рисунок 1. Уровни экономики [6]

кая оценка связей, взаимозависимостей процессов и явлений, выявление недостатков, поиск резервов, способствующих ускорению социального развития, возможностей повышения финансовой и хозяйственной эффективности предприятия в области, исследование факторов, определяющих состояние, тенденции социального развития деятельности в области, городе, районе. Изучение данных вопросов, а, следовательно, и принятие обоснованных управленческих решений по стратегиям и тактике невозможно без международного и тщательного анализа развития экономической и социальной территории [3].

На макроуровне экономический анализ включает в себя всестороннее исследование темпов развития экономики, доминирующих экономических показателей в стране, структуры общественной экономики. Необходимо проанализировать использование труда, потенциал ресурсов природы, развитие научного и технических процессов. Особое внимание следует уделять выявлению динамики изменений основных параметров эффективности производства и показателей качества экономического развития: материальной и энергетической эффективности, фондовой стоимости, трудовой производительности. Комплексное исследование состояния экономической системы страны должно завершаться ее общим анализом и анализом показателей жизни населения по сравнению с наиболее развитыми экономическими странами, а также выработкой рекомендаций по решению задач, направленных на эффективное достижение поставленной цели [5].

На макроуровне в экономическом анализе акцент следует уделять выявлению резервов по уменьшению себестоимости товаров, определению эффективности применения производственных, финансовых и трудовых ресурсов. Необходимо выяснить факторы, которые препятствуют развитию экспортных потенциалов и анализировать соответствие выпускаемой продукции спросу на нее.

Направление уточнения содержания экономической теории – вычленение между макроуровнем и

микроуровнем экономики промежуточного – мезоэкономического уровня. Данный уровень представлен главным образом региональными, территориально-отраслевыми, отраслевыми и межотраслевыми комплексами, а также крупными интегрированными корпорациями, в том числе холдингами и финансово-промышленными группами.

В мезоэкономический уровень входят не только социально-экономические структуры среднего экономического уровня, но и входящие в них подсистемы, в первую очередь компании и группы компаний.

В связи с этим в «мезоэкономическом уровне» можно выделить следующие субъекты (Рисунок 2):

Подобный подход к исследованию субъектов мезоэкономики предполагает выделение четырех основных уровней, которые отражают специфику мезоэкономического анализа.

Экономический анализ является одним из важнейших элементов прогнозирования и планирования. Этот анализ необходимо делать и на макро- и на мезо- и микроуровне. При экономическом анализе следует использовать системный подход. Экономика народного хозяйства в целом, а также ее структурные элементы: сферы и регионы, отрасли, объединения и предприятия считаются системой. Анализы должны быть всесторонними, то есть комплексными.

Принципиальная разница между мезоэкономикой и микроэкономикой выражается в теоретической зависимости от безличностной природы субъектов экономической деятельности. Мезоэкономический анализ пересматривает много устоявшихся представлений о рыночной экономике. Считается, что мезоэкономический анализ закладывает основы теории экономического общества постиндустрии [4].

Отличия мезоэкономики от макро и микроэкономики представлены в Таблице.

Исходя из данных таблицы можно сделать вывод, что макроэкономика является более широкой областью, а микроуровень и мезоуровень имеют узкое направление специализации.

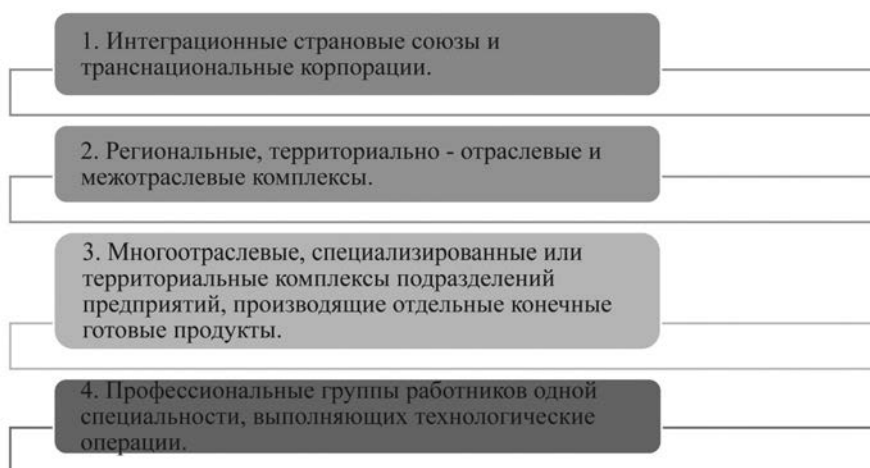

Рисунок 2. Субъекты мезоэкономического уровня [составлено авторами]

Таблица

Отличия мезоэкономики от макро и микроэкономики

№ п/п	Показатель	Микроэкономика	Мезоэкономика	Макроэкономика
1	Объекты	Домашние хозяйства и небольшие предприятия	Средние и крупные формы хозяйствования (ОАО, ТНК, холдинги)	Национальный народно – хозяйственный комплекс (государственный сектор)
2	Цель	Максимизация прибыли	Максимизация прибыли и стремление к рыночному господству	Наиболее полное удовлетворение потребностей общества и каждого члена в отдельности
3	Собственность	Частноиндивидуальное присвоение	Общедолевое присвоение	Общее совместное присвоение
4	Кооперация и разделение труда	Кооперация на уровне предприятий. Предметная специализация	Кооперация в масштабах производственных объединений (ТНК) и финансовых промышленных групп (ФПГ). Разделение труда на отраслевом и региональном уровне	Кооперация на уровне народнохозяйственного комплекса. Общенациональное разделение труда
5	Организация хозяйства	Свободные рыночные связи	Рыночная власть мезообъединений. Долгосрочные контрактные связи	Общее экономическое пространство, включая рыночные и нерыночные сектора
6	Управление экономикой	Единоличное управление предприятием самим собственником	Плановое управление мезосистемой нанятым менеджером	Государственное регулирование экономики. Единая государственная политика.

Экономическая теория и экономические политики сталкиваются с множеством проблем при разработке институциональных структур новой мезоэкономики, отличных от дореволюционных и не имитирующих аналогичных структур развитых стран, имеющих стабильную экономику, которые должны обеспечивать эффективную деятельность не только предприятий, рынков, сетевых структур и региональной экономики в целом.

Мезоэкономические представления экономики обладают своими преимуществами и ограниче-

ниями. С одной стороны, макроэкономические явления – инфляция, нищета, экономическая монетаризация и др. – предстают исследователю при этом не как целостные и сравнительно автономные, хотя взаимосвязанные, процессы, а как совокупность конкретных решений для установления цен, найма или увольнения, выбора определенных подходов к трате и заработку денег. С другой стороны, чисто микроэкономическая точка зрения эта «атомарность» явлений не полностью охватывает все существенные стороны экономического процесса, и как теория корпускуляр-

ной физики не позволяет применять «горизонтальный» анализ, то есть анализ одноуровневого взаимосвязанного процесса [3].

Рассматриваемая микроэкономическая отрасль может создать комплексное представление, связать «корпускулярные» и «волнообразные» модели развития экономики, исследовать мир экономического мира в полном объеме взаимосвязи процесса с его целью компонентов [4].

Проходящие в стране социальные и экономические процессы показывают, что механизм рыночного взаимодействия не является гарантией положительного изменения экономики. Можно сделать вывод, что самоустранение государства от управления

важнейшими процессами социального развития привела к существенной деградации экономики и снижению эффективности экономической деятельности; появились и работают эффективные механизмы самоспроизводства кризисной ситуации. В современных условиях необходимо серьезное государственное вмешательство в реализацию самых перспективных экономических вариантов.

Таким образом научные взгляды на региональную экономику позволят найти новые, еще не выработанные пути их решения и развития, а государство, в свою очередь, должно гарантировать безболезненное внедрение новых методов и форм хозяйствования регионов для улучшения экономики страны в целом.

Список литературы

1. А.Н. Аюпов, А.А. Абдурашитов, Н.А.Бровко Региональная экономика, Бишкек 2017.
2. Винслав Ю. Социальная переориентация экономических преобразований: макро- и мезоуровневый аспекты // Российский экономический журнал. 2017. № 10.
3. Дементьев В. Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория» // Российский экономический журнал. 2018. № 4.
4. Иншаков О. Структурное уточнение содержания экономической теории: потенциал многоуровневого мезо-подхода // Российский экономический журнал. 2018. № 1.
5. Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: Наука, 2001. – 516 с.
6. Региональная экономика. Основной курс: Учебник / Под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. – М.: ИНФРА – М, 2015. – 686с. (Высшее образование).
7. Щербакowa, Ю.В. Актуальные проблемы региональной экономики / Ю.В. Щербакowa. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 306-309. – URL: <https://moluch.ru/archive/94/21017/>

References

1. A.N. Ayupov, A.A. Abdurashitov, N.A.Brovko Regional Economy, Bishkek 2017.
2. Vinislav Yu. Social reorientation of economic transformations: macro- and meso-level aspects // Russian Economic Journal. 2017. № 10.
3. Dementiev V. Theory of national economy and mesoeconomical theory" // Russian Economic Journal. 2018. № 4.
4. Inshakov O. Structural clarification of the content of economic theory: the potential of a multilevel mesopod // Russian Economic Journal. 2018. № 1.
5. Mesoeconomics of the transition period: markets, industries, enterprises / Edited by G.B. Kleiner. – M.: Nauka, 2001. – 516 p.
6. Regional economy. Basic Course: Textbook / Edited by V.I. Vidyapin, M.V. Stepanov. – M.: INFRA – M, 2015. – 686s. – (Higher education).
7. Shcherbakova, Yu.V. Actual problems of regional economy / Yu.V. Shcherbakova. – Text : direct // Young scientist. – 2015. – № 14 (94). – PP. 306-309. – URL: <https://moluch.ru/archive/94/21017/>

Овчинников Владислав Сергеевич,

магистрант, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов,
nickname68@yandex.ru

Яковлева Лариса Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и менеджмента,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов,
lad2006@mail.ru

Зобова Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Индустрии сервиса и туризма,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов,
alena2020alena@yandex.ru

Гладышева Алла Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и менеджмента,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов,
gladysheva_al@mail.ru

РОЛЬ ХРАНЕНИЯ И СКЛАДИРОВАНИЯ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. Раскрывается понятие логистической цепи предприятия, рассматриваются различные классификации логистических цепей, а также выясняется место и роль хранения товара в логистической цепи. Определяются основные участники логистических процессов, организующих процессы хранения товара. Изложены основные функции данного процесса внутри логистической цепи, а также определено его значение и место.

Ключевые слова: логистическая цепь, логистический канал, материальный поток, склад, хранение товара.

Vladislav S. Ovchinnikov,

Master's student, Derzhavin Tambov State University, Tambov,
nickname68@yandex.ru

Larisa A. Yakovleva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management,
Derzhavin Tambov State University, Tambov,
lad2006@mail.ru

Elena V. Zobova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Service and Tourism Industry,
Derzhavin Tambov State University, Tambov,
alena2020alena@yandex.ru

Alla V. Gladysheva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management,
Derzhavin Tambov State University, Tambov,
gladysheva_al@mail.ru

THE ROLE OF STORAGE AND WAREHOUSING IN THE LOGISTICS SYSTEM

Abstract. The article reveals the concept of the logistics chain of an enterprise, examines various classifications of logistics chains, and also finds out the place and role of storing goods in the logistics chain. The main participants of the logistics processes that organize the processes of storing goods are determined. The main functions of this process within the logistics chain are described, as well as its significance and place are determined.

Keywords: logistics chain, logistics channel, material flow, warehouse, storage of goods.

Добиться максимальной прибыльности и конкурентоспособности предприятия можно правильно систематизируя все ключевые производственные процессы. С целью оптимизации издержек, связанных с перемещением товарно-материальных ценностей применяется логистика.

Важным понятием логистики является понятие логистическая цепь. Логистическая цепь представляет собой структурированную последовательность этапов прохождения материального потока от источника сырья до получения готовой продукции потребителем. Складское хозяйство, являющееся одним из элементов логистической цепи, охватывает множество разнообразных компонентов логистической системы [2].

Целью исследования является изучение понятия логистической цепи предприятия и их основных классификаций, функций склада как элемента логистической цепи; выявление участников логистической цепи, которые организуют хранение товара.

Логистические цепи можно разделить на две группы: внутренние и внешние.

Внутренние логистические цепи образуются внутри предприятия и не выходят за его границы. Данные цепи носят циклический характер, за счет чего имеют довольно стабильный и постоянный состав участников.

Пример внутренней логистической цепи предприятия представлен на Рисунке.

Среди внешних логистических цепей можно выделить три основных группы:

- циклические – данные связи образуются в случае создания длительных хозяйственных связей;
- длительные – данный статус присваивается логистической цепи в случае, если она функционирует не менее 2 лет;
- краткосрочные – данный статус имеют любые логистические цепи, функционирующие менее 2 лет [4].

Другой классификацией логистических цепей является классификация по степени сложности. Здесь различают простые, средние, а также сложные цепи.

Простая логистическая цепь может включать в себя отношения между участниками цеха, цехами одного предприятия, а также между предприятиями, расположенными внутри одного города.

Логистическая цепь переходит в средний разряд в случае появления внутри нее посредников.

Сложная логистическая цепь включает в себя более 6 посредников.

Также можно выделить суперсложный тип логистической цепи. В данном случае число посредников насчитывает не менее 15, а структура цепи меняется с линейной на древовидную.

Из всего вышесказанного следует также, что логистическая цепь состоит из звеньев, представленных различными участниками этой цепи (например, посредниками, цехами или предприятиями). Таким образом, составным элементом логистической цепи является звено логистической цепи, представленное физическим или юридическим лицом, выполняющим определенную функцию внутри цепи.

Путь между различными звеньями логистической цепи называют логистическим каналом.

Наиболее значимыми звеньями логистической цепи являются склады, одной из функций которых является хранение товара.

Логистическая цепь любого предприятия не может обойтись без перемещения материальных потоков, и, как следствие, накопления определенного количества запасов, для хранения которых непременно потребуются склады [3].

Хранение и движение товаров на складах является одним из факторов, значительно влияющих на стоимость товара, поскольку требует немалых затрат. Данное явление оказывает значительное влияние на рационализацию движения материальных потоков внутри логистической цепи.

Склад, в качестве элемента логистической цепи выполняет следующие функции [2]:

1. Преобразование производственного ассортимента организации в потребительский в соответствии с существующим на рынке спросом.
2. Накопление ассортимента на складских площадях предприятия даёт возможность наиболее эффективного выполнения заказов, а также осуществления более частых поставок и в том объеме, который необходим клиенту на момент заказа.
3. Складирование и хранение даёт возможность оптимизировать временные промежутки

Рисунок. Пример внутренней логистической цепи предприятия

между выпуском продукции и дальнейшим её потреблением, а также дает возможность без перебоев вести производство и снабжение на базе создаваемых товарных запасов. Особую важность внутри логистической системы процесс хранения товаров приобретает в связи с сезонным характером производства или же потребления некоторых товаров.

4. Консолидация и транспортировка грузов. Многие потребители заказывают со складов партии, объем которых меньше того объема, который может вместить транспортное средство, что приводит к сильному росту издержек, связанных с доставкой товара. Универсальным выходом из данного положения будет объединение различных некрupных партий товаров для нескольких клиентов вплоть до полной загрузки используемого транспортного средства.

Таким образом, из вышеперечисленных функций складов можно сделать вывод, что склады являются очень важным звеном логистической цепи предприятия.

Склад, как элемент логистической цепи, не может рассматриваться изолированно, он должен рассматриваться только как интегрированная и неотъемлемая часть логистической цепи. Объясняется это выполнением целого ряда функций по преобразованию материальных потоков, а также накоплению, переработке и распределению грузов между потребителями [1].

Хранение товаров можно назвать одной из наиболее ключевых операций для технологического процесса склада, являющимся важным элементом логистической цепи предприятия.

С точки зрения логистики хранение товара является логистической функцией и очень важным этапом цикла товародвижения до непосредственного потребителя или же утилизации. Целью хранения является обеспечение сохранности качественных и количественных характеристик товара или их изменение с минимально возможными потерями.

Процесс хранения заключается в обеспечении условий, необходимых для сохранности качественных и количественных характеристик товаров. Он начинается сразу после непосредственного поступления товаров на склад.

Запасы товаров, находящиеся на складах, должны обеспечить бесперебойный и ритмичный процесс движения товаров к непосредственным потребителям. В этом и заключается основная функция хранения товара для логистической цепи предприятия. Кроме того стоит отметить, что процесс хранения товара, и, как следствие, накопление товарных запасов может играть роль «подушки безопасности» для организации. То есть процесс хранения товара выступает неким демпфером, необ-

ходимым фирме в случае возникновения сбоев на производстве или, например, аварий на транспортных путях снабжения и тому подобных чрезвычайных происшествиях.

Однако стоит отметить, что хранение и содержание запасов на складах является причиной серьезных финансовых затрат. Принимая во внимание тот факт, что денежные средства, которые были вложены в товары, высвобождаются только в момент их продажи и конечном расчёте с покупателем, фирме необходимо по возможности стремиться к сокращению времени хранения товара на складе до минимума [4].

Целесообразность хранения товаров обосновывается объемом потребительского спроса на конкретный товар, а количество товара, находящегося на хранении, определяется конъюнктурой рынка и возможностями поставщиков или иных предшествующих звеньев логистической цепи обеспечить непрерывную и ритмичную поставку товаров на склад.

Огромное значение для логистической цепи имеет месторасположение склада, в котором осуществляется складирование товара и/или накопление товарных запасов.

Стоит отметить, что хранение запасов является наиболее традиционной задачей склада, как элемента логистической цепи.

Можно выделить несколько основных участников логистической цепи, организующих процесс хранения товара:

- производственные предприятия – сюда можно отнести, как организации, занятые добычей сырья, так занятые производством комплектующих или же готовой продукции;
- логистические посредники – например, оптовые предприятия, а также посредники, обеспечивающие движение товара между другими звеньями логистической цепи (например, транспортные агентства);
- предприятия розничной торговли.

Процесс хранения товара также осуществляется во время его транспортировки.

Транспортировка товара является очень важной операцией, связывающей между собой логистические звенья предприятия. Без выполнения данной операции функционирование логистической цепи, как взаимосвязанной системы было бы абсолютно невозможно.

Данная операция, также как и складское хранение, была бы невозможна без соблюдения надлежащих условий. Процесс транспортировки товаров оказывает сильное влияние на товар и на его дальнейшее хранение. Здесь существует масса факторов, как например, выбранное транспортное средство, выбор способа размещения в нем товара, сроки осуществления перевозки, сроки осуществления загрузки

ки и разгрузки и дальнейшая скорость размещения товара в стационарном хранилище.

Таким образом, подводя итоги всего сказанного, можно сделать вывод, что процесс хранения товара играет огромную роль в логистической цепи предприятия. Это объясняется тем, что хранение товара осуществляется в важнейших звеньях логистической цепи – складах и является основной их функцией. Также хранение товара осуществляется во время его транспортировки, то есть во время осуществления операций, позволяющих связать между собой звенья логистической цепи, превратив ее в цельную взаимосвязанную систему.

Значение процесса хранения товара внутри логистической цепи обуславливается выполнением им следующих функций:

- выравнивание временной разницы между производством и потреблением, таким образом давая возможность непрерывного производства и непрерывной торговли на базе сформированных товарных запасов;
- демпфирующая функция;
- возможность более эффективного товарооборота, создавая места концентрации готовой продукции;

- возможность функционирования предприятия в случае сезонного характера производства или потребления;

- обеспечение бесперебойного и ритмичного процесса движения товара к непосредственному потребителю;

- возможность транспортировки товара при соблюдении надлежащих условий.

Однако процесс хранения товара является лишь составным элементом логистической цепи. Именно логистическая цепь формирует необходимые требования к процессу хранения товара, ставит задачи, диктует основные условия, а также устанавливает позиции ее нормальной работы.

Именно поэтому условия и задачи работы для конкретно взятого склада или же конкретной транспортировочной операции могут иметь значительные отличия в пределах одной логистической цепи.

В ходе исследования установлено, что процесс хранения товара является одним из основных технических процессов, протекающий внутри логистической цепи, как внутри отдельных ее звеньев, так и между ними, играя огромную роль внутри логистических каналов.

Список литературы

1. *Дыбская В.В.* Взаимодействие логистики и смежных служб компании при разработке политики обслуживания потребителей // Логистика и управление цепями поставок. 2016. № 1. С. 50-61.
2. *Макаров Е.И.* Логистика: Учебное пособие / Е.И. Макаров, Л.В. Смачкова. – Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. 139 с.
3. *Михалев А.Г., Чепурова И.Ф., Гладышева А.В., Яковлева Л.А.* Управление товарной политикой в ритейле: анализ направлений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: экономика. 2019. № 3 (245). С.93-102.
4. *Носов А.Л.* Логистика: учебное пособие / А.Л. Носов. – 2-е изд. – Москва: ИНФРА-М, 2020. 184 с.

References

1. *Dybyskaya V.V.* Vzaimodejstvie logistiki i smezhnyh sluzhnb kompanii pri razrabotke politiki obsluzhivaniya potrebitelej // Logistika i upravlenie cepyami postavok. 2016. № 1. S. 50-61.
2. *Makarov E.I.* Logistika: Uchebnoe posobie / E.I. Makarov, L.V. Smarchkova. -Voronezhskij filial Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2015. 139 s.
3. *Mihalev A.G., Chepurova I.F., Gladysheva A.V., Yakovleva L.A.* Upravlenie tovarnoj politikoj v ritejle: analiz napravlenij // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika. 2019. № 3 (245). S.93-102.
4. *Nosov A.L.* Logistika: uchebnoe posobie / A.L. Nosov. – 2-e izd. – Moskva. INFRA-M, 2020. 184 s.

Романович Михаил Алексеевич,
аспирант, Южный федеральный университет (ЮФУ), город Таганрог,
blagovidnii@mail.ru

ТИПЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И КРИТЕРИИ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена разработке критериев идентификации инвестиционной стратегии машиностроительных предприятий с использованием данных финансовой (бухгалтерской) отчетности. Предлагается для определения типа инвестиционной стратегии использовать совокупность трех критериев, включающую долю затрат на модернизацию в платежах организации, долю затрат на модернизацию в стоимости основных средств и долю портфельных инвестиций в платежах организации. В зависимости от сочетаний значений данных критериев автором выделены семь типов инвестиционной стратегии машиностроительных предприятий. Достоинством предложенного подхода является то, что заинтересованные пользователи внешней финансовой информации о деятельности предприятий, в том числе потенциальные инвесторы, смогут самостоятельно оценить тип текущей инвестиционной стратегии предприятия, и направления ее возможного изменения. Полученные результаты можно использовать при разработке программ по развитию инвестиционной деятельности на региональном уровне.

Ключевые слова: тип инвестиционной стратегии, критерии идентификации, финансовая отчетность, платежи по инвестиционным операциям.

Mikhail A. Romanovich,
Postgraduate, Southern Federal University, Taganrog,
blagovidnii@mail.ru

TYPES OF INVESTMENT STRATEGY OF MACHINE-BUILDING ENTERPRISES AND CRITERIA FOR THEIR IDENTIFICATION

Abstract. The article is devoted to the development of criteria for identifying the investment strategy of machine-building enterprises using the data of financial (accounting) statements. It is proposed to use a combination of three criteria to determine the type of investment strategy, including the share of the cost of modernization in the payments of the organization, the share of the cost of modernization in the value of fixed assets and the share of portfolio investments in the payments of the organization. Depending on the combinations of the values of these criteria, the author has identified seven types of investment strategy of machine-building enterprises. The advantage of the proposed approach is that interested users of external financial information on the activities of enterprises, including potential investors, will be able to independently assess the type of the current investment strategy of the enterprise and the direction of its possible change. The results obtained can be used in the development of programs for the development of investment activities at the regional level.

Keywords: type of investment strategy, identification criteria, financial statements, payments for investment transactions.

Introduction. The investment strategy is one of the tools to achieve the overall goal of enterprise development, formulated in the process of strategic management.

Currently, there is no unified classification of investment strategies, as well as a unified classification of the general strategy of an enterprise; various authors have proposed a number of classifications for various reasons [1-8]. The most famous of them do not have a strict gradation, are defined through vague verbal characteristics

and are difficult for practical application. In addition, they are considered by the authors without taking into account the industry specifics of manufacturing enterprises, while there are fundamental differences between financial and manufacturing enterprises [9-13]. A separate difficult problem is the selection of criteria for classifying an investment strategy, since in most selection problems there are quite a lot of criteria for evaluating decision options.

The main purpose of this study is to develop criteria for identifying the investment strategy of machine-

building enterprises using financial (accounting) reporting data and determining the type of investment strategy based on these criteria. Research objectives:

- to study the feasibility of using various absolute and relative indicators of the activity of a machine-building enterprise for the purposes of classifying its investment strategy;
- to determine the set of indicators calculated on the basis of the accounting (financial) statements of machine-building enterprises, and their values, on the basis of which it is possible to identify the type of investment strategy;
- to highlight the types of investment strategy of machine-building enterprises, give their characteristics.

Main content of the article. the investment strategy plays an important role in ensuring the efficient functioning and development of machine-building enterprises. The absence of a developed investment strategy adapted to possible changes in the factors of the external investment environment may lead to the fact that the investment decisions of individual structural units will be multidirectional. This, in turn, will lead to a decrease in the efficiency of the investment activity of the enterprise in particular, and the entire enterprise as a whole [14].

In modern economic conditions, the investment strategy for the development (modernization) of a manufacturing enterprise should be understood as a set of target settings for investment activities and investment decisions that provide the required, or acceptable, level of provision with non-current assets of the enterprise to achieve strategic development goals, taking into account external and internal conditions for the implementation of investment activities, which manifests itself in stable or unstable investment activity [15].

It is known that there are certain values of indicators of financial and economic activities of enterprises, the achievement of which is a necessary condition, the basis for the implementation of investment activities. These include, at a minimum, the availability of own funds or high financial stability and solvency, allowing to attract borrowed funds on a long-term basis. On the other hand, as a result of investment activity, the key characteristics of the activity of an economic entity change, according to which it is possible to draw a conclusion about the type of investment strategy implemented by the enterprise. The task of determining specific financial indicators, which can be criteria for the type of investment strategy at a machine-building enterprise, is quite relevant in modern conditions.

The problem of studying the investment strategy of enterprises using financial analysis according to financial (accounting) statements was considered by various authors [16;17]. As classification characteristics of the investment activity of enterprises in the real sector, including the machine-building industry, a number of absolute and relative indicators can theoretically be used, including:

- the absolute value of investment costs;
- the ratio of investment costs to fixed assets (according to book value), non-current assets, total assets;
- the ratio of investment costs to revenue, net cost, net profit, etc.

However, in order to use the attribute for classifying the type of investment strategy, it is necessary that, on the one hand, it characterizes the quantitative side of investment operations, and, on the other hand, it allows comparing the intensity of these operations for assets of various sizes and volumes of economic activity of enterprises, i.e. should be a relative quantity. The source of information is also important, on the basis of which the classification model of the investment activity of the enterprise is built. Considering that information resources in relation to any enterprise are quite extensive, the effectiveness of management decisions in relation to this enterprise largely depends on the correct choice of the source of information.

The most important standardized, compact and professional source for quickly obtaining retrospective, operational and forecast information about an economic entity is accounting (financial) statements. The advantage of financial reporting is its public availability, i.e. it can be studied both by persons who have unlimited access to the financial information of a particular enterprise, and by persons who are external to the enterprise and therefore significantly limited in satisfying their information requests [18]. With this in mind, in this study, to identify the investment strategy of machine-building enterprises, data from the Statements of Cash Flows, as well as other financial statements (Balance Sheet, Statement of Financial Results, etc.)

The cash flow statement is the main source of information for cash flow analysis and is often preferred when evaluating the financial condition of a commercial organization. Analysis of this report allows you to significantly deepen and correct the conclusions regarding the financial condition of the organization, its future financial potential.

The cash flow statement consists of three main sections that reflect the cash flows received by the enterprise from current, investment and financial operations. Under IAS 7, investing activities are the purchase and sale of non-current assets such as property, plant and equipment and intangible assets, the purchase and sale of subsidiaries, associates or joint ventures, and the purchase and sale of financial assets available for sale or held to maturity (IAS 39 "Financial Instruments: Recognition and Measurement") [19]. Thus, information about the cash flows from investment operations contained in the cash flow statements can be used to identify the investment strategy of enterprises.

In this paper, to classify enterprises by the volume of investment in the process of researching investment

activities, it was proposed to use the indicator of the share of investment payments in the total volume of payments by type of investment costs (d_1). At the same time, all investment payments were assigned by the author to one of two groups:

1) costs for the modernization of non-current assets (NCA), which included investment costs in connection with the acquisition, creation, modernization, reconstruction and preparation for the use of non-current assets;

2) portfolio investments (PI), which included total costs in connection with the acquisition of shares (stakes) in other organizations, with the acquisition of debt securities, with the provision of loans to other persons, and other payments for investment operations.

In total, these types of payments constitute payments for investment transactions according to the Statement of Cash Flows.

The share of modernization costs and the share of portfolio investment in total payments were defined as d_1 and d_2 , respectively:

$$d_1 = \frac{NCA}{P} \cdot 100\%,$$

$$d_2 = \frac{PI}{P} \cdot 100\%$$

where d_1 – share of modernization costs in payments, d_2 – share of portfolio investments in payments, NCA – investment costs in connection with the acquisition, creation, modernization, reconstruction and preparation for the use of non-current assets, PI – portfolio investments, P – the total amount of payments of the enterprise for all types of operations – current, investment, financial.

The main classification feature was the share of costs for the modernization of non-current assets due to the importance of these costs for enterprises in the engineering industry.

In the process of studying the quantitative values of the criteria for the share of investment payments in the total volume of payments by types of investment costs (d_1 and d_2) and their combinations, it turned out that the use of only two indicators to identify the investment strategy of machine-building enterprises is not enough. Due to the fact that the share of fixed assets in the assets of enterprises in the real sector varies greatly, it is necessary to correlate the amount of costs for the modernization of non-current assets with the cost of the fixed assets themselves. For this purpose, the author proposed to use the following clarifying indicator:

$$d_3 = \frac{NCA}{FA} \cdot 100\%$$

where d_3 – share of modernization costs in the cost of fixed assets, NCA – investment costs in connection with the acquisition, creation, modernization, reconstruction and preparation for use of non-current assets, FA – the average annual balance sheet value of fixed assets of the enterprise (hereinafter – the value of fixed assets).

To determine the limiting values of the criteria d_1 , d_2 and d_3 , which allow identifying the investment strategy of machine-building enterprises, the activities of Russian enterprises in the relevant industry of the Southern Federal District (SFD) were studied for 10 years (in 2010–2019). For the analysis of investment activity, a random sample was formed, including 15 enterprises of the machine-building industry of the Southern Federal District. It should be noted that certain difficulties arose in the formation of the sample, due to the fact that many enterprises in this industry in the Southern Federal District ceased to exist in the last 6–7 years for various reasons, mainly due to bankruptcy. Only a few were reorganized by joining other societies.

Most of the enterprises under study are joint-stock companies formed during the reorganization in the 90s, or as a result of the merger of such enterprises. Thus, all enterprises have a long history of development, but not all of them are equally successful and carry out active production activities. At the same time, none of them, regardless of the size and scale of their activities, has approved an investment strategy (policy) as a policy document.

The sample included both profitable and unprofitable enterprises with different amounts of assets. The largest enterprises were the following (in descending order of total assets at the end of 2019): PJSC Rostvertol, PJSC TANTK named after G.M. Beriev, F. Among the enterprises with the smallest amount of assets were such as (in ascending order of total assets at the end of 2019): JSC Plant Mekhpromstroy, JSC Elevatormelmash, OJSC AOMZ.

5 enterprises out of 15 did not have net losses throughout the entire period under review, namely (in descending order of the absolute size of net profit in 2019): PJSC Rostselmash, PJSC Rostvertol, OJSC Krasnodar Plant Neftemash, OJSC Volgogradskoe Upravleniye Montazhavtomatika, OJSC Aksaikardandetal.

The analysis showed that, depending on the intensity of investment operations, machine-building enterprises can be distinguished:

- with a significant share of investment payments ($d_1 > 10.01\%$);
- with a moderate share of investment payments ($5.01\% < d_1 < 10.00\%$);
- with an insignificant share of investment payments ($1.01\% < d_1 < 5.00\%$);
- with a minimum share of investment payments ($0.01\% < d_1 < 1.00\%$);
- without investment payments ($d_1 = 0\%$).

Usually, for enterprises in the real sector of the economy as a whole, and machine-building enterprises in particular, payments for current operations prevail in payments. The value of payments for financial activities is often zero, in particular, if the enterprise does not re-

sort to external financing. Practice shows that the share of investment payments in the payments of enterprises, as a rule, is small. If it exceeds 10% of all payments, then investment payments are already significant for the enterprise, and we can say that the enterprise is implementing an active investment strategy.

Depending on the amount of investment in the acquisition and modernization of fixed assets, the following enterprises are singled out in the work:

- with a significant share of modernization costs in the cost of fixed assets ($d_3 > 20.01\%$);
- with a moderate share of modernization costs in the cost of fixed assets ($10.01\% < d_3 < 20.00\%$);
- with an insignificant share of modernization costs in the cost of fixed assets ($0.01\% < d_3 < 10.00\%$);
- without investment payments ($d_3 = 0\%$).

Thus, to identify the investment strategy of machine-building enterprises, it is proposed to use three criteria:

- d_1 – the share of modernization costs in the payments of the organization, which is understood as the ratio of the investment costs of the enterprise in connection with the acquisition, creation, modernization, reconstruction and preparation for the use of non-current assets, to the total payments of the enterprise for current, investment and financial operations, expressed as a percentage;

- d_2 – the share of portfolio investments in the payments of the organization, which is understood as the ratio of the total costs of the enterprise in connection with the acquisition of shares (stakes) in other organizations, with the acquisition of debt securities, with the provision of loans to other persons, and other payments for investment operations, to total payments of the enterprise for current, investment and financial transactions, expressed as a percentage;

- d_3 – the share of modernization costs in the cost of fixed assets, which is understood as the ratio of the investment costs of the enterprise in connection with the acquisition, creation, modernization, reconstruction and preparation for the use of non-current assets to the average annual balance sheet value of the enterprise's fixed assets, expressed as a percentage.

Depending on the ratio of the magnitude of these criteria, taking into account the characteristics of production activities and the obvious priorities of real investments for enterprises in the engineering industry over portfolio ones, it is proposed to distinguish the following types of investment strategy for them:

1. Type I – non-investment strategy – there are no costs for modernization, portfolio investments are absent or minimal. In the latter case, portfolio investments are one-time, to some extent “random”, which does not allow us to speak about the presence of any trends in the investment activity of the enterprise.

2. Type II – strategy for maintaining production potential – there are insignificant costs for modernization, there may also be portfolio investments (from minimal to moderate). With an insignificant share of modernization costs in the cost of fixed assets, not exceeding 10 %, it can be argued that such costs actually only compensate for the depreciation of fixed assets, there is no significant renewal of the production base of the enterprise. At the same time, enterprises can carry out moderate portfolio investments.

3. Type III – modernization strategy – there are insignificant costs for modernization, which make up a significant share of the cost of fixed assets, there may also be portfolio investments. In this case, the share of modernization costs in the cost of fixed assets exceeds 10 %, however, in the total flow of payments for the enterprise, such costs are not burdensome and account for less than 5 % of all payments. The presence of portfolio investments is not mandatory for this strategy, but they can also be present in a small amount (up to 5 % of all company payments).

4. Type IV – strategy of modernization and financial growth – there are insignificant costs for modernization, which make up a significant share of the cost of fixed assets, as well as moderate and significant portfolio investments. If this strategy is implemented, in addition to significant modernization costs, the value of which exceeds 10 % of the cost of fixed assets, but not more than 5 % of the value of all payments of the enterprise, the enterprise makes moderate portfolio investments. This allows the company to receive already significant interest income and finance part of the modernization costs from investment income.

5. Type V – development strategy – there are significant costs for modernization, there may also be portfolio investments. In the event that the share of modernization costs in payments exceeds 5 % and they can be characterized as moderate and then significant, the share of these costs in the cost of fixed assets is already significant. Such investments make it possible to significantly upgrade the means of production, commission new machinery and equipment, build industrial infrastructure facilities, and so on. The amount of portfolio investment in the implementation of the development strategy can be both minimal and quite high, but in this case it is a secondary feature.

6. Type VI – financially oriented strategy – there are no costs for modernization, there are portfolio investments (from minimal to moderate). As practice shows, despite the priority of real investments from enterprises in the engineering industry, their investment strategy may not be related to production activities, in which case the enterprise will only bear the costs in connection with the acquisition of shares (participatory interests) in other organizations, with the acquisition of debt securities se-

curities, with the provision of loans to other persons, etc.

7. Type VII – non-production strategy (holding) – there are significant portfolio investments, there may be minimal costs for modernization. This strategy is implemented by enterprises that do not actually carry out production activities, it is concentrated in one or more subsidiaries. Accordingly, with minimal costs for the modernization of fixed assets, their portfolio investments will be significant (more than 10 %), often exceeding the amount of payments for both current and financial transactions.

The values of the considered criteria for various types of investment strategy are presented in Table.

Under the influence of changes in internal and external factors and conditions for the formation of the investment strategy of enterprises, for example, when mobilizing additional investment resources, concluding long-term contracts, including with the possibility of budget financing, changing the strategic goal of in-

vestment activity, etc., changes over time and the investment strategy itself, enterprises [20]. Among the changes in the type of investment strategy, positive and negative ones can be distinguished. Changes in the type of strategy can be evaluated positively in the following cases:

- transition from the non-investment strategy to a strategy of any other type;
- transition from the strategy for maintaining production potential to the modernization strategy, to the modernization and financial growth strategy, and to the development strategy;
- transition from the modernization strategy to the modernization and financial growth strategy and to the development strategy;
- transition from the modernization and financial growth strategy to the development strategy.

In general, taking into account the priorities of the sectoral affiliation of machine-building enterprises, any of the strategies of types II-V, which involve invest-

Table

Classification of the investment strategy types in machine-building enterprises (composed by author)

Type of investment strategy	General characteristics of the investment strategy	Investment strategy identification criteria		
		- share of modernization costs in the organization's payments, %	- share of modernization costs in the cost of fixed assets, %	- share of portfolio investment in the company's payments, %
Non-investment strategy (type I)	no modernization costs, no or minimal portfolio investment	0%	0%	0%, minimal (0,01% – 1%)
Strategy for maintaining production potential (type II)	minor modernization costs, some portfolio investments (minimal to moderate)	minimal (0,01% – 1%), insignificant (1,01% – 5%)	minimal (0,01% – 10%)	0%, minimal (0,01% – 1%), insignificant (1,01% – 5%), moderate (5,01% – 10%)
Modernization strategy (type III)	insignificant modernization costs, which make up a significant share of the cost of fixed assets, some portfolio investments	minimal (0,01% – 1%), insignificant (1,01% – 5%)	moderate (10,01% – 20%), significant (>20,01%)	0%, minimal (0,01% – 1%), insignificant (1,01% – 5%)
Strategy of modernization and financial growth (type IV)	insignificant modernization costs that represent a significant proportion of the value of property, plant and equipment, and moderate to significant portfolio investment	insignificant (1,01% – 5%)	moderate (10,01% – 20%), significant (>20,01%)	moderate (5,01% – 10%) or significant (>10,01%)
Development strategy (type V)	significant modernization costs, some portfolio investments	moderate (5,01% – 10%), significant (>10,01%)	significant (>20,01%)	0%, minimal (0,01% – 1%), insignificant (or 1,01% – 5%), moderate (5,01% – 10%) or significant (>10,01%)
Financially oriented strategy (type VI)	no modernization costs, some portfolio investment (minimal to moderate)	0%	0%	insignificant (1,01% – 5%), moderate (5,01% – 10%) or significant (>10,01%)
Non-production strategy (holding) (type VII)	significant portfolio investments, minimal modernization costs	minimal (0,01% – 1%)	minimal (0,01% – 10%)	significant (>10,01%)

ments in fixed assets of different volumes, can be considered preferable to financial strategies, which include the financially oriented and non-production strategy. On the other hand, any investment, both in fixed assets and in financial assets, is more valuable than the complete absence of investment, which is characteristic of the non-investment strategy.

The results of assessing the type of investment strategy for the sample of enterprises under study are shown in Figure 1.

Despite significant fluctuations, in general, over the period, the ratio of modernization costs to the cost of fixed assets in most machine-building enterprises of the Southern Federal District exceeded 10.0 %. Together

with other criteria, this made it possible to characterize the investment strategy of most of the machine-building enterprises of the Southern Federal District (namely, 8, or 53.3 % of the enterprises under consideration) as a "modernization strategy" (Figure 2).

5 enterprises implemented an investment strategy related to the maintaining production potential type. Only one enterprise had the development strategy, JSC Elevatormelmash. The annual changes in the type of investment strategy for most of the enterprises under consideration were quite significant. In recent years, a number of machine-building enterprises of the Southern Federal District have reduced to zero the costs of modernizing non-current assets, including OJSC TMZ named

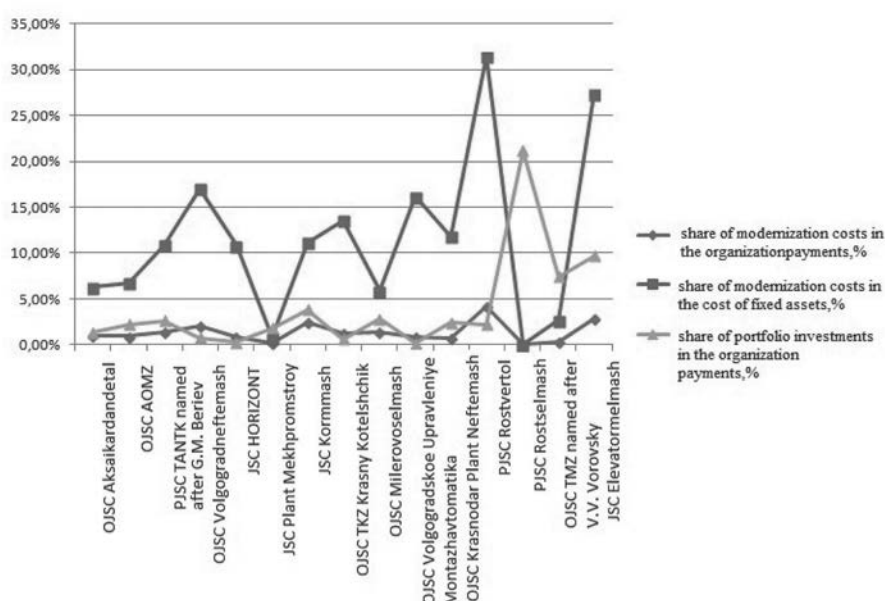

Figure 1. The values of criteria for the investment strategy type in enterprises, on average in 2010-2019

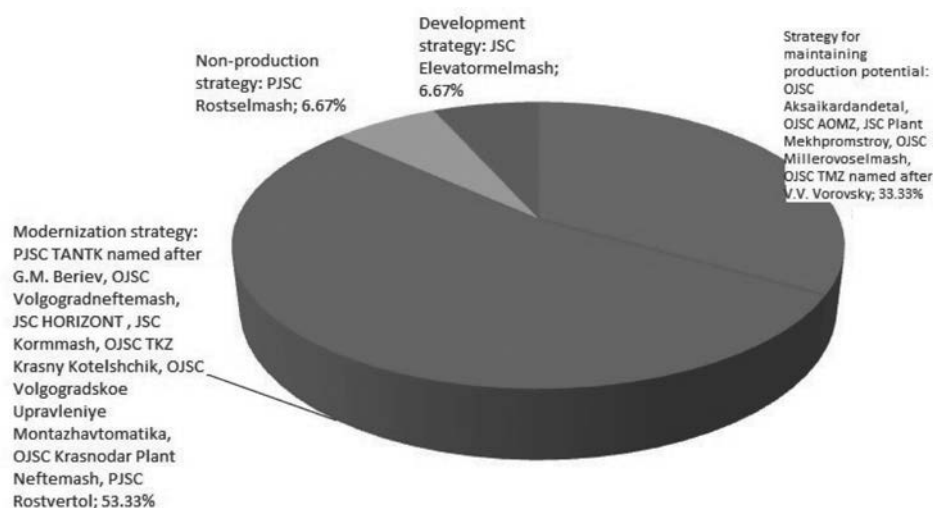

Figure 2. Distribution of enterprises by type of investment strategy, on average in 2010-2019

after V.V. Vorovsky in 2015-2019, OJSC AOMZ in 2017-2019, OJSC Volgograd Upravleniye Montazhavtomatika in 2018-2019, OJSC Plant Mekhpromstroy in 2012-2019. The total volume of these costs for the sample in 2019 was the lowest in the last 8 years.

The financial indicators proposed by the author as criteria for determining the type of investment strategy can be calculated by external users of financial information using annual or quarterly reports, followed by averaging over several years when summing up the initial values. Determining the type of investment strategy in a shorter time interval seems redundant. The investment activity of the company is a rather lengthy process and therefore must be carried out taking into account a certain perspective, which is expressed in the development of an investment strategy, which, in turn, is based on the modern concept of strategic management.

There are no clearly established time intervals for grading investment policy and investment strategy. Thus, regulatory documents at the level of industries, regions, territories often contain an investment policy approved for several years, and at the level of individual

enterprises, an investment strategy for the "reporting year" can be discussed. For portfolio investors, the investment strategy can generally change throughout the year. Thus, it can be argued that there are no common terms for the implementation of the investment strategy for all participants in economic activity, even within the same industry.

Conclusion. The use of three relative quantitative criteria to identify the investment strategy of machine-building enterprises, two of which characterize the volume and directions of investment, i.e. the investment activity of the enterprise, and the third criterion correlates the amount of costs for the modernization of non-current assets with the cost of the fixed assets themselves, allowed the author to build a classification of investment strategy types. When testing the constructed classification, during the study, it was concluded that most often Russian machine-building enterprises implement not the investment development strategy, but the strategies to maintain production potential and modernization. This allows enterprises to function and make a profit, but reduce their competitiveness.

Literature

1. Baranov V.V., Baranova I.V., Zaitsev A.V., Karpova V.B. Investment potential management system as a factor in the effective implementation of the strategy of economic development of a high-tech enterprise. // Bulletin of the Tomsk State University. Economy. 2015. № 3 (31). P. 5-17.
2. Bronchenko V.A. Formation of an investment strategy as one of the factors for the successful functioning of an enterprise. // Economy and society. 2016. № 3 (22). P. 1768-1772.
3. Head V.V., Maksimov D.A., Sergeeva A.N. On some approaches to the innovation and investment policy of the enterprise. // Fundamental research. 2016. № 11-1. P. 149-153.
4. Kozlova L.A., Plotnikova S.N. Classification of strategies for the development of enterprises by the type of investment attractiveness. // Scientific almanac. 2015. № 8 (10). P. 219-221.
5. Kontorichev S.V. The influence of the investment strategy on the composition of the company's non-current assets. // Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2009. № 4. P. 120-122.
6. Pasko S.N. Investment strategy as a promising instrument of financial stability. // Scientific journal of KubSAU. 2013. № 86. P. 607-620.
7. Pronin A.S. Principles, goals and types of financial and investment strategy of a commercial organization. // Materials of the scientific-practical conference "Bakanov readings-2012": "Actual problems of social and economic development of modern society" – M.: Publishing house RGTEU, 2012.
8. Cheremushkina I.V., Davydova E.Yu., Manilevich N.N. Innovative and investment strategies for managing the crisis-stable development of firms. // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2015. № 3 (65). P. 253-257.
9. Stallions V.I., Gusev A.K. The principles of developing an investment strategy for an industrial enterprise. // Bulletin of the National Institute of Business. 2018. № 32. P. 54-59.
10. Karpov P.N. Identification of the type of financial strategy of a commercial organization. // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2012. № 6 (161). P. 173-177.
11. Ponkratov V.M. Methodology for constructing and applying target functions to assess the investment strategies of an enterprise. // Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality". 2009. № 2. P. 326-332.
12. Pronnikova V.Yu. Development of an integrated classification system of investment resources of enterprises in order to increase the effectiveness of the strategy of their formation. // Financial research. 2015. № 4 (49). P. 232-239.
13. Rzun I.G., Khlusova O.S., Karitskiy A.A. The relationship between the investment potential and the investment strategy of the enterprise. // Natural and humanitarian research, 2018. № 19. P. 52-60.
14. Niroomand I., Kuzgunkaya O., Asil Bulgak A. Impact of reconfiguration characteristics for capacity investment strategies in manufacturing systems // International Journal of Production Economics. 2012. Volume 139. Issue 1. P. 288-301.
15. Romanovich M.A. Development of criteria for identifying the investment strategy of machine-building enterprises. // Engineering Bulletin of Don. 2015. № 2-1 (35). P. 53-67.

16. *Kogdenko V.G., Krashennnikova M.S.* Features of the analysis of fixed assets and financial investments based on new reporting forms (explanations to the balance sheet and profit and loss statement). // International accounting. 2012. № 35 (233). P. 44-57.
17. *Astanin D.Yu.* Methodology for analyzing the formation and implementation of the investment policy of the enterprise. // Economic analysis: theory and practice. 2009. № 30 (159). P. 38-48.
18. *Shulus A., Shulus V.* Complex multidimensional approach to the assessment of investments in the form of capital investments // Investments in Russia. 2013. № 2. P. 3-10.
19. *Ashaganov A.Yu., Khasieva A.S.* Formation of a cash flow statement according to IFRS in comparison with RAS. // Economics and business: theory and practice. 2019. № 10-1 (56). P. 19-22.
20. *Demyanova O.V., Fatkullova A.M.* Principles and process of forming the investment strategy of the enterprise. // Science: society, economics, law. 2019. № 4. P. 185-190.

Торгашова Наталья Александровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики, менеджмента и организации производства,
Заполярный государственный университет им. Н.М. Федоровского, город Норильск,
naltorg@rambler.ru

Марусова Ирина Юрьевна,

индивидуальный предприниматель, город Барнаул,
zubkova2007@mail.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СОВМЕСТНЫЕ ЗАКУПКИ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. На материалах Алтайского края проанализированы два вида государственных закупок: централизованные закупки и совместные торги. По результатам анализа сделаны выводы о недостатках и преимуществах каждого вида и предложено совершенствование механизма повышения доли добросовестных участников торгов посредством введения коэффициента доверия поставщику.

Ключевые слова: средства федерального бюджета, централизованные закупки, совместные торги, контрактная система, заказчик, участник госзакупок.

Natalia A. Torgashova,

Ph.D. of Economic Sciences, Assistant Professor at the Department of Economic, management and organization of production, Fedorovsky Polar State University, Norilsk,
naltorg@rambler.ru

Irina Yu. Marusova,

Entrepreneur, Barnaul,
zubkova2007@mail.ru

INTER-REGIONAL JOINT PURCHASES: ISSUES OF REGULATION AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Abstract. Within the framework of the article, two types of public procurement are analyzed based on materials from the Altai Territory: centralized procurement and joint bidding. Based on the results of the analysis, conclusions were drawn about the disadvantages and advantages of each type and it was proposed to improve the mechanism for increasing the share of bona fide bidders by introducing a coefficient of trust in the supplier.

Keywords: federal budget funds, centralized procurement, joint bidding, contract system, customer, public procurement participant.

Вопросы эффективного распределения средств федерального бюджета традиционно привлекают большое внимание. С введением механизма централизации государственных закупок, интерес к данной теме возрастает. Вопросам регулирования финансовых ресурсов государства уделяется много внимания, как в учебной, так и научной литературе, в то же время следует отметить, отсутствие единой трактовки дефиниции «межрегиональные совместные торги» и отсутствие четкого показателя оценки качества исполненных контрактов со стороны поставщика.

На сегодняшний день, во всех субъектах Российской Федерации созданы и функционируют централизованные структуры. Анализ практики пере-

хода регионов на централизованную модель организации государственных закупок показал, что централизованные закупки обеспечивают эффективное распределение функций между всеми участниками контрактной системы (далее – КС).

Законодательством о КС также предусмотрена возможность проведения совместных торгов как альтернативы использования централизованных закупок.

В роли организатора совместного аукциона или конкурса может выступать как уполномоченный орган или учреждение, так и один из принимающих участие заказчиков. Когда организатором торгов выступает уполномоченный орган или учреждение, данные торги носят характер централизованных за-

купок. В случае, когда один из заказчиков одновременно входит в состав совместной процедуры и является ее организатором, данные торги можно назвать совместными.

Министерство финансов Российской Федерации предусмотрело оптимизацию порядка процедуры организации совместных аукционов и конкурсов. В частности, была установлена дополнительная возможность их проведения несколькими уполномоченными органами, в том числе органами различных субъектов Российской Федерации одновременно. Реализация права заказчиков на проведение совместных закупок не может быть ограничено их территориальной принадлежностью. Следовательно, проведение совместных торгов на поставку товаров, работ и услуг (далее – ТРУ) заказчиками, которые расположены в различных субъектах страны и не имеющими общих границ, не является нарушением требований Федерального закона № 44-ФЗ.

Таким образом, можно говорить о том, что появляется новый термин – межрегиональные совместные торги. Поскольку для определения содержания различных форм организации государственных закупок необходимо понимание смыслового наполнения данной процедуры, нами была предпринята попытка уточнения данной дефиниции. Под межрегиональными совместными торгами, на наш взгляд, следует понимать объединение двух и более заказчиков, имеющих одинаковую потребность в приобретении тех или иных товаров, работ и услуг, независимых от территориального места нахождения в пределах нескольких субъектов Российской Федерации, с целью организации и проведения процедуры определения поставщика.

Межрегиональные совместные торги, как само явление, где в одну закупку входили заказчики из различных регионов, не являющихся составными частями одного целого и расположенных на всей территории Российской Федерации, достаточно новое и впервые появилось в 2019 году.

В Алтайском крае госзакупки осуществляют в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ, а также в соответствии с Постановлением Администрации Алтайского края «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд Алтайского края» [1].

Для примера нами более детально будет рассмотрена реализация национального проекта «Демография». В рамках реализации проекта Министерством спорта Алтайского края, начиная с апреля 2019 года, было проведено несколько ключевых закупок посредством участия в межрегиональных совместных торгах, организаторами которых выступили уполномоченные органы других субъектов Россий-

ской Федерации. Следует отметить, что все процедуры закупок в рамках национального проекта «Демография», реализуемые Министерством спорта Алтайского края в качестве заказчика, осуществляются в форме межрегиональных совместных торгов. Необходимо заметить, что это первый опыт участия Алтайского края в совместных торгах на уровне Российской Федерации, для проведения которых были объединены заказчики нескольких регионов России.

В 2019 году в совместной закупке на поставку комплекта спортивно-технологического оборудования принимало участие 13 заказчиков. Организатором выступил Департамент экономического развития и инвестиционной деятельности Орловской области. Начальная (максимальная) цена (далее – НМЦ) совместной закупки составила 509,5 млн руб. Размер обеспечения заявок составил 25 млн руб., а размер обеспечения исполнения контракта – более 50 млн руб. На участие в данной закупке была подана одна заявка. Процедура аукционного торга не состоялась и контракт заключён с единственным поставщиком.

Также в 2019 году в совместную закупку на поставку комплектов спортивно-технологического оборудования объединилось 10 заказчиков. Организатор – государственное казенное учреждение Рязанской области «Центр закупок Рязанской области». НМЦ совместной закупки 252 млн руб. Размер обеспечения заявок 12,6 млн руб., а размер обеспечения исполнения контракта составил 50,5 млн руб. По итогам электронного аукциона снижение НМЦ составило 1,07 %, в денежном выражении более 8,4 млн руб.

В 2020 году совместная закупка на поставку комплекта спортивно-технологического оборудования организована Комитетом по конкурентной политике Мурманской области. В закупке приняли участие 11 заказчиков, а НМЦ составила более 444 млн руб. Обеспечение заявки – 22 млн руб., а обеспечение исполнения контракта 44,4 млн руб. Более того, с вступившими в силу с 1 июля 2019 года изменениями Федерального закона №44-ФЗ заказчиками были установлены требования к обеспечению гарантийных обязательств в размере 0,10 % от НМЦ каждого заказчика. На участие в закупке было подано две заявки. Однако в процедуру торгов вышел только ООО «КОНТАКТОР» и снижение составило всего 0,5 %.

В 2020 году совместная закупка на поставку комплекта спортивно-технологического оборудования была опубликована дважды. Организатором закупки выступил Региональный центр организации закупок Республики Мордовия. Первая закупка была опубликована в апреле и обжаловалась 8 раз. Повторную закупку опубликовали в июне 2020 года, НМЦ закупки составила 338 млн руб. Размер обеспечения заявок на участие в закупке – 16,9 млн руб. Размер обеспечения исполнения контракта составил 101

млн руб. Были установлены требования к обеспечению гарантийных обязательств в размере 0,10 % от НМЦ каждого заказчика. Количество поданных заявок на участие в закупке – 4 и только 2 заявки допущены. По итогам электронного аукциона победителем было объявлено ООО «Спортика» со снижением общей НМЦ на 6,6 %, в денежном выражении сумма экономии составила 22 млн руб.

Проанализировав опубликованные межрегиональные совместные закупки, в которых Министерство спорта Алтайского края участвует в роли заказчика, можно сделать несколько выводов.

Объединение в один объект закупки большого количества разнообразных товаров вызывает сокращение количества участников закупки. В свою очередь, предметы опубликованных совместных закупок объединяют функционально и технологически не связанные между собой поставки товаров, не являющиеся составными частями единого целого. Причиной этого можно считать большое количество заказчиков, объединенных для проведения совместной закупки и расположенных в значительном удалении друг от друга. Для выполнения поставок товаров по 22 или 39 регионам, не являющимся составной частью единого целого, имеющим различные климатические условия и разнообразное обеспечение соответствующей инфраструктуры, потенциальному поставщику потребуются задействовать дополнительные материальные, трудовые и финансовые ресурсы. При этом формирование закупок подобным образом исключает возможность участия в торгах организаций, заинтересованных в выполнении государственного контракта в одном субъекте Российской Федерации или смежных субъектах (например, в рамках одного федерального округа).

При таком подходе к формированию совместной закупки увеличивается НМЦ контракта, что соответственно, приводит к увеличению размера обеспечения заявки, размера обеспечения исполнения контракта и размера исполнения гарантийного обязательства.

Многие потенциальные участники не имеют в наличии финансовых ресурсов, которые позволили бы им практически одновременно в установленный промежуток времени внести денежные средства в качестве обеспечения заявки и обеспечить качественное исполнение контракта в требуемом объеме. Особенность заключается в том, что денежные средства, внесенные в качестве обеспечения заявки, блокируются на специальном счете на весь период проведения закупки. У участника, который будет признан победителем, обеспечение заявки может быть разблокировано только после подписания контракта. А денежные средства возвращаются ему на счет не позднее 30 дней от даты выполнения поставщиком своих

обязательств по контракту. При установлении требований к обеспечению исполнения гарантийных обязательств, заказчик самостоятельно определяет по своему усмотрению срок возврата денежных средств и прописывает его в контракте. Чаще всего денежные средства, внесенные в качестве обеспечения исполнения гарантийных обязательств, будут заблокированы в течение всего срока действия гарантии на поставленный товар, средний срок блокировки составляет один год с момента поставки товара.

Предоставление банковской гарантии в качестве обеспечения заявки исполнения контракта и гарантийных обязательств как альтернативы денежным средствам тоже оказывает весьма существенную нагрузку на материальные ресурсы потенциальных поставщиков. Таким образом, количество потенциальных поставщиков, способных принять участие в укрупненной совместной закупке, сводится к минимуму, поскольку является актуальным лишь для крупных предприятий, ограничивая доступ субъектов малого и среднего предпринимательства.

Стоит отметить, что у потенциальных участников возникал интерес к участию в опубликованных совместных торгах, о чем свидетельствует количество размещенных запросов о даче разъяснений положений документации об электронном аукционе, число которых доходило до 26.

В совместных межрегиональных закупках, проанализированных нами, участвовали одни и те же поставщики, которые, в свою очередь, являются крупнейшими производителями спортивного инвентаря и оборудования в Российской Федерации.

По итогам исполнения контрактов, заключенных в рамках реализации регионального проекта «Спорт – норма жизни», победителями совместных торгов был поставлен товар, качество которого соответствовало самым высоким нормам. Преимущественный объем поставленного товара, а именно 98,47 % составили товары отечественного производства.

Совместная закупка выгоднее и представляет больший интерес именно для крупных отечественных производителей, так как небольшие производители чаще всего не рентабельны. Крупные отечественные производители, обладающие соответствующими мощностями и производящие товар высокого качества, не выходят в мелкие закупки, опубликованные в отдаленных регионах как минимум из-за высоких расходов на логистику.

Важно подчеркнуть, что с увеличением числа потенциальных поставщиков наблюдается положительная динамика экономии бюджетных средств и прежде всего это связано с тем, что при наличии нескольких участников в процедуре аукционного торга происходит снижение НМЦ. Сэкономленные в 2019 году денежные средства могли быть перераспреде-

лены на приоритетные цели в рамках реализации обозначенных направлений. С 2020 года, к сожалению, сэкономленные денежные средства полностью возвращаются главному распорядителю бюджетных средств (что снижает заинтересованность заказчиков в экономии федеральных субсидий).

Все контракты, заключенные самостоятельно по итогам закупок, были исполнены, но некоторые – с нарушением сроков поставки товаров. На участие в столь небольших в финансовом плане закупках ни отечественные, ни иностранные производители не подали заявки. Поэтому победителями аукционов, преимущественно стали индивидуальные предприниматели. Ни о какой переработке товаров речи не идет, следовательно, данный товар мог быть приобретен по цене значительно ниже заявленной.

В исследуемых закупках побеждали участники, которые никакого отношения к спортивному инвентарю не имеют. При участии в процедуре торгов они снижали цену товара до самого минимума с целью вытеснения добросовестных поставщиков качественного товара, заключения контракта и получения, пусть даже незначительной прибыли. В дальнейшем, при исполнении такого контракта существенно нарушались сроки поставки товаров, из-за того, что на приемку привозился товар, не соответствующий требованиям технического задания, а заказчик, не имея возможности его принять, требовал замены поставленного товара.

В рамках исследования нами был проведен опрос лиц, осуществляющих приемку товара по имеющимся контрактам. В подавляющем большинстве сотрудники Министерства спорта высказались относительно невысокого качества поставляемого товара. Это связано с тем, что поставщик, выигравший процедуру, из-за низкой цены контракта не мог приобрести качественный и сертифицированный товар напрямую у производителя в Китае, Пакистане или Тайване. Претензии по качеству товара поставщикам предъявлялись в устной форме, но приемка товара по факту была произведена, потому как товар формально техническим требованиям соответствовал, а вероятность того, что поставщик сможет его заменить была крайне мала. Расторгать контракты с поставщиком по инициативе заказчика являлось нецелесообразным в связи со сложностью опубликования повторной процедуры закупок, а также в связи с длительными сроками решения возникшей проблемы.

Таким образом, сравнительный анализ реализации национального проекта «Демография» через механизм использования совместных закупок и участия как самостоятельного заказчика, позволяет сделать вывод о наличии как положительных, так и отрицательных моментов в обоих вариантах. Так, использование механизма совместных закупок по-

зволяет обеспечить высокое качество поставляемых товаров, в том числе через привлечение крупных отечественных производителей. Участие в качестве самостоятельного заказчика, как было показано ранее, как правило, сопряжено с поставками товаров более низкого качества. В то же время использование данного механизма позволяет обеспечить более высокую экономию денежных средств через привлечение к участию в торгах большего количества участников.

Основной проблемой реализации закупок через самостоятельное участие в качестве Заказчика, является низкое качество продукции иностранного производства.

За период 2017-2020 гг. Единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС) претерпела очень большие изменения. Программное обеспечение постоянно обновляется, появляется дополнительный функционал системы, который можно использовать в целях внедрения подсистем мониторинга. На наш взгляд, такой потенциал ЕИС возможно использовать в целях улучшения качества поставляемого товара и повышения эффективности государственных закупок.

В настоящий момент добросовестность поставщика подтверждается только при условии снижения цены не менее, чем на 25 % и наличия трех контрактов в общем реестре исполненных без применения пеней и штрафов. Других вариантов в настоящий момент времени не существует.

Авторами предлагается алгоритм, позволяющий проводить оценку доверия к поставщику с использованием основных рискоемких критериев.

Одним из факторов, способным повысить качество поставляемой продукции, может стать введение предлагаемого нами «коэффициента доверия поставщику».

Для расчета данного коэффициента нам видится необходимым проводить оценку того, насколько хорошо и качественно тот или иной поставщик исполнил контракт. Поскольку заказчик даже в случае лишь формального соответствия товара не заинтересован в выставлении претензии поставщику вследствие возможных сложностей, нам кажется возможным учитывать уровень его удовлетворенности после завершения исполнения контракта. Далее предлагается авторское видение возможного определения уровня удовлетворенности заказчика по поставляемым товарам, работам и услугам (далее – ТРУ). Оценку следует выставлять в долях от единицы (см. Таблицу).

Наличие обратной связи с поставщиком наряду с качеством ТРУ является немаловажным фактором. Зачастую поставщик при исполнении контракта может не выходить на связь при возникновении у заказчика каких-либо вопросов. Либо адрес поставщи-

Авторская шкала оценки уровня удовлетворенности заказчика по поставляемым поставщиком ТРУ

№ фактора	Наименование оцениваемого показателя	Шкала оценки, баллы
1.	Качество поставленных ТРУ поставщиком	76-100 качество соответствует ожиданиям в полной мере 51-75 имеются незначительные отклонения от ожидаемого качества 26-50 отклонения качества заметны, но не существенны 0-25 качество не соответствует
2.	Наличие обратной связи с поставщиком при исполнении контракта или ведении претензионной работы	76-100 полностью удовлетворен 51-75 скорее удовлетворен 26-50 скорее не удовлетворен 0-25 не удовлетворен
3.	Срок исполнения контракта	76-100 контракт исполнен досрочно в полном объеме 51-75 контракт исполнен в установленные сроки в полном объеме 26-50 контракт исполнен с нарушением установленных сроков в полном объеме 0-25 контракт не исполнен или исполнен частично с нарушением срока
4.	Наличие пеней и штрафов по итогам исполнения контракта	76-100 контракт исполнен без претензий, пеней и штрафов 51-75 контракт исполнен, пеня начислена и оплачена поставщиком 26-50 контракт исполнен, с пенями и штрафами 0-25 контракт не исполнен или исполнен частично, начислена пеня и штраф

ка, указанный в контракте, находится по месту массовой регистрации юридических лиц, и направленные почтовые уведомления до него не доходят.

Срок исполнения контракта также влияет на уровень удовлетворенности заказчика, так как нарушить установленные контрактом сроки.

Наличие пеней и штрафов свидетельствуют о том, насколько добросовестно поставщик выполнил свои обязательства по контракту.

Данную шкалу целесообразно расположить в реестре контрактов в ЕИС, доступ к оценке будет иметь только заказчик из личного кабинета. При закрытии контракта и отправке на контроль в казначейство, заказчик сможет выставить свою оценку удовлетворенности итогом исполнения контракта поставщиком.

Еще одним немаловажным, на наш взгляд, фактором является стоимость поставок, в которых участвовал рассматриваемый нами поставщик, а также уровень экономии, как показатель реальности закуп-

ки и конкурентоспособности поставщика как участника предыдущих закупок.

Итак, предлагаемый нами интегральный «коэффициент доверия поставщику» может быть рассчитан путем умножения полученного уровня удовлетворенности заказчиков в контракте, который нами был рассмотрен выше, на уровень полученной экономии в этом же контракте. Нам кажется необходимым корректировать данный показатель в зависимости от числа исполненных контрактов.

Введение показателя «коэффициент доверия поставщику» позволит ранжировать участников торгов по качеству предоставляемых ими товаров, работ и услуг, ограничить возможность участия недобросовестных поставщиков в торгах и способствовать созданию ИТ-подсистемы анализа хода закупок в рамках существующей ЕИС, которая будет осуществлять мониторинг процессов и результатов, высвечивать сбои и отклонения, готовить автоматические блокировки.

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд Алтайского края : постановление Администрации Алтайского края от 30 декабря 2013 года № 712 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текст. дан. – [Москва], 2005–2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.11.2021).
2. Отчет о деятельности Министерства экономического развития Алтайского края за первое полугодие 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://econom22.ru/about/activity/doklady-o-deyatelnosti-glavnogo-upravleniya-ekonomiki-i-investitsiy-altayskogo-kрая> (дата обращения 03.12.2021).

References

1. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet the state and municipal needs of the Altai Territory: Decree of the Administration of the Altai Territory dated December 30, 2013 № 712 // Official Internet portal of legal information. – Electron. text. Dan. – [Moscow], 2005–2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 06.11.2021).
2. Report on the activities of the Ministry of Economic Development of the Altai Territory for the first half of 2020. [Electronic resource]. URL: <https://econom22.ru/about/activity/doklady-o-deyatelnosti-glavnogo-upravleniya-ekonomiki-i-investitsiy-altayskogo-kрая> (accessed 03.12.2021).

Третьякова Лариса Александровна,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры Менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород,
lora_tretyakova@mail.ru

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
lisoaekaterina78@gmail.com

СМЕЩЕНИЕ ВЕКТОРА ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СТОРОНУ СОЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Аннотация. Описаны основные подходы к оценке уровня регионального социально-экономического развития. Отмечаются тенденция доминирования социальной компоненты над экономической составляющей. Предложена классификация показателей социальной направленности. Подробно описаны блоки сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели», содержащие показатели уровня социального регионального развития. Приводятся результаты анализа показателей уровня такого развития.

Ключевые слова: экономический рост, социальное региональное развитие, показатели социальной направленности, классификация показателей социальной направленности.

Larisa A. Tretyakova,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of Management and Marketing, Belgorod state national research University, Belgorod,
lora_tretyakova@mail.ru

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and municipal administration and constitutional law, Institute of business career, Moscow,
lisoaekaterina78@gmail.com

THE SHIFT OF THE REGIONAL DEVELOPMENT ASSESSMENT VECTOR TOWARDS THE SOCIAL COMPONENT

Abstract. The main approaches to assessing the level of regional socio-economic development are described. The tendency of the dominance of the social component over the economic component is noted. The classification of indicators of social orientation is proposed. The blocks of the collection "Regions of Russia, socio-economic indicators" containing indicators of the level of social regional development. The results of the analysis of indicators of the level of such development are given.

Keywords: economic growth, social regional development, indicators of social orientation, classification of indicators of social orientation.

Достаточно давно сложившаяся тенденция оценивать уровень регионального развития с помощью показателей социально-экономической направленности в последнее время претерпевает некоторые изменения. Экономический рост, традиционно считавшийся основным индикатором развития любой территории (как количественным, так и качественным) [1; 2], на сегодня фактически конкурирует напрямую с индикаторами социальными.

Такое положение дел, сложившееся, в первую очередь, в экономиках более развитых западных государств, уже замечено и на всех уровнях отечественной экономики, что формирует доминирование показателей социальной направленности над показателями экономическими.

Специалисты выделяют целый ряд причин, объясняющих закономерности данного процесса, основной из которых следует признать возникновение так называемой «новой экономики» [3; 4], характери-

зующейся доминированием сферы услуг, повсеместного использования всемирной сети Интернет, компьютеров и информационных технологий.

Вполне понятно, что описание таких процессов требует для регионов информационной, а скорее даже количественной поддержки, базирующейся на показателях социальной направленности.

На сегодня отсутствие единых подходов к выбору социальных индикаторов социального регионального развития, единых методик подсчета его интегрированных показателей существенно затрудняют исследования в данной области.

Обращаясь к эмпирической базе индикаторов, существующих для оценки социальной сферы регионов необходимо, в первую очередь, отметить сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» [5], являющимся на сегодня наиболее полным и всеобъемлющим источником информации.

На наш взгляд, все представленные в сборнике показатели социальной направленности можно раз-

делить на четыре основные группы [6]. Классификация данных показателей показана в Таблице 1.

Предлагаемая классификация представляется весьма значимой при постановке задачи о нахождении интегрального показателя социального развития регионов, поскольку принадлежность конкретного показателя к той или иной группе фактически определяет его вклад в данный индикатор.

Числовые значения показателей групп 1 и 2 можно непосредственно использовать для расчетов, показатели группы 3 представляется возможным включать в расчеты только после определенной формализации и придания им компаративного характера, показатели группы 4 можно применять только во вспомогательных расчетах.

В Таблице 2 представлены основные блоки сборника, содержащие показатели уровня социального регионального развития.

Рассмотрим показатели, входящие в состав каждого из перечисленных блоков подробнее.

Таблица 1

Классификация показателей социальной направленности

Номер группы	Характеристика показателей
Группа 1	Очевидные показатели, прямо пропорциональные уровню социального развития региона.
Группа 2	Очевидные показатели, обратно пропорциональные уровню социального развития региона.
Группа 3	Неочевидные показатели, влияние которых на уровень социального развития региона не является очевидным, может носить двоякий характер.
Группа 4	Информативные показатели, непосредственно не связанные с уровнем социального развития региона, которые могут использоваться в формулах для расчета других показателей.

Таблица 2

Основные блоки сборника, содержащие показатели уровня социального регионального развития

№ п/п	Наименование блока сборника
1.	Население.
2.	Занятость и безработица.
3.	Уровень жизни населения.
4.	Образование.
5.	Здравоохранение.
6.	Культура, отдых и туризм.
7.	Земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды.
8.	Строительство.
9.	Торговля и услуги населению.
10.	Транспорт.
11.	Информационные и коммуникационные технологии.
12.	Наука и инновации.
13.	Цены и тарифы.

1. Население.

Данный раздел содержит показатели всех четырех групп. Например, такие показатели как суммарный и общий коэффициенты рождаемости, а также ожидаемую продолжительность жизни при рождении можно отнести к показателям первой группы классификации. Показатели смертности (младенческой, общие коэффициенты, в трудоспособном возрасте) и ряд других можно отнести ко второй группе показателей.

Раздел содержит достаточное количество показателей третьей группы, к которым относятся, например, коэффициенты миграционного прироста, численность беженцев и др. Достаточно важные показатели численности населения и ежегодная численность населения принадлежат к четвертой группе классификации.

2. Занятость и безработица.

В данном блоке информации также содержатся показатели всех четырех групп. Уровень занятости населения и уровень занятости населения в трудоспособном возрасте являются показателями первой группы. В то время как уровень безработицы и число зарегистрированных безработных относятся ко второй группе показателей.

К третьей группе можно отнести численность иностранных граждан, имеющих разрешение на работу, а также забастовки. В состав четвертой группы показателей входит индикатор рабочая сила.

3. Уровень жизни населения.

Данный раздел сборника, на наш взгляд, является наиболее значимым, поскольку целый ряд исследователей [7; 8; 9] практически отождествляют уровень жизни населения или качество жизни с уровнем социального развития региона.

Показатели данного блока в большинстве своем относятся к первой или второй группам классификации. Все показатели, связанные с доходами или размером заработной платы, а также потреблением продуктов питания, относятся к показателям первой группы. В то же время, индикаторы, отражающие любые виды расходов (потребительские расходы в среднем на душу населения и др.) являются показателями второй группы.

Раздел практически не содержит индикаторов третьей группы, в то время как численность пенсионеров можно отнести к показателям четвертой группы.

4. Образование.

Подавляющее большинство показателей данного блока информации относится к показателям четвертой группы классификации, поскольку они представлены в абсолютных единицах измерения (имеются в виду студенты и их численность, квалифицированные рабочие и служащие, обучающиеся по программам подготовки или число докторантов, например).

Некоторые показатели можно отнести к первой группе классификации (охват дошкольным образованием). Индикаторы, принадлежащие ко второй или третьей группам классификации, в данном разделе практически не представлены.

5. Здравоохранение.

Данный раздел содержит наименьшее количество показателей, причем показатели первой группы отсутствуют. Во вторую группу входят показатели численности населения на одну больничную койку и заболеваемости на 1000 человек населения.

Не удается выделить показатели третьей группы, в то же время к четвертой группе показателей можно отнести число больничных коек и численность врачей всех специальностей.

6. Культура, отдых и туризм.

Данный блок представлен некоторыми показателями первой группы – индикаторами численности зрителей театров, числа посещений музеев и выпуска газет на 1000 человек населения. Показатели второй и третьей групп отсутствуют.

Число спортивных сооружений и общедоступные библиотеки можно отнести к показателям четвертой группы классификации.

7. Земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды.

Данный раздел содержит показатели, в основном описывающие экологические условия проживания. Они относятся как к первой, так и ко второй группам классификации.

Показатели третьей группы не содержатся в данном разделе, к четвертой группе классификации можно отнести общую земельную площадь.

8. Строительство.

В данном блоке информации наиболее интересным с точки зрения нашего исследования, является подраздел «Жилищное и социально-культурное строительство».

В данном подразделе содержатся показатели, относящиеся к первой и четвертой группам классификации. В частности, к первой группе можно отнести ввод в действие жилых домов (на 1000 человек населения). К показателям четвертой группы относятся ввод в действие жилых домов и ввод в действие квартир.

9. Торговля и услуги населению.

Данный раздел содержит показатели всех групп классификации за исключением второй. Например, к первой группе можно отнести оборот розничной торговли и индексы ее физического объема, а также показатели объема платных услуг (на душу населения).

Показатели удельного веса продажи отдельных товаров в общем обороте розничной торговли входят в третью группу. К показателям четвертой

группы можно отнести индикаторы оборота розничной торговли и объема платных услуг населению.

10. Транспорт.

Данный блок содержит показатели первой, второй и четвертой групп классификации. Если число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения является показателем первой группы, то показатели числа дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них на 100 000 человек населения относятся ко второй группе.

К четвертой группе можно отнести такие показатели перевозок пассажиров и пассажирооборота автобусов общего пользования, а также показатели, касающиеся автомобильных дорог общего пользования.

11. Информационные и коммуникационные технологии.

Данный раздел особо актуален в связи с описанными процессами цифровизации, протекающими на территории Российской Федерации. Используемые показатели относятся к первой (речь идет о числе персональных компьютеров на 100 работников, численности активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения) и четвертой (организаций, имевших веб-сайт, затрат на внедрение и использование цифровых технологий) группам классификации.

12. Наука и инновации.

Показатели, содержащиеся в данном блоке, также в той или иной мере формируют процессы цифровизации в РФ. Они, как и в предыдущем разделе, относятся к первой и четвертой группам классификации.

В частности, удельный вес организаций, которые осуществляют технологические инновации, в

общем числе обследованных организаций относится к первой группе. В то же время показатели численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками и капитальные затраты на научные исследования и разработки принадлежит четвертой группе.

13. Цены и тарифы.

В данном разделе содержатся подразделы «Динамики цен на потребительском рынке» и «Уровня и динамики цен на рынке жилья».

Показатели социальной направленности представлены в основном различными индексами (индексами потребительских цен, цен на первичном рынке жилья и др.), которые можно отнести к третьей группе классификации.

Некоторые другие показатели раздела, такие как стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг и средние цены на первичном рынке жилья относятся ко второй группе.

Таким образом, проведенный анализ показателей уровня регионального социального развития, представленных в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели», позволяет сделать следующие выводы:

- количество индикаторов сборника, имеющих социальную направленность, достаточно многочисленно;
- качественный состав показателей уровня социального развития регионов весьма разнороден и затрагивает практически все составляющие социальной сферы;
- наиболее значимые показатели уровня социального развития регионов на наш взгляд находятся в разделе сборника «Уровень жизни населения».

Список литературы

1. Кабирова А.С. Показатели социально-экономического развития региона / А.С. Кабирова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 128-132.
2. Сорокина Н.С. Основные показатели социально-экономического развития региона / Н.С. Сорокина // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 8(35). – С. 226-231.
3. Турковский С.Р. Новая экономика: сотрудничество, образование, наука / С.Р. Турковский // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 4(20). – С. 69-77.
4. Головастова Т.И. Новая экономика России и технический прогресс / Т.И. Головастова // Менеджмент: теория и практика. – 2019. – № 1-3. – С. 64-67.
5. Регионы России (социально-экономические показатели) [Электронный ресурс] / Росстат России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
6. Третьякова Л.А. Использование индикаторов социальной направленности для анализа уровня регионального развития / Л.А. Третьякова, Е.В. Лисова // Вестник Академии права и управления. – 2021. – №. 3(64). – С. 88-93.
7. Лисова Е.В. Качество жизни населения как индикатор социального развития региона / Е.В. Лисова // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2019. – № 3(27). – С. 14-16.
8. Авдеева С.Е. Уровень жизни населения РФ и инструменты его повышения: государство и бизнес / С.Е. Авдеева // NovalInfo.Ru. – 2020. – № 118. – С. 24-26.
9. Ахмедова А.М. Уровень жизни населения России: пути его улучшения / А.М. Ахмедова // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 2. – С. 282-285.

References

1. *Kabirova A.S.* Pokazateli social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona / A.S. Kabirova // *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya.* – 2019. – T. 13. – № 3. – S. 128-132.
2. *Sorokina N.S.* Osnovnye pokazateli social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona / N.S. Sorokina // *Alleya nauki.* – 2019. – T. 1. – № 8(35). – S. 226-231.
3. *Turkovskij S.R.* Novaya ekonomika: sotrudnichestvo, obrazovanie, nauka / S.R. Turkovskij // *Pravo. Ekonomika. Psihologiya.* – 2020. – № 4(20). – S. 69-77.
4. *Golovastova T.I.* Novaya ekonomika Rossii i tekhnicheskij progress / T.I. Golovastova // *Menedzhment: teoriya i praktika.* – 2019. – № 1-3. – S. 64-67.
5. Regiony Rossii (social'no-ekonomicheskie pokazateli) [Elektronnyj resurs] / Rosstat Rossii. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
6. *Tret'yakova L.A.* Ispol'zovanie indikatorov social'noj napravlenosti dlya analiza urovnya regional'nogo razvitiya / L.A. Tret'yakova, E.V. Lisova // *Vestnik Akademii prava i upravleniya.* – 2021. – №. 3(64). – S. 88-93.
7. *Lisova E.V.* Kachestvo zhizni naseleniya kak indikator social'nogo razvitiya regiona / E.V. Lisova // *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava.* – 2019. – № 3(27). – S. 14-16.
8. *Avdeeva S.E.* Uroven' zhizni naseleniya RF i instrumenty ego povysheniya: gosudarstvo i biznes / S.E. Avdeeva // *NovalInfo.Ru.* – 2020. – № 118. – S. 24-26.
9. *Ahmedova A.M.* Uroven' zhizni naseleniya Rossii: puti ego uluchsheniya / A.M. Ahmedova // *Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva.* – 2020. – № 2. – S. 282-285.

Луковенко Екатерина Дмитриевна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева,
город Самара,
ek4terin4d@mail.ru

Толстоброва Виктория Юрьевна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева,
город Самара,
tolstobrova_viktoria@mail.ru

Яшкина Ольга Романовна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева,
город Самара,
Yashkina_lelya@bk.ru

Глазунова Елена Зулфаровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и организации производства,
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, город Самара,
glazunovaelena@ssau.ru

ВЕДЕНИЕ БИЗНЕСА С ВНЕДРЕНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Проведен анализ особенностей управления и ведения предпринимательской деятельности при помощи внедрения и применения инновационных технологий. Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, цифровой трансформацией, наблюдаемой во всем мире, что формирует из инноваций и информационных технологий ключевые инструменты управления конкурентоспособности бизнеса. Рассмотрены предпосылки и причины развития инновационной экономики и цифровой трансформации предпринимательских субъектов. Проанализировано на примере экономики Российской Федерации тенденции развития инноваций. Рассмотрены перспективные направления внедрения инновационных технологий для цифровой трансформации бизнеса и реализации концепции «умного производства», чтобы способствовать повышению эффективности производственной деятельности.

Ключевые слова: инновации; инновационные технологии; информационные технологии; цифровая экономика; цифровизация; цифровая трансформация; ведение бизнеса; управление бизнесом.

Ekaterina D. Lukovenko,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara,
ek4terin4d@mail.ru

Victoria Yu. Tolstobrova,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara,
tolstobrova_viktoria@mail.ru

Olga R. Yashkina,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara,
Yashkina_lelya@bk.ru

Elena Z. Glazunova,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Organization of Production,
Korolev Samara National Research University, Samara,
glazunovaelena@ssau.ru

DOING BUSINESS WITH THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Abstract. The scientific article analyzes the features of management and business activities through the introduction and application of innovative technologies. The relevance of the study is due, first of all, to the digital transformation observed all over the world, which forms the key tools for managing business competitiveness from innovation and information technol-

ogy. Within the framework of the article, the prerequisites and reasons for the development of an innovative economy and the digital transformation of entrepreneurial entities are considered. The tendencies of development of innovations are analyzed on the example of the economy of the Russian Federation. Perspective directions for the introduction of innovative technologies for the digital transformation of business and the implementation of the concept of "smart production" in order to improve the efficiency of production activities are considered.

Keywords: innovations; innovative technologies; Information Technology; digital economy; digitalization; digital transformation; Doing Business; business management.

Современный этап развития любого сектора международной и российской экономики предполагает наличие активной фазы внедрения информационных технологий и инноваций компаниями в целях реализации своей стратегии цифровой трансформации. В таких условиях формируются новые вызовы и возможности развития бизнеса в цифровом мире (в частности, онлайн-среде, которая являлась альтернативной в период кризиса пандемии коронавирусной инфекции).

Актуальность научного исследования на выбранную проблематику обусловлена, в первую очередь, цифровой трансформацией, наблюдаемой во всем мире, что формирует из инноваций и информационных технологий ключевые инструменты управления конкурентоспособности бизнеса.

По этой причине, целью научной статьи выступает проведение анализа особенностей управления и ведения предпринимательской деятельности при помощи внедрения и применения инновационных технологий.

Для этого необходимо решение следующих задач, как:

1. Рассмотреть предпосылки и причины развития инновационной экономики и цифровой трансформации предпринимательских субъектов.
2. Проанализировать тенденции развития инноваций в экономике России.
3. Описать перспективные направления внедрения инновационных технологий для цифровой трансформации бизнеса и реализации концепции «умного производства».

Практическая значимость исследовательской работы заключается в том, что полученные результаты возможной эффективности инновационных технологий можно использовать при принятии управленческих решений на базе отечественных предприятий для определения вектора цифровой трансформации бизнеса.

Инновационная деятельность компаний – ключевой шаг к повышению конкурентоспособности бизнеса. В период кризиса пандемии Covid-19 цифровая трансформация экономической системы ускорилась. Вслед за нею происходит цифровизация бизнес-процессов и предпринимательской деятельности.

Многие организации ищут возможности увеличить экономическую эффективность не только производственной деятельности, но и реализации продукции конечному потребителю. Тем самым, формируются стимулирующие факторы развития инновационной активности, которая требует разработки и реализации различных проектов.

Одним из направлений стимулирования инновационной деятельности предприятий в современной экономике является ведение бизнеса с внедрением технологий, что возможно при помощи капитальных вложений или инвестиций в основной капитал.

В рамках финансового обеспечения инвестиций инновационной деятельности предприятий основным источником выступают собственные средства. Из привлеченных источников финансирования наиболее важными выступают коммерческое кредитование банков, венчурные фонды, бизнес-инкубаторы и акселераторы.

На примере экономики Российской Федерации можно проанализировать тенденцию развития бизнеса с внедрением цифровых технологий через динамику объема производства инновационных товаров и услуг, а также расходов на инновационную деятельность (см. Рисунок 1).

Таким образом, динамика объема производства инновационных товаров, услуг и работ в экономике России за период с 2010 по 2020 годы продемонстрировала увеличение с 1,243 трлн рублей до 5,189 трлн рублей.

Динамика размера расходов промышленных предприятий на инновационную деятельность за аналогичный период продемонстрировала также рост с 0,4 трлн рублей до 2,134 трлн рублей. И там, и там, наблюдался постепенный рост из года в год.

Анализируя развитие сектора информационных технологий и инноваций в экономике России, что играет важную практическую роль для инновационного развития бизнес-субъектов, стоит отметить динамику следующих показателей [2]:

- снижение числа занятых в данном секторе в периоде с 2015 по 2019 годы с 1,22 млн человек до 1,174 млн человек;
- увеличение валовой добавленной стоимости в данном секторе в периоде с 2015 по 2019 годы с 2,097 трлн рублей до 2,774 трлн рублей;

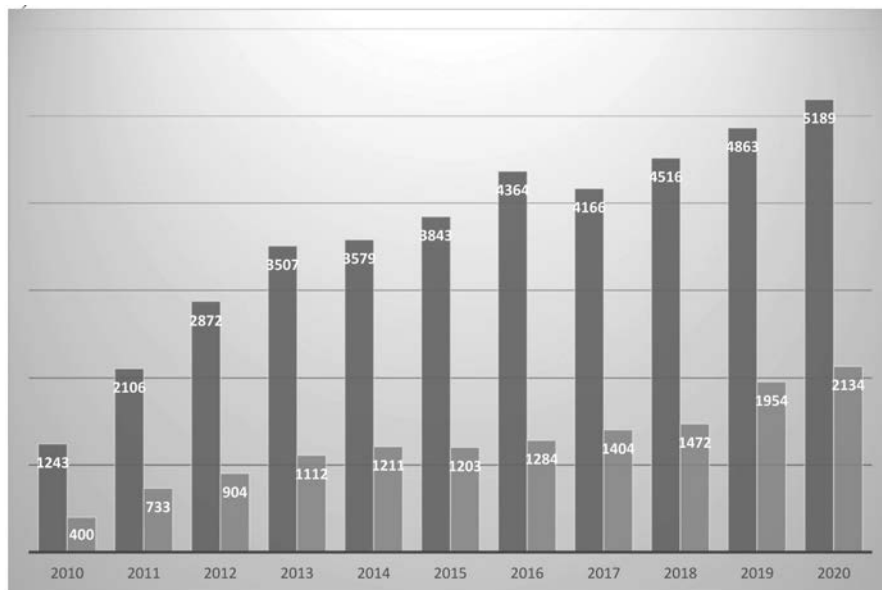

Рисунок 1. Динамика объема производства инновационных товаров и услуг, и расходов на инновационную деятельность, в млрд рублей [1]

• увеличение инвестиций в основной капитал в данном секторе в периоде с 2015 по 2019 годы с 428 млрд рублей до 753 млрд рублей.

Важно указать то, что главным барьером цифровой трансформации предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов в экономике Российской Федерации является высокая зависимость от импорта информационных технологий.

Так, в 2019 году экспорт товаров и услуг в секторе ИКТ составили 2,452 млрд долларов США и 5,489 млрд долларов США соответственно. Объем импорта – 21,505 млрд долларов и 5,244 млрд долларов США [8].

Одним из направлений ведения бизнеса и управление предприятием с помощью внедрения инновационных технологий является переход к концепции «умного производства». Данная стратегия является крайне актуальной именно для производственных предприятий.

Под понятием «умное производство» подразумевается максимально интенсивное и всеобъемлющее использование сетевых информационных технологий и киберфизических систем на всех этапах производства продукции и ее поставки. Умное производство неразрывно связано с Индустрией 4.0 – понятием, появившимся в стратегии немецкого правительства по развитию высоких технологий, предполагающей компьютеризацию производства [9].

На Рисунке 2 изображены основные инновационные технологии, которые формируют концепцию «умного производства» на базе производственного предприятия.

Таким образом, основные технологии умного производства производственных предприятий – это цифровые технологии, системы и умные производ-

ственные машины, позволяющие стимулировать цифровую трансформацию производства, управления и реализации продукции.

На сегодняшний день все большее число российских и зарубежных промышленных предприятий применяет различные виды технологий «умного производства» для повышения эффективности своей производственной деятельности. Для реализации такой стратегии развития необходимо увеличение уровня инновационной активности.

При анализе перспектив основных инноваций, которые могут использоваться в рамках концепции «умное производство», стоит отметить интернет-вещей.

К основным перспективам развития умного производства в системе IoT можно отнести:

- возможность использовать неоплачиваемого помощника/ассистента менеджеру с помощью использования определенных технологий и программ (например, наиболее актуальным является технология Amazon Alexa, которая выступает голосовым помощником на телефоне);
- возможность уйти от многозадачности управленческого процесса, которая позволит оптимизировать рабочее время и позволить его использовать более эффективно;
- возможность автоматизирования обслуживания офиса;
- возможность формирования автоматической коммуникации со своими подчиненными или потребителями при помощи специальных программ и ботов;
- совершенствование процесса контроля за деятельностью и эффективностью трудового процесса сотрудников предприятия.

Рисунок 2. Инновационные технологии «умного производства» производственного предприятия [3]

Наиболее высокий эффект влияния системы Интернет-вещей прогнозируется на следующие отрасли [4]:

- информационная и телекоммуникационная сфера (33 %);
- профессиональные технологические сервисы (15 %);
- индустрия развлечения и медиа (14 %);
- потребительский сектор (14 %).

Еще одним перспективным направлением внедрения инноваций при управлении стратегическим развитием бизнеса выступают облачные технологии. Облачные технологии – это новый сервис, который подразумевает удаленное использование средств обработки и хранения данных. С помощью «облачных» сервисов и бизнес-приложений можно получить доступ к информационным ресурсам любого уровня и мощности [5].

При помощи развитии облачных технологий предпринимательские субъекты получают следующие преимущества, среди которых [6]:

1. Формирование резервной копии коммерческой информации.
2. Формирование возможности быстрого тестирования новых разработок.
3. Автоматизация многих бизнес-процессов, не требующих привлечение дополнительных человеческих ресурсов.
4. Отсутствие необходимости создания собственной базы данных, дата-центра и приобретения вычислительного оборудования.

Одним из главных преимуществ облачных технологий и приложений при использовании бизнесом является то, что они более экономные и дешевые в

подключении и использовании, чем локальные бизнес-приложения. По этой причине, облачные технологии и приложения имеют такую возможность, как проводить оптимизацию финансовых расходов предприятий.

Помимо этого, важно учитывать еще один фактор – это то, что современное мнение компаний сводится к следующему: что ни одно предприятие не может развиваться на рынке и конкурировать с другими организациями, если работа компании и ее бизнес-процессы не автоматизированы при помощи информационных систем и цифровых сервисов, к которым и относятся облачные технологии и приложения [7].

Таким образом, российским и зарубежным предприятиям важно формирование стимулов развития сектора информационных технологий, инноваций и цифровизации, что поспособствует повышению уровня эффективности управления бизнесом.

Возможно, это при помощи таких мероприятий, как формирование объектов инфраструктурной поддержки, увеличение бюджетных ассигнований научно-образовательной сферы, создание государственной поддержки бизнес-инкубаторов и акселераторов.

На примере экономики России, важно отметить следующий характер интенсивного развития, который демонстрирует тенденцию увеличения объема производства инновационных товаров и услуг, и увеличение финансовых расходов организаций на инновационную деятельность.

Благодаря этому происходит развитие новых цифровых технологий и инноваций. Их практическое применение российскими предприятиями уве-

личивается. Соответственно происходят кардинальные изменения и улучшения на базе производственной деятельности организаций. Для государства

и национальной экономики – это положительный триггер в стимулировании роста валового внутреннего продукта.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 29.01.2022).
2. Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Ц75 К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 124 с.
3. Грязнов С.А. Умная промышленность и умное производство // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-2.
4. Маркеева А.В. Интернет вещей (IoT): возможности и угрозы для современных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2.
5. Романова И. Облачные технологии и их применение // Молодой ученый. 2016. № 17.1. С. 109-112.
6. Хажиева А.С. Облачные технологии: достоинства и недостатки // International scientific review. 2017. № 6 (37).
7. Балаев А.А. Перспективы работы современных информационных систем и облачных технологий на предприятии // Электронный научный журнал. 2017. № 2-1 (17). С. 64-67.
8. Хамурадов М.А., Эрбулатова И.А. Влияние инновации на экономическое развитие // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-7. С. 12-16.
9. Кудрявцева С.С., Шинкевич М.В., Клименко Т.И. Институт инноваций в развитии цифровой экономики: роль и особенности в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 5. С. 19-22.

References

1. Russian Statistical Yearbook. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (accessed: 29.01.2022).
2. Digital Economy: 2021: a brief statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, Ts75 K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg, etc.; National. research. uni-t "Higher School of Economics". – M.: HSE, 2021. – 124 p.
3. Gryaznov S.A. Smart industry and smart production // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 4-2.
4. Markeeva A.V. Internet of Things (IoT): opportunities and threats for modern organizations // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. № 2.
5. Romanova I. Cloud technologies and their application // Young scientist. 2016. № 17.1. pp. 109-112.
6. Khazhieva A.S. Cloud technologies: advantages and disadvantages // International scientific review. 2017. № 6 (37).
7. Balaev A.A. Prospects of modern information systems and cloud technologies in the enterprise // Electronic scientific journal. 2017. № 2-1 (17). pp. 64-67.
8. Khamuradov M.A., Erbulatova I.A. The impact of innovation on economic development // Trends in the development of science and education. 2020. № 62-7. pp. 12-16.
9. Kudryavtseva S.S., Shinkevich M.V., Klimenko T.I. Institute of Innovations in the development of the digital economy: role and features in Russia // Modern science: actual problems of theory and practice. 2021. № 5. pp. 19-22.

Якимов Роман Васильевич,

магистрант Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
yakimovroman45643@gmail.com

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена феномену распространения антропоцентричности в границы современного государственного и муниципального управления. Антропоцентричность является важнейшей движущей силой современного публичного управления. Необходимость обеспечения граждан реализацией их прав и обеспечением возможностей для благополучного развития является трендом наших дней. С целью выявления уровня антропоцентричной ориентации граждан и их отношения к самому феномену антропоцентричности нами было проведено социологическое исследование. Результаты исследования говорят о готовности граждан к участию в публичном управлении. Также мы пришли к выводу, что большинство граждан участвует в процессах партисипации в той или иной мере. Основная обеспокоенность граждан (в вопросе участия в партисипативных процессах) вызвана стереотипизацией государственного и муниципального управления и созданием образа управленческой машины, которая руководствуется принципами популизма.

Ключевые слова: антропоцентричность, государство, публичное управление, граждане, акторы, муниципальное управление, социологические исследования, публичная политика, стереотипы власти.

Roman V. Yakimov,

Master student, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University, Tomsk,
yakimovroman45643@gmail.com

ANTHROPOCENTRICITY AS A DRIVING FORCE OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. This article is devoted to the phenomenon of the spread of anthropocentrism within the boundaries of modern state and municipal government. Anthropocentricity is the most important driving force of modern public administration. The need to provide citizens with the realization of their rights and the provision of opportunities for successful development is the trend of our days. In order to identify the level of anthropocentric orientation of citizens and their attitude to the very phenomenon of anthropocentrism, a sociological study was carried out. The results of the study indicate the readiness of citizens to participate in public administration. Also, we came to the conclusion that the majority of citizens participate in participatory processes in one way or another. The main concern of citizens (on the issue of participation in participatory processes) is caused by the stereotyping of state and municipal government and the creation of an image of a managerial machine that is guided by the principles of populism.

Keywords: anthropocentricity, state, public administration, citizens, actors, municipal administration, sociological research, public policy, power stereotypes.

Антропоцентричность является важнейшей движущей силой современного публичного управления [1]. Необходимость обеспечения граждан реализацией их прав и обеспечением возможностей для благополучного развития является трендом наших дней [2]. С целью выявления уровня антропоцентричной ориентации граждан и их отношения к самому феномену антропоцентричности нами было проведено социологическое исследование.

Исследование проводилось в период с 1 по 28 февраля 2022 года и имело следующую выборку: Общее количество участников – 160, из которых, женщины – 100 респондентов, мужчины – 60 респондентов. Возраст участников: молодёжь (18-35 лет) – 40 респондентов, средний возраст (35-60 лет) – 90 респондентов, старший возраст (60-80 лет) – 30 респондентов.

Был использован онлайн-опрос среди жителей Томской области, в частности, города Томска в воз-

расте 18-80 лет. Выборка составила 160 человек. Методика онлайн-опроса была использована исходя из следующих соображений:

- популярности онлайн практик среди акторов [3];
- возможности оперативного сбора и обработки информации;
- относительного доверия акторов к анонимным онлайн-опросам в сфере политики и публичного управления;
- сложная эпидемиологическая ситуация, вызванная пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) могла иметь негативные последствия при очном опросе для респондентов и интервьюеров.

Реализуемое исследование было поделено на несколько условных блоков, способствующих глубинному изучению отношения акторов к антропоцентричности как основной тенденции современного публичного управления. Можно выделить следующие задачи проводимого исследования:

- выявление уровня удовлетворённости акторов публичным управлением;
- выявление мнения акторов относительно уровня антропоцентричности в публичном управлении;
- выявление отношения акторов к вовлечению граждан в публичное управление;
- выявление опасений, связанных с антропоцентричной повесткой публичного управления;
- выявление ожиданий и потребностей акторов от антропоцентричной повестки публичного управления.

Ниже раскрыты и проанализированы результаты социологического исследования. Из Рисунка 1 становится ясно, что акторы, в целом, удовлетворены современным публичным управлением. 60 % респондентов положительно отозвались о деятельности органов власти. Полученные результаты говорят о высоком уровне поддержки со стороны граждан принимаемых публичных. Следует отметить, что катего-

рически не удовлетворены деятельностью публичных институтов, в основном, представители молодёжи в возрасте 18-35 лет. В данной категории негативный ответ дали около 73 % респондентов.

По Рисунку 2 видно, что акторы осознают факт антропоцентричной ориентации современного публичного управления, лишь 29 % респондентов дали отрицательный ответ. Примечательно, что 48 % респондентов склонны согласиться с высказыванием, но они находятся в колеблющейся зоне. Это может быть вызвано сильным влиянием устоявшейся стереотипизации публичного управления [4] и слабой информационной политикой со стороны государства.

Социологическое исследование показывает, что 82 % респондентов положительно относятся к вовлечению граждан в публичное управление, мотивируя это следующими характеристиками:

- лучшей информированностью граждан положением дел;
- заинтересованностью граждан в решении проблем;
- важностью личного участия граждан в управлении;
- необходимостью общественного контроля за правительственным аппаратом;
- необходимостью прозрачности принятия публичных решений;
- ценностями демократического и гражданского общества.

18 % респондентов, которые считают, что граждане не должны вовлекаться в публичное управление мотивируют свой выбор следующими характеристиками:

- государственные институты более компетентны в решении проблем;
- не все граждане «достойны» участвовать в публичном управлении;
- лишь малое количество граждан готово потратить своё время на участие в управлении;

Рисунок 1. Удовлетворены ли Вы деятельностью государственных и муниципальных органов власти?

Рисунок 2. Как Вы считаете, выстраивают ли органы власти свою деятельность в зависимости от приоритетов и нужд граждан?

• участие граждан не имеет реального влияния на принятие решений.

Следует отметить, что 77 % граждан, давших отрицательный ответ, входят в возрастную категорию 50-80 лет, что можно интерпретировать как сильное влияние «советской» авторитарной системы управления на ментальность и восприятие управленческих стилей данной категорией респондентов. В силу возраста и жизненного опыта респондентам сложно перестраиваться под изменение управленческой парадигмы. Кроме того, следует отметить наличие коллективной памяти молодёжи о Советском союзе [5].

На вопрос – «Как Вы участвуете в публичном управлении» ответы респондентов поделились следующим образом: 63 % – хожу на выборы; 5 % – взаимодействую с депутатом в округе; 3 % – участвую в публичных слушаниях и обсуждениях; 14 % – участвую в опросах и обсуждениях в социальных сетях и на сайтах; 15 % – никакого участия не принимаю. Граждане, которые заявили, что никакого участия не принимают, мотивировали свой выбор следующими характеристиками: отсутствие информации, отсутствие доверия к власти, отсутствие интереса к публичному управлению. Описанные выше данные, говорят о слабом развитии институтов вовлечения граждан в публичное управление [6]. Основной механизм партисипации, который активно используется акторами – участие в выборах. Несмотря на это, абсолютное большинство акторов положительно относится к партисипативным практикам, что подтверждается и другими исследованиями [7]. Развивается система партисипации через использование электронных способов коммуникации [8].

Антропоцентричная повестка публичного управления может вызывать определённое недоверие граждан [9]. Что, впрочем, не всегда зависит от ин-

ститутов власти и может диктоваться комплексом социо-культурных факторов [10]. Так, на вопрос – «Есть ли у Вас опасения относительно сильной ориентации деятельности органов власти на потребности граждан?» ответы респондентов поделились следующим образом: 51 % – нет; 33 % – скорее нет; 9 % – скорее да; 7 % – да. Но в целом, 84 % респондентов дали отрицательный ответ, что говорит о потребности граждан в публичном антропоцентризме. Данные отражены на Рисунке 3.

Респондентам, давшим отрицательные ответы «да» и «скорее да», было предложено мотивировать свой ответ. Таким образом мы получили следующие группы ответов:

- принятие решений будет затруднено по причине вероятности его непринятия со стороны отдельных акторов;
- приоритетность приобретут потребности маргинальных групп, которых не поддерживает общество;
- такая ориентация будет являться лишь декларативной;
- невозможно учесть интересы и потребности всех групп населения.

Одновременно, были изучены ожидания и потребности акторов, относительно распространяющейся антропоцентричной повестки государства. По данному пункту респонденты давали развёрнутые ответы, которые можно разделить на следующие группы потребностей:

- необходимость создания дополнительных механизмов вовлечения граждан в публичное управление;
- необходимость широкого информационного освещения существующих механизмов соуправления;
- разработка механизмов непосредственного (персонального) вовлечения актора в процесс принятия решения;

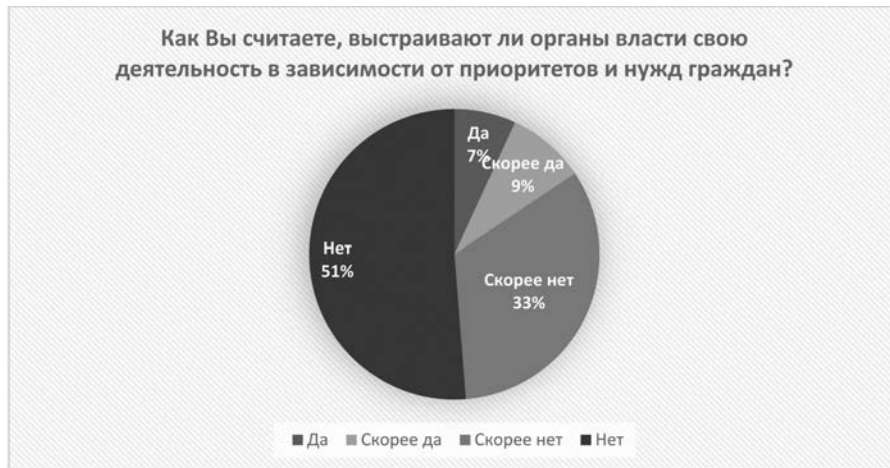

Рисунок 3. Есть ли у Вас опасения относительно сильной ориентации деятельности органов власти на потребности граждан?

- индивидуализация публичного управления;
- усиление адресной поддержки акторов со стороны государства.

Результаты исследования говорят о готовности граждан к участию в публичном управлении. Также, мы пришли к выводу, что большинство граждан

участвует в процессах партисипации в той или иной мере. Основная обеспокоенность граждан (в вопросе участия в партисипативных процессах) вызвана стереотипизацией государственного и муниципального управления и создания образа управленческой машины, которая руководствуется принципами популизма.

Список литературы

1. Туманян Г.В. Антропосоциетальный подход в контексте трансформаций парадигмы публичного управления. Партисипативное управление в «сервисном» государстве // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2020. № 1. С. 206-219. DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-1-206-219.
2. Головина А.А. Проблемы формирования системы управления государственной службой Российской Федерации на современном этапе // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2015. № 1. С. 112-116.
3. Туманян Г.В. Дистанционное электронное голосование как этап развития антропоцентричного публично-го управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 306-310. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-306-310.
4. Воронин М.Ю., Моисеенко Л.В., Викулина М.А. Некоторые особенности стереотипизации негативных аспектов образа власти // Социально-политические науки. 2020. № 5. С. 13-19. DOI 10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19.
5. Ковадин М.А., Фофанова К.В. Советский союз как часть коллективной памяти молодежи: социологический анализ // Социальные нормы и практики. 2020. №3. С. 6. DOI 10.24411/2658-5472-2020-00006.
6. Груднов Д.В. О важности эффективного выстраивания деятельности в социальных сетях государственных и муниципальных органов власти // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12. С. 500-501.
7. Якимов Р.В. Современные подходы к городскому планированию. Есть ли необходимость в общественном участии? // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1. С. 118-122. DOI 10.47629/2074-9201_2021_1_118_122.
8. Груднов Д.В. Электронное участие граждан в процессе становления «сервисно» ориентированного государства. О роли государственных социальных сетей // Вестник МГЭИ (on line). 2020. №1. С. 48-59. DOI 10.37691/2619-0265-2020-0-1-48-59.
9. Оболенский А.В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 3. С. 34-44.
10. Реутов Е.В. Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе // Средне-русский вестник общественных наук. 2018. №1. С.12-20.

References

1. Tumanyan G.V. Anthroposocietal approach in the context of transformations of the paradigm of public administration. Participatory management in the "service" state // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. 2020. № 1. S. 206-219. DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-1-206-219.
2. Golovina A.A. Problems of formation of the management system of the public service of the Russian Federation at the present stage // Scientific notes of the Tambov branch of ROSMU. 2015. № 1. pp. 112-116.

3. *Tumanyan G.V.* Remote electronic voting as a stage in the development of anthropocentric public administration // State and municipal management. Scientific notes. 2022. № 1. pp. 306-310. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-306-310.
4. *Voronin M.Yu., Moiseenko L.V., Vikulina M.A.* Some features of stereotyping the negative aspects of the image of power // Socio-political sciences. 2020. № 5. pp. 13-19. DOI 10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19.
5. *Kovadin M.A., Fofanova K.V.* The Soviet Union as part of the collective memory of youth: a sociological analysis // Social norms and practices. 2020. № 3. P. 6. DOI 10.24411/2658-5472-2020-00006.
6. *Grudnov D.V.* On the importance of effective alignment of activities in social networks of state and municipal authorities // Eurasian legal journal. 2020. № 12. P. 500-501.
7. *Yakimov R.V.* Modern approaches to urban planning. Is there a need for public participation? // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2021. № 1. pp. 118-122. DOI 10.47629/2074-9201_2021_1_118_122.
8. *Grudnov D.V.* Electronic participation of citizens in the process of becoming a «service» oriented state. On the role of state social networks // Vestnik MGEI (on line). 2020. № 1. pp. 48-59. DOI 10.37691/2619-0265-2020-0-1-48-59.
9. *Obolonsky A.V.* Civil distrust of power as a prerequisite for political development // Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research. 2013. № 3. S. 34-44.
10. *Reutov E.V.* Factors of formation of social trust and distrust in the Russian society // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2018. № 1. pp.12-20.

Авдеев Данила Алексеевич,

студент магистратуры юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир
danilavdeev@yandex.ru

Danila A. Avdeev,

Master's student of the Law Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir

Авясов Максим Александрович,

старший преподаватель кафедры Права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал, город Сызрань
2848@paso.ru

Maxim A. Avyasov,

Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, полковник юстиции в отставке, Москва
svb-1956@mail.ru

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice, Moscow

Буллина Аксана Федоровна,

кандидат социологических наук, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь
aksana.bulina.1978@mail.ru

Aksana F. Bunina,

Ph.D. of Sociological Sciences, North Caucasus Federal University, Stavropol

Бурцев Юрий Алексеевич,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Таможенного права и организации таможенного дела, Московский психолого-социальный институт, Москва, профессор кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва
Yuriy-burtsev@mail.ru

Yury A. Burtsev,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Customs Law and organization of customs affairs, Moscow Psychological and Social Institute, Moscow, Professor at the Department of State and municipal administration and constitutional law, Institute of Business Career, Moscow

Воржев Иван Сергеевич,

аспирант кафедры Уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, город Казань
ivan-vorjev@rambler.ru

Ivan S. Vorzhev,

Postgraduate at the Department of Criminal law, Kazan Federal University, Kazan

Гиндулина Александра Денисовна,

студент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир
alexandra.gindulina@yandex.ru

Alexandra D. Gindulina,

student of the Law Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir

Гладышева Алла Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и менеджмента, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов
gladysheva_al@mail.ru

Alla V. Gladysheva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management, Derzhavin Tambov State University, Tambov

Глазкова Лилия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь
glazkova_lily@mail.ru

Lilia V. Glazkova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, North Caucasus Federal University, Stavropol

Глазунова Елена Зулфаровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и организации производства,
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, город Самара
glazunovaelena@ssau.ru

Elena Z. Glazunova,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Organization of Production,
Korolev Samara National Research University, Samara

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теоретической и специальной социологии
им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, Москва
Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Professor at the M.A. Budanova Department of Theoretical
and Special Sociology, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Дадажанова Екатерина Евгеньевна,

аспирант кафедры Налогообложения, учета и экономической безопасности,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, старший провизор
отделения организации закупок ГБУЗ Новосибирской области «Государственная Новосибирская
областная клиническая больница», город Новосибирск
kdadazhanova@gmail.com

Ekaterina E. Dadazhanova,

Postgraduate at the Department of Taxation, Accounting and Economic Security, Siberian Institute of Management –
a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior pharmacist
of the Procurement Organization Department of the «State Novosibirsk Regional Clinical Hospital», Novosibirsk

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва
tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising
and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Джималиев Залимхан Зубайраевич,

магистрант Академии Управления МВД России, Москва
dzhimaliev83@mail.ru

Zalimkhan Z. Dzhimaliev,

Student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Дорошенко Кирилл Олегович,

аспирант, Российский новый университет, Москва
Kdoroshenko77@gmail.com

Kirill O. Doroshenko,

Postgraduate, Russian New University, Moscow

Епифанов Олег Станиславович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте, город Рязань
yepifanov62@yandex.ru

Oleg S. Epifanov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Humanities,
Branch of Witte Moscow University, Ryazan

Жирнов Юрий Николаевич,

полковник полиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
Управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России, Москва
yuriyzhirnov@mail.ru

Yurii N. Zhirnov,

Police Colonel, Ph.D of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Management bodies
of internal affairs in the special conditions of the center of command-staff exercises,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Зобова Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Индустрии сервиса и туризма,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов
alena2020alena@yandex.ru

Elena V. Zobova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Service and Tourism Industry,
Derzhavin Tambov State University, Tambov

Козлов Василий Дорофеевич,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Экономики и управления бизнес-процессами,
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, город Княгинино
kozlov.kovado@yandex.ru

Vasiliy D. Kozlov,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Economics and Business Process Management,
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino

Кокшаров Сергей Викторович,

слушатель 2 курса, группы № 2 ГЗ-2026, Академия управления МВД России, Москва, полковник полиции,
начальник линейного управления Южно-Уральского управления МВД России на транспорте, город Челябинск

Sergey V. Koksharov,

2nd year student, group 2 GZ-2026, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Police Colonel, Head of the Line Department South Ural Transport Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Chelyabinsk

Кошелев Роман Игоревич,

аспирант кафедры Уголовного права, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, город Казань
rikoshelev@yandex.ru

Roman I. Koshelev,

Postgraduate at the Department of Criminal Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Крючков Матвей Алексеевич,

студент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир
kryuchkovmatv@yandex.ru

Matvey A. Kryuchkov,

Student, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir

Лавров Сергей Сергеевич,

слушатель Академии управления МВД России, Москва, майор внутренней службы, начальник тыла подразделения
тылового обеспечения Межмуниципального отдела «Первомайский» Министерства внутренних дел
по Тамбовской области, город Тамбов

lavrovsergej239@gmail.com

Sergey S. Lavrov,

Student, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Major of the Internal Service,
Head of the Rear Support Unit of the Inter-Municipal Department "Pervomaisky" of the Ministry of Internal Affairs
in the Tambov Region, Tambov

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления
и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва
lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and municipal administration
and constitutional law, Institute of business career, Moscow

Литвинова Юлия Евгеньевна,

аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, город Елец
excellennzz@gmail.com

Yulia E. Litvinova,

Postgraduate, Bunin Yelets State University, Yelets

Луковенко Екатерина Дмитриевна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, город Самара
ek4terin4d@mail.ru

Ekaterina D. Lukovenko,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara

Марусова Ирина Юрьевна,

индивидуальный предприниматель, город Барнаул
zubkova2007@mail.ru

Irina Yu. Marusova,

Entrepreneur, Barnaul

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры, Москва,
директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва
nauka@ideka.ru

Pavel O. Milov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career,
Moscow, Director of the Editorial and Publishing house, Russian New University, Moscow

Овчинников Владислав Сергеевич,

магистрант, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов
nickname68@yandex.ru

Vladislav S. Ovchinnikov,

Master's student, Derzhavin Tambov State University, Tambov

Палицына Дарья Владимировна,

аспирант кафедры Экономики и управления бизнес-процессами,
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, город Княгинино
ya.199517fttbkisru2011@yandex.ru

Darya V. Palitsyna,

Postgraduate at the Department of Economics and Business Process Management,
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino

Пасько Никита Эдуардович,

начальник отделения дознания дисциплинарной и административной практики Военной комендатуры,
ЗАТО Видяево, Мурманская область, слушатель Военного университета имени Князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва
paskonicita@yandex.ru

Nikita E. Pasko,

Head of the Department of Inquiry of Disciplinary and Administrative Practice Military Commandant's Office, Vidyaevov,
Murmansk region, student of the Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow

Петрова Роза Есеновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры КБ-12 Правовое обеспечение национальной безопасности,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
Petrova_r_e@mail.ru

Rosa E. Petrova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Legal maintenance of national security,
MIREA – Russian Technological University (RTU-MIREA), Moscow

Проценко Виолетта Вячеславовна,

студент Института кибербезопасности и цифровых технологий,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
protsenkovioletta@mail.ru

Violetta V. Protsenko,

Student of Institute Cybersecurity and Digital Technology,
MIREA – Russian Technological University (RTU-MIREA), Moscow

Рахманин Намиг Таирович,

кандидат исторических наук, директор информационно-консультационного центра доступа,
Институт деловой карьеры, город Электросталь
Elena-igupit@mail.ru

Namig T. Rahmanin,

Ph.D. of Historical Sciences, Director of the Access Information and Consulting Center, Institute of Business Career, Elektrostal

Романович Михаил Алексеевич,

аспирант, Южный федеральный университет (ЮФУ), город Таганрог
blagovidnii@mail.ru

Mikhail A. Romanovich,

Postgraduate, Southern Federal University, Taganrog

Румянцев Михаил Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, Москва, доцент департамента Юриспруденции, Московский институт современного академического образования, Москва
mikrumjancev@rambler.ru

Mikhail B. Rumyantsev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of business career, Moscow, Associate Professor at the Department of Jurisprudence, Moscow Institute of Modern Academic Education, Moscow

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики, Воронежский государственный технический университет, город Воронеж
382652@mail.ru

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh

Тарасова Юлия Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Права, Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал, город Сызрань
sangria80@yandex.ru

Yuliya A. Tarasova,

Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran

Татаринцев Станислав Геннадьевич,

начальник оториноларингологического отделения, Федеральное государственное казенное учреждение «425 военный госпиталь» Министерства обороны РФ, город Новосибирск
tsglor@gmail.com

Stanislav G. Tatarintsev,

Head of the Otorhinolaryngological Department, Federal State Institution "425 Military Hospital" of the Ministry of Defense of Russia, Novosibirsk

Толстоброва Виктория Юрьевна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, город Самара
tolstobrova_viktoria@mail.ru

Victoria Yu. Tolstobrova,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara

Торгашова Наталья Александровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики, менеджмента и организации производства, Заполярный государственный университет им. Н.М. Федоровского, город Норильск
nataltorg@rambler.ru

Natalia A. Torgashova,

Ph.D. of Economic Sciences, Assistant Professor at the Department of Economic, management and organization of production, Fedorovsky Polar State University, Norilsk

Третьякова Лариса Александровна,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры Менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород
lora_tretyakova@mail.ru

Larisa A. Tretyakova,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of Management and Marketing, Belgorod state national research University, Belgorod

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва
Ilya-fadeev@yandex.ru

Ilya A. Fadeev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department of Theory and public administration methodologies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Филимонова Анастасия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и М.Г. Столетовых, город Владимир
filimonova_ai508@mail.ru

Anastasia I. Filimonova,

Ph.D. of juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Stoletovy Vladimir State University, Vladimir

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва
Aleksandrcher@mail.ru

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Constitutional (State) and International Law, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Шафиева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры Общетеоретических дисциплин, Самарский государственный технический университет, Сызранский филиал, город Сызрань
mshafieva@mail.ru

Mariya A. Shafieva,

Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of General Disciplines, Syzran Branch of Samara State Technical University, Syzran

Якимов Роман Васильевич,

магистрант Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск
yakimovroman45643@gmail.com

Roman V. Yakimov,

Master student, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University, Tomsk

Яковлева Лариса Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и менеджмента, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, город Тамбов
lad2006@mail.ru

Larisa A. Yakovleva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov

Яшкина Ольга Романовна,

студент кафедры Экономики, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, город Самара, Yashkina_lelya@bk.ru

Olga R. Yashkina,

Student at the Department of Economics, Korolev Samara National Research University, Samara